ЛЕВ СИМКИН

ЕГО ПОВЕСИЛИ НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

АРХИВНАЯ ДРАМА

CORPUS

18+

В стране размываемой истории —
Лев Симкин из редких людей,
ее сохраняющих, даже — добывающих.

ВАДИМ АБДРАШИТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда начался Холокост? Кто разжег костер Всесожжения? Автор книги дает на эти вопросы вполне определенные ответы: массовое уничтожение евреев за то, что они родились евреями, началось летом 1941 года после вторжения нацистской Германии в Советский Союз, у истоков геноцида стоял обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции, высший фюрер СС и полиции на юге, а позднее и на севере России Фридрих Еккельн, ставший палачом Бабьего Яра и Рижского гетто. Это один из величайших злодеев великой войны, о котором до сих пор мало что известно. Автору пришлось по крупицам собирать сведения в архивах. К рассекреченным материалам Рижского процесса 1946 года, по приговору которого Еккельн был повешен, добавились материалы из американских и германских документальных хранилищ.

По ходу повествования автор приводит драматические истории, порой косвенно относящиеся к центральному персонажу книги. Так в ней оказались рассказы о судьбе митрополита, создателя Псковской православной миссии, в чьем убийстве обвинялся Еккельн, о спасенной одним из его соратников девушке из Рижского гетто, о незаконнорожденной дочери палача, о чудовищном нацистском проекте «Лебенсборн». Перед нами «архивная драма», удивительным образом являющая ничем не ретушированный ужас произошедшего.

- Лев Симкин
  - ○
  - ○
  - ○ Работа у них такая
    - ■
    - ■ И у него было сердце?
    - ■ Рационализаторы зла
    - ■ Психология зла — 1
    - ■ Тот, кто начал Холокост
    - ■ Свидетель
    - ■ Три источника
    - ■ Не просто работа
  - ○ Глава 1
    - ■
    - ■ Высшее без среднего
    - ■ Кавалер Железного креста
    - ■ «Расово грязная» женитьба
    - ■ Психология зла — 2

- Друзья
- Неудачник
- Психология зла — 3

○ Глава 2

-
- Пропагандист
- «Новая порода»
- «Штатный руководитель»
- Энергичные люди
- Психология зла — 4
- Против «религиозного дурмана»
- «Законно лишь то, что Германии впрок»

○ Глава 3

-
- Чувство такта
- «Ночь длинных ножей»
- «Еврейский вопрос»
- Новый человек в полиции

○ Глава 4

-
- Внутренняя борьба
- СД
- Гейдрих был высок и голубоглаз
- «Дело прочно, когда под ним струится кровь»

○ Глава 5

-
- Инцидент на «Съезде труда»
- Пьяный водитель
- Алкоголики
- Дивизия «Мертвая голова»
- История Цинглера

○ Глава 6

-
- «Источник жизни»
- Моника
- Внебрачные дети
- Моралист
- «В их тесный круг не каждый попадал»

○ Глава 7

-
- Эскадроны смерти
- «Маленькие гиммлеры»
- Убивать начали в Советском Союзе
- «Саботаж»

- Месть большевикам
- «Ну, с этой эмиграцией…»
- Новое свидетельство
- Протокол Ванзее

○ Глава 8
-
- Небывалый случай — у него была своя бригада палачей
- Психология зла — 5
- Уполномоченный
- «Акция по военному обычаю»
- Психология зла — 6
- «Укладка сардин»
- «Больной человек»
- Психология зла — 7
- Обычные убийцы
- Психология зла — 8
- Почему?
- Психология зла — 9

○ Глава 9
-
- «Большая акция»
- Эстафета смерти
- Никто не хотел убивать?

○ Глава 10
-
- Странная игра
- Кому выгодно?
- Долой сомнения
- Нехватка персонала
- Насчет детей
- «Организация труда»
- Банкеты смерти

○ Глава 11
-
- Час Розенберга
- Рижское гетто. Начало
- «Самоочищение» Риги
- Особняк на улице Вальдемара
- Психология зла — 10
- Недоплатили

○ Глава 12
-
- Подготовка

- Первые жертвы
- Синий автобус
- «Гиммлер остался доволен»
- Руководитель производства
- «Гуманисты»
- Психология зла — 11
- «Славная страница нашей истории»
- Палач с нарицательным именем

○ Глава 13

-
- Доброволец
- А Цукурс у него шофер
- Квартира Шапиро
- Румбула
- Долгая дорога в Рио
- Смерть в Монтевидео

○ Глава 14

-
- Ошибка Еккельна
- Их было четверо
- Адъютант
- А могло быть так
- А могло быть и так
- Другие евреи
- Рижский Мясник
- Рижский портной
- Секрет
- Памятник

○ Глава 15

-
- Лаборант Гурвич
- Сенсация
- Мыло
- История ГПБ

○ Глава 16

-
- «Второе крещение Руси»
- Обстоятельства убийства
- Признание

○ Глава 17

-
- Письма
- Дети викингов
- «Дина и Маша были здесь»

        - Детство Ренаты
        - Отцы и дети
        - Рената плачет
    - Глава 18
        -
        - Генеральские подвиги
        - «Как вы остались живы?»
        - Избранные места из переписки с друзьями
        - Напутствие фюрера
    - Глава 19
        -
        - Секретным указом
        - «Процессуалисты»
        - Суд идет
        - Трудности перевода
        - Линия защиты
        - Круглые цифры всегда врут
        - Приказ есть приказ
        - Служебная переписка
        - Награды
        - Любовь к порядку
        - Люди и вещи
        - Прения
        - Психология зла — 12
        - Рассказ о семи повешенных
    - «И расскажи сыну своему»[25]
    - Генри Резник
    - Документальные источники
    - Литература
    - Вкладка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Лев Симкин
Его повесили на площади Победы. Архивная драма

© Л. Симкин, 2018
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
© Г. Резник, послесловие, 2018
© ООО «Издательство „АСТ“», 2018
Издательство CORPUS ®

* * *

…3 февраля 1946 года в три часа дня в открытом кузове грузовика на площади Узварас (Победы) в Риге в мундире без знаков различия стоял с накинутой на шею петлей палач Рижского гетто — обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции Фридрих Еккельн. Рядом в ожидании казни стояли еще пять гитлеровских генералов и один полковник. В половине четвертого всем затянули петли, и водители грузовиков по команде одновременно дали газ.

Повешенных окружила толпа. Некоторые подбегали к трупам и били их палками. С Еккельна сдернули штаны. На следующий день он вновь висел одетым, только уже не в генеральские брюки с лампасами, а в солдатские. Тела раскачивались на виселице еще долго, покуда их не сняли и не похоронили.

…Начало Холокоста принято отсчитывать с января 1933 года — с момента прихода Гитлера к власти. Реже историки его относят к ноябрю 1938 года, когда свершилась Хрустальная ночь. Еще реже — к декабрю 1941 года, когда в кузове грузовика в концлагере Хелмно была оборудована газовая камера.

Никто не ведет отсчет с 22 июня 1941 года, когда германская армия и идущие следом отряды убийц из айнзатцгрупп перешли советскую границу. Или со следующего дня, когда Фридрих Еккельн приступил к обязанностям высшего фюрера СС и полиции на юге России (*HSSPF Russland-Süd*). Или с четырехдневного расстрела спустя два месяца, когда состоялось первое по-настоящему массовое убийство: в Каменце-Подольском по приказу Еккельна были убиты 23 600 человек — просто потому, что родились евреями. Бабий Яр был позже, и командовал там тоже он. И Рижское гетто — он.

Настоящая беда, назови ее греческим ли словом «холокост» (всесожжение), древнееврейским ли «шоа» (катастрофа), началась летом 1941 года. Вся нацистская Германия разводила костер Всесожжения, но разжег его не кто иной, как Фридрих Еккельн. Первый из тех, кого повесили на площади Победы.

Работа у них такая
Вместо предисловия

Цвет глаз средний
Цвет волос средний
Вес средний
Рост средний
Особые приметы — никаких
Число пальцев на руках — десять
Число пальцев на ногах — десять
Интеллект средний
А чего вы ожидали?
Когтей?
Выросших клыков?
Зеленой пены у рта?
Безумия?

Леонард Коэн

Все, что нужно знать об Адольфе Эйхмане

Марк Крысобой был добрым человеком, правда, «с тех пор, как ему переломили нос добрые люди, он стал нервным и несчастным». Адольф Эйхман был если не добрым, то по крайней мере не таким уж злым — обычным бюрократом, чернильным червем.

«Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» — так назвала Ханна Арендт свою знаменитую книгу, философский репортаж с судебного процесса 1961 года. Правда, судили Эйхмана за преступление, которое ну никак не назовешь банальным, — под его приглядом было убито 4 миллиона человек. Но, с другой стороны, все вполне банально — он просто «делал свою работу». Из «производственного» отчета возглавляемого им отдела гестапо IV-B-4 (август 1944 года), адресованного Генриху Гиммлеру, и взята та цифра — 4 миллиона. Цифра как цифра. Вот еще цифра — 6 миллионов или около того, то есть две трети всех евреев, живших в Европе перед Второй мировой войной, — мужчин,

женщин и детей, — погибших во время Холокоста.

Сам Эйхман никого не убивал. Потому так разволновался, услышав во время судебного заседания одно из свидетельств (впрочем, впоследствии судом отвергнутое), будто бы однажды до смерти забил еврейского мальчика. В такое волнение его не могло ввергнуть обвинение в том, что он послал на смерть миллионы. Если б ему приказали убивать евреев лично, говорил Эйхман на допросе у следователя, он бы пустил себе пулю в лоб.

«А чего вы ожидали? Когтей? Выросших клыков? Зеленой пены у рта? Безумия?»

Положа руку на сердце, я лично ожидал. Ожидал чего-то, что выделяло бы этого изверга из числа других людей. И уж никак не думал, что зло вполне себе банально, особенно зло такого масштаба, как это.

И у него было сердце?

«Пусть общество продолжает видеть во мне жаждущее крови животное, жестокого садиста, убийцу миллионов, ведь иначе широкие массы коменданта Освенцима представлять не могут, — сокрушался Рудольф Хёсс в своих воспоминаниях, законченных незадолго до казни в 1947 году. — Они никогда не поймут, что и у него было сердце, что он не был плохим».

Конечно, не был. Такая уж у Хёсса была работа. Поручили бы ему что другое — делал бы с тем же усердием. Иной раз Хёсс срывался, конечно, не без того: «Возможно, разозлившись на непорядок или на проявления халатности, с которыми я столкнулся, я сказал не одно плохое слово, позволил себе высказывания, которые не должен был себе позволять. Но я никогда не был жестоким — я никогда не доходил до издевательств».

Милые люди, такими их сделала работа. Или не совсем так? Или совсем не так, и зло есть зло, а добро есть добро, и вместе им не сойтись? Ну никак не укладывается в голове мысль о банальности зла, никак не получается растворить зло в окружающем мире, как бы убедительны ни были за то доводы. Во всяком случае, когда речь идет о массовых злодеяниях. Может, если поскрести этих людей, организаторов злодейств, найдется хоть что-то, что отличает их от обывателей?

Стоит ведь немного погуглить, и узнаешь, что тот же Хёсс сидел в тюрьме за убийство (!) и был выпущен оттуда только после прихода к власти нацистов. 31 мая 1923 года вдвоем с Мартином Борманом они убили учителя Вальтера Кадова. Тот, как они полагали, во время французской оккупации Рура (правомочной по условиям Версальского договора) выдал властям Лео Шлагетера, национал-социалиста, казненного за саботаж — взрыв на железной дороге. Они вывезли Кадова в лес, избили до полусмерти палками, потом перерезали горло и добили двумя выстрелами в голову.

Рационализаторы зла

Эйхман ни в чем таком замечен не был. По Ханне Арендт, то был ничтожный бюрократ, бездумно, но добросовестно выполнявший приказы начальства. Правда, это он сам изображал себя честным служакой. Ни разу за весь процесс не апеллировал к своим моральным или политическим убеждениям, к идеологии. Только к тому, что исполнял приказы. Да, они были несправедливы, да, уничтожение евреев было ужасным преступлением, но сам он был лишь винтиком бездушной машины.

На деле же Эйхман был вовсе не так прост. Он не тупо исполнял приказы, а делал то, что считал верным. Вот что его подчиненный Дитер Вислицени рассказал в свидетельских показаниях на Нюрнбергском процессе об их последней встрече в Берлине в феврале 1945 года: «Он сказал тогда, что если война будет проиграна, то он с улыбкой прыгнет в могилу, так как с удовлетворением сознает, что на его совести около 5 миллионов евреев».

Только недавно стали известны транскрипты секретных интервью 1957 года, взятых у Эйхмана в Буэнос-Айресе голландским журналистом Виллемом Сассеном, в прошлом нацистом. Сделанные им магнитофонные записи показывают нам настоящего Эйхмана, излагавшего свободно то, что думает, видя в собеседнике единомышленника. «Другие уже сказали, отныне буду говорить я» — так Сассен собирался озаглавить свою книгу, впрочем, так и не изданную.

Так вот, «ничтожный бюрократ», который, по Арендт, «не был способен думать», рассуждал — ни больше ни меньше — о философии Канта. И, разумеется, о «еврейской политике». «Если бы мы убили 10,3 миллиона наших заклятых врагов, то только тогда наша миссия была бы выполненной», — говорил Эйхман. Стало быть, считал порученное задание недовыполненным — не всех евреев Европы удалось уничтожить.

Справедливости ради надо сказать, что к аргентинским документам Арендт доступа иметь не могла. И посему ошибалась относительно глубины эйхмановского антисемитизма. Правда, антисемитизм был широко распространен в среде национал-социалистов, в этом смысле он был вполне обычен, банален. В той же степени банальным было зло, которое творилось не монстрами, а обыкновенными, ничем не выделяющимися людьми.

Обыденному сознанию трудно смириться с этой мыслью по причинам психологического свойства. Выходит, страшные

преступления совершаются такими же людьми, как мы с вами? Выходит, от любого при определенных обстоятельствах можно ожидать чего угодно? Или все же не от любого?

Как полагает Максимилиан Ауэ, эсэсовец-интеллектуал из романа Джона Лителла «Благоволительницы», «об Эйхмане писали много глупостей. Он, конечно, не был врагом человечества». Тем более что бесчеловечности вообще, по его мнению, не существует, все, что есть, — человеческое и еще раз человеческое.

Если вы думаете, что эсэсовцы состояли, как нас учили, сплошь из тупых лавочников, то ошибаетесь. 6 из 15 командиров айнзатцгрупп и айнзатцкоманд на востоке имели докторскую степень, половина из 14 участников Ванзейской конференции были докторами права. Среди 23 эсэсовцев, осужденных в 1948 году американским трибуналом в Нюрнберге (в их числе командиры айнзатцгрупп Отто Олендорф и Гейнц Йост), были экономисты, адвокаты, архитектор, оперный певец, дантист и даже бывший священник. И все, представьте, многословно доказывали судье Майклу Масманно (тот потом написал об этом целую книгу), что к евреям не питают и не питали никакой ненависти, просто действовали по приказу, старались производить казни милосердно, с одного выстрела в затылок, и сами страдали, выполняя адскую работу.

Персонаж романа Лителла и сам рад бы найти тихую бумажную работу в тылу, но тем не менее берет в руки пистолет и идет добивать умирающих евреев. По команде реального исторического персонажа — обергруппенфюрера СС Фридриха Еккельна.

«Еккельн рассудил, что траншеи заполняются слишком быстро; тела падали как придется, беспорядочно; много места пропадало зря, на рытье новых ям тратилось время; а так приговоренные, раздевшись, ложились ничком на дно могилы, стрелки стреляли в упор им в затылок… Потом офицер осматривал ряд и убеждался, что приговоренные мертвы; после этого тела покрывали тонким слоем земли и на них валетом ложилась следующая группа; когда накапливалось пять-шесть рядов, яму засыпали».

Задолго до Хёсса с его газовыми камерами Еккельн усовершенствовал метод массовых убийств, цинично назвав его «укладкой сардин» (*Sardinenpackung*).

Психология зла — 1

— Что есть зло? — спросил я у Сергея Ениколопова, психолога с мировым именем и едва ли не единственного в России специалиста по психологии зла. Его ответ меня слегка разочаровал.

— Зло, — ответил он, — результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении.

— Обычных ли? Неужели сила нацистского зла такова, что способна превратить в аморальных существ самых обычных людей?

— Да, обычных — в том смысле, что не безумных. Само явление масштабного зла, такого как геноцид, с трудом вмещается в наше сознание — оно бросает вызов рациональному пониманию, воспринимается как бессмысленное, иррациональное, как проявление безумия. Отсюда разговоры о паранойе Гитлера или Сталина. Это создает иллюзию объяснения, но никак не объясняет поведения соучастников Большого зла.

— Так что же заставляет человека участвовать в злых действиях? Ведь преступники, как и мы, воспринимают свои действия как шокирующие и отвратительные, так?

— Нет, не так. Они могут видеть все иначе и совершать массовые убийства для реализации своих идеалов, утопических проектов. Самое большое число жертв в истории пришлось, как известно, именно на них.

Тот, кто начал Холокост

Имя Фридриха Еккельна, высшего фюрера СС и полиции на юге, а потом на севере России, упомянуто в сотнях исторических трудов, однако большинству из нас ни о чем не скажет. А ведь так звали человека, который начал Холокост. Впрочем, слово «человек» здесь можно употребить разве что условно.

Фридрих Еккельн был первым, кто стал убивать в невиданном доселе масштабе. Мужчин и женщин. Стариков и детей. Палач Бабьего Яра и Рижского гетто, организатор «большой акции» в Бердичеве, о которой рассказал в «Черной книге» Василий Гроссман. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного злодеяния на оккупированной территории СССР, к которому он был бы непричастен.

Советский суд, перед которым предстал Фридрих Еккельн, на евреях не особо акцентировал внимание, а воспоминаний советские судьи не оставляли. В судебном приговоре «истребление еврейского населения» стоит на последнем месте, после «арестов и истребления советских, партийных и профсоюзных активистов, деятелей науки и искусства», «массовых арестов мирных советских граждан».

Еккельна судили зимой 1946 года в советской Риге. В зале Дома офицеров, где заседал военный трибунал Прибалтийского военного округа, рядом с ним на скамье подсудимых сидели еще пять гитлеровских генералов и один полковник — Зигфрид Руфф, Альбрехт Дижон фон Монтетон, Фридрих Вертер, Бруно Павель, Ганс Кюппер и Александр Беккинг. 3 февраля, на другой день после вынесения приговора, неподалеку, на площади Победы, все они были повешены. Такой, можно сказать, советский Нюрнберг.

Из материалов архивного уголовного дела (а это 20 пухлых томов по полтысячи страниц каждый) трудно понять, что это был за персонаж. К тому же процесс имел все присущие сталинской юстиции особенности. И все же в тех томах есть много такого, что способно пролить свет на личность интересующего меня лица.

— По каким мотивам уничтожали граждан еврейской национальности?

— По пропаганде, евреи должны были расстреливаться, потому что не могли продуктивно работать и жили как паразит в теле германского народа.

Отвечая на вопрос прокурора, Еккельн вторил Гиммлеру, приравнявшему евреев к «паразитам, подлежащим уничтожению». Но, как заметил Станислав Лем в своей «Провокации», «Гиммлер лгал, паразитов не подвергают мукам намеренно… Население

гетто вымерло бы самое позднее лет через 40, если учесть, как стремительно оно сокращалось от голода, болезней и непосильного принудительного труда. Следовательно, выбор кровавой развязки не был продиктован ничем, кроме как желанием убивать».

— Вы, конечно, разделяли точку зрения относительно евреев?

— Я эту точку зрения разделял, как большинство немцев.

Пусть так, недаром Ханна Арендт в опубликованной в 1944 году статье «Организованная вина» назвала немцев «народом, в котором так эффективно стерта черта, отделяющая преступников от нормальных людей». И все же Еккельн лукавил. Он не просто разделял эту людоедскую точку зрения.

Защита (адвокат Миловидов). Вопрос свидетелю Фрицу Блашеку, бывшему руководителю строительной группы войск СС и полиции (одному из подчиненных Еккельна):

— Когда Еккельн рассказывал о планах уничтожения евреев, как считает свидетель, было ли это личным планом Еккельна или программой той партии, членом которой состоял подсудимый?

— Личного мнения мы почти не имели. Еккельн был, однако, одним из тех, которые делали мнение. Среди этих делающих мнение было трудно иметь собственное мнение. Это касается не только меня, а в основном всего германского народа.

— Больше у меня вопросов нет.

Я держал их в руках, правда, не все 20, а только три тома с грифом «Секретно», с которыми мне любезно предоставили возможность ознакомиться в Центральном архиве ФСБ. Но, по счастью, копии остальных томов материалов дела, пусть и с отдельными изъятиями, оказались в библиотеке вашингтонского Мемориального музея Холокоста, причем в свободном, заметьте, доступе. Правда, там недоставало протокола судебного заседания, без которого вообще невозможно судить о процессе, — его мне разрешили изучить в Москве. Так что все-таки прав был Карл Радек, заметивший однажды: «Вершина знаний о человеке — архивы НКВД».

В музее Яд Вашем в Иерусалиме нашлись копии 140 оригинальных документов из личного дела Еккельна, хранившегося в Главном управлении кадров СС в Берлине. Среди них — четыре анкеты (заполненные в 1935, 1936, 1937, 1939 годах), представления о награждении, выписки из приказов, телеграммы, поздравления Еккельна, адресованные его начальникам и товарищам по нацистской партии и СС, газетные публикации, где упоминается его фамилия.

Судя по всему, Еккельн стремился подчистить свое личное дело, заботясь о том, чтобы в нем были только те документы,

которые показывали его с лучшей стороны. Во всяком случае, там есть несколько писем с просьбой внести те или иные пометки — когда и чем его наградили, присвоили очередное звание. Пришлось по крупицам собирать о нем сведения, рассыпанные по сохранившимся документам и немецким источникам. Но я сам никогда не одолел бы их массив, кабы не помощь историков Ильи Альтмана, Ивана Ковтуна, Никиты Петрова, Леонида Терушкина (Россия), Вадима Альцкана (США), Менахема Баркана, Григория Смирина (Латвия), Арона Шнеера, Полины Идельсон (Израиль), Хуберта Куберского (Польша) и примкнувшей к ним израильской пенсионерки Раисы Школьник, которая, узнав о моих планах из соцсетей, предложила перевести интересующие меня материалы с иврита.

Свидетель

И еще, конечно, Маргер Вестерман, 92-летний историк, основатель еврейского музея Риги. Он лично видел Еккельна. Дважды.

Первый раз — 9 декабря 1941 года на улице Лудзас, разделявшей пополам Рижское гетто. «Большого гетто» уже не существовало, все 25 тысяч его узников были убиты, одни — 1 декабря, другие — 8-го. 9 декабря в час дня 16-летний Маргер Вестерман из отгороженного «Малого гетто» увидел идущего по улице высокого эсэсовца в распахнутой генеральской шинели и с пистолетом в руке. По ту сторону улицы все еще шла зачистка, эсэсовцы искали спрятавшихся, раздавались выстрелы. От знакомого из полиции гетто он узнал, что это был тот, кто отдал приказ об уничтожении, — Фридрих Еккельн.

Второй раз он увидел Еккельна 3 февраля 1946 года на площади Победы. «Мы шли на казнь как на праздник, — рассказывал он мне. — Когда его вешали, мы с Яковом Баснером (еще один выживший узник гетто) кричали и плакали».

«Я еще не дожил до осуждения всех убийц», — помолчав, добавил Вестерман. И признался, что все минувшие годы живет одним чувством. Кто-то мог бы назвать его жаждой мести, но это будет ошибкой. Речь всего лишь о справедливости, справедливом возмездии, если хотите.

Три источника

Хотел бы упомянуть еще трех действующих лиц, с которыми я никогда не встречался, но без них вряд ли сложилась бы эта книга.

…Лет 10 назад я думать не думал о Еккельне, однако, наткнувшись в книжном магазине в Риге на толстую книгу о Рижском процессе, не удержался и купил ее. Множество ссылок и фото — автору, в отличие от меня, удалось ознакомиться со всеми материалами дела, сразу видно — серьезный труд. «Эшафот (О суде над немецкими генералами в Риге)» — так называлась эта книга, написанная Андрисом Грутупсом. Автор, как сразу выяснилось благодаря «Википедии», в недалеком прошлом мой коллега, бывший сотрудник советской прокуратуры, а в новые времена — известный адвокат, один из 100 латвийских миллионеров.

Но стоило мне начать читать, как я с удивлением обнаружил прям-таки апологетические пассажи: «Еккельн вину признал, сделал это честно и мужественно. По-разному можно оценивать этого человека. Но нельзя отрицать отваги генерала. Такое поведение всегда вызывает уважение… Что-то в этом человеке потрясало. Обвиняемый не оправдывался, не выкручивался…» Нечто подобное мне позже попалось на сайте немецких неонацистов с символическим названием: «Я немец, я не преступник». Еккельн, сказано там, на процессе вел себя гордо и — несломленный — умер по-геройски.

От знакомых рижан я узнал, что автор был изрядным антисемитом, винившим евреев во всем и в особенности в затеянных против него лично интригах. При этом, по свидетельству Маргера Вестермана, Грутупс не раз заходил в рижский музей «Евреи в Латвии», и потому для его основателя выход «Эшафота» был взрывом бомбы. Естественно, он не принял приглашение на презентацию книги в ресторане «Зеленый попугай» и больше с ее автором не здоровался.

Грутупса больше нет, он покоится на Лесном кладбище под дорогим памятником, который поставил сам себе за несколько лет до совершенного в 2014 году самоубийства. Но книга его живет. Автор успел подарить ее 277 латвийским школам. Так что, возможно, его взгляды прорастают в новом поколении, выросшем в постсоветские годы, на глазах которого проходили шествия бывших легионеров Ваффен-СС. Впрочем, как заметил упоминавшийся уже историк Григорий Смирин, вряд ли кто-то из детей смог осилить книгу Грутупса, поскольку она «страшно

нудная».

…Андрис Грутупс и Петр Крупников — оба рижане и полные антиподы. Один — едва ли не первым изучил материалы процесса и написал о нем толстый том, другой — сам был на том процессе переводчиком. Между прочим, последний не раз упомянут в «Эшафоте», с обязательным указанием — «еврей Крупников».

«В начале января 1946 года, будучи в Риге, я встретил на улице знакомую даму, которая сказала, что ужасно не хватает переводчиков, ибо готовится процесс, — рассказывал Крупников спустя годы. — Другие кандидаты в переводчики были в основном женщины и раненые мужчины, в то время как я все еще был командиром роты… Понравилась моя выправка, меня приняли, хотя погрозили пальцем: если бы не процесс, то за самоволку меня бы призвали к ответственности». В Риге он был в самовольной отлучке. Ну, не вполне в самовольной. «Если тебя поймают, ты будешь дезертиром, — сказал ему командир полка, — если не поймают, пей сколько хочешь». Таким, по его словам, было время: «Если человек в 1941 году договорился с товарищами встретиться после войны, то его не могли не отпустить, даже если „не положено“».

Став переводчиком на процессе, Крупников захотел воспользоваться возможностью поговорить с обвиняемыми и отправился в одну из актерских уборных Дома офицеров, где их держали в перерывах. «Солдат охраны меня туда не пускал. Я пошел к председателю суда и сказал, что хочу попасть к обвиняемым. „Зачем вам это нужно?“ — „Я историк, хочу поговорить с ними“. Он позвал коменданта — так я получил пропуск с особым примечанием, что могу ходить к подсудимым. Там сидели Еккельн, Павель и еще некоторые. Мы совершенно спокойно говорили о всяких вещах. К тому же они говорили охотно. Когда я позднее об этом рассказывал, многие мне не верили». Мы поверим и воспользуемся в дальнейшем его свидетельством.

…И, наконец, третий персонаж, его глазами я увидел некоторые страницы биографии Еккельна, — Бруно Штреккенбах, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции, занимавший в начале войны один из самых высоких постов в эсэсовской иерархии — начальника 1-го отделения РСХА, персонально ведавшего кадрами убийц.

Личные документы Еккельна сгорели в доме во время бомбежки Брауншвейга англо-американской авиацией. «… Мой дом был полностью разрушен террористическим нападением и сожжен, — писал Еккельн 25 ноября 1944 года начальнику

Главного управления кадров СС фон Герфу из Либау. — После того как станет немного спокойнее, я, возможно, смогу восстановить по памяти моменты моей биографии, но главное — смогу записать эти данные в личную анкету». Не смог, не успел.

По каким-то не известным мне причинам в хранящейся в Яд Вашем копии личного дела Еккельна из эсэсовской канцелярии почти ничего нет о его службе в СС и полиции до 1939 года. Ну, за исключением перечня должностей и регалий. Тут-то мне и пригодились материалы уголовного дела по обвинению Бруно Штреккенбаха, скопированные сотрудниками вашингтонского музея Холокоста.

9 мая 1945 года Штреккенбах, будучи командиром 19-й Латышской добровольческой дивизии СС, попал в советский плен. В мундире унтер-офицера, на который сменил свой генеральский китель. В чем он признался на первом же допросе. Этих допросов потом было великое множество, следствие тянулось аж семь лет, суд над Штреккенбахом состоялся только в 1952 году. Высокопоставленного убийцу, в отличие от Еккельна, не казнили, осудили к 25 годам тюрьмы — к моменту суда над ним действовал указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отказе от смертной казни». В 1955 году Штреккенбах вместе с другими военнопленными благополучно вернулся в Германию, умер своей смертью в 1977 году в Гамбурге — городе, где начинал свою карьеру в должности начальника гестапо.

Помимо протоколов допросов в материалах его дела чудесным образом оказались документы, которые обычно хранятся в других местах, — многостраничные пояснения Штреккенбаха по вопросам, не имевшим значения для обвинения, но интересовавшим советскую разведку и контрразведку. В них он подробно рассказывал о характере своей службы, давал характеристики сослуживцам, делился именами и приметами агентов. Есть там и характеристика Еккельна, и, главное, по этим документам можно составить представление о том, чем тот занимался в довоенные годы.

Не просто работа

…Не раз задавал я себе вопрос: что заставляет меня копаться в страшных документах, после чтения которых не спишь ночами, воображая состояние людей, спускавшихся в рвы смерти и укладывавшихся на тела убитых минутой раньше? Зачем пытаюсь сложить по крупицам личность одного из самых больших злодеев страшной войны? Настоящего, отнюдь не кабинетного убийцы, где-то далеко готовившего бумаги об убийстве абстрактных миллионов. Еккельн, в отличие от Эйхмана — «бухгалтера смерти», — был из тех, кто сам отдавал преступные приказы и подавал пример их исполнения.

Для Еккельна творимое им зло было не просто работой, позволявшей ему самовыражаться, он сам был беспримесным злом. Впрочем, сказать это, подразумевая, что он был бандит и садист, — значит упростить проблему, и в результате получится та же банальность, только с обратным знаком. Мало поможет и ссылка на антисемитизм — это всего лишь «такой хороший показатель наличия зла в человеке» (Эндрю Клейвен). Потому-то я и попытался просто вникнуть в обстоятельства жизни одного из его носителей.

В общем-то ясно, как должно было быть устроено государство, чтобы такие, как Еккельн, получили возможность безнаказанно злодействовать. Но ведь и оно само — кровное детище таких, как Еккельн, вот в чем дело.

Когда мир узнал о Холокосте, перевернулись все представления о зле — Холокост стал его мерилом. Но безмерное зло совершалось людьми. На последующих страницах вы увидите одного из них — отстающего ученика, рано оставшегося без отца, завидующего успешным одноклассникам-евреям, после — храброго добровольца, произведенного в офицеры на мировой войне и никому не нужного после нее, винившего в поражении тех же евреев, и, наконец, фанатичного нациста, сполна компенсировавшего свои прежние жизненные неудачи фантастической карьерой, а в частной сфере — донжуана, психопата и алкоголика. Увидите его среди соотечественников, униженных Версалем и поверивших лидеру нации, в компании соратников, любителей красивой формы и исполнителей преступных приказов — еще до того, как мир заплатил за их обиды и неустроенность. Это ведь они убивали, а не Гитлер с Гиммлером, восседавшие наверху кровавой пирамиды. Больше того, не без их участия страшная логика завела вождей рейха туда, куда она их завела.

Материала к биографии Еккельна, как я уже говорил, сохранилось немного, так что иногда у меня возникал соблазн домыслить тот или иной эпизод или даже плюнуть на проделанную работу и написать собирательный образ высокопоставленного эсэсовца, придав выдуманному персонажу черты Еккельна. От этой идеи я отказался после того, как прочитал книгу Лорана Бине «*HHhH*» о Рейнхарде Гейдрихе. Бине говорит, что «придумывать персонажей для лучшего понимания исторических фактов — все равно что подделывать доказательства» или даже «приносить отягчающие улики на место преступления, когда их там и так полно». Так что я не стал ничего придумывать, и в книге, которую вы держите в руках, писал только правду, «не торопясь вязать за связью связь, на цыпочки стиха не становясь, метафоры брезгливо убирая…» (Борис Слуцкий).

Между прочим, Лоран Бине назвал жанр своего повествования неизвестным науке термином «инфрароман». Согласно словарям, «инфра» (лат. *infra-*) — приставка, означающая «нахождение ниже чего-либо, под чем-либо». Моя книга по жанру еще ниже, чем «недороман», и вообще никакой не роман. Впрочем, боюсь, она не дотягивает и до исторического труда, слишком много в ней отвлечений, заинтересовавших меня личных историй. Эти истории порой лишь косвенно относятся к центральному персонажу книги, но они столь драматичны, что я просто не мог пройти мимо. Сами подумайте: мог ли я не поделиться историей спасенной одним из палачей девушки из Рижского гетто, если мне в руки попал никогда не публиковавшийся документ о ее удивительной судьбе? Или историей митрополита, создателя Псковской православной миссии, в чьем убийстве обвинялся Еккельн?

Вот почему пришлось придумывать термин для обозначения жанра своего повествования — «архивная драма». В этой «драме» множество актов и явлений, коротких эпизодов, и, хотя все они основаны на бесстрастных документах, едва ли не в каждом — сюжет, да еще какой.

Глава 1
«Грех против крови»

Ничто не предвещало, что он станет одним из величайших злодеев мировой войны. Фридрих Еккельн происходил из вполне приличной бюргерской семьи. Родился в 1895 году в Хорнберге, маленьком городке в Шварцвальде. Город стоит на знаменитой «Дороге замков и дворцов», неподалеку — крепость XI века, окруженная «виноградными склонами, которые спускаются к романтической долине Некар». Так пишут в путеводителях. Там упоминаются и наиболее известные уроженцы Хорнберга — банкир из Гамбурга да директор Баденской государственной пивоварни. Сейчас в городе живет немногим больше 4 тысяч человек.

На месте, где стоит завод по выпуску приборов точной механики и электротехники, в конце XIX века была швейная фабрика, там шили белье. Ее владелец Генрих-Теодор Еккельн переехал в Хорнберг из Нассау, где его отец Август Еккельн служил пастором лютеранской церкви. В 1892 году Генрих-Теодор сочетался здесь браком с 18-летней Эммой Розин Тротвайн, а через семь лет умер. За это время родилось шестеро детей. После смерти мужа молодая вдова с детьми переехала во Фрайбург.

Высшее без среднего

О детстве и юности Еккельна известно мало, можно сказать, почти ничего. На вопросы анкет, хранившихся в Главном управлении кадров СС, он отвечал крайне противоречиво. 19 сентября 1935 года на вопрос «Посещали ли Вы среднюю школу? Сколько классов?» Еккельн чернильным пером делает две косые черты, обозначающие прочерк. Зато против графы «Высшая школа» — стоит «да». «Какая высшая школа?» — «Политехникум», без уточнения, что это за заведение.

В анкете от 19 мая 1939 года на одной и той же странице — взаимоисключающие ответы. На вопрос «Посещали ли Вы высшую школу?» Еккельн отвечает: да, посещал. «Есть ли у Вас аттестат зрелости?» — «Нет». Просто-таки один из персонажей Аркадия Райкина: «Имею высшее образование, но не имею среднего».

Единственное, что в этой анкете похоже на правду, это сообщение Еккельна, что он окончил народную школу. На уточняющий вопрос: «Сколько классов?» — ответ: «Четыре года».

В то время в Германии народная школа была школой для бедных. Ее задачей была подготовка детей к практической жизни. В нее входила единая четырехлетняя первая ступень, обязательная для детей от 6 до 10 лет и вторая для 10–14-летних. Скорее всего, Еккельн в анкете имел в виду вторую ступень.

Со слов дочери, он посещал еще реальное училище (по-видимому, политехническую школу в Кетене). В нем, как и в гимназии, давалось среднее образование — и там и там с платой за обучение. В военные годы он пожаловался в письме к любовнице, что в реальном училище не был допущен до выпускных экзаменов и потому оказался единственным в большой семье мужчиной, не получившим среднего образования.

Достоверный факт — в 1911 году 15-летний Фридрих бросил учебу и пошел работать на машиностроительный завод. Кем он мог там работать? Вероятно, был на грязной и малооплачиваемой работе. Для буржуазной семьи это весьма необычно. Что с ним тогда случилось, неизвестно, скорее всего, просто не тянул учебу, но это что-то мучило Еккельна всю последующую жизнь. Во всяком случае, с тех пор он всегда проявлял упорство в достижении цели и никогда — простое человеческое сочувствие, препятствовавшее ее достижению.

Кавалер Железного креста

1 октября 1913 года началась его служба в армии. 18-летнего Еккельна могли призвать только по его инициативе (призыв был с 19 лет) — таким, как он, самая дорога в армию. Меньше чем через год началась Первая мировая война, которую он встретил в 76-м Баденском полку полевой артиллерии.

Воевал он, судя по всему, хорошо. Был ранен. В 1916 году Еккельна наградили Железным крестом II класса и произвели в лейтенанты. В конце войны он поступил в летную военную школу и в 1917 году стал пилотом в молодом тогда германском авиационном корпусе. Собирался после войны продолжить карьеру в военной авиации, но Версальский договор запретил Германии иметь военно-воздушные силы, да и сухопутную армию ограничил до 100 тысяч человек. В новый рейхсвер брали только самых подготовленных офицеров, и Еккельну, вероятно, из-за отсутствия диплома, места не нашлось. Возможно, были и проблемы со здоровьем — в одном из писем Гиммлеру он пишет, что «не был тогда годен к строевой службе».

В январе 1919 года Еккельн уходит из армии. Возможно, останься он там, его жизнь сложилась бы иначе. Но его ожидала иная карьера — нацистская партия и СС, постепенное превращение в убийцу.

«После войны — самостоятельная деятельность в качестве инженера», — пишет он в 1939 году в анкете в графе «Гражданская профессия». Очевидно, что отсутствие высшего образования и на пике карьеры являлось для Еккельна больной темой. Налицо явный комплекс неполноценности — никаким инженером Еккельн, конечно же, не был.

13 мая 1918 года Фридрих женился на Шарлотте Хирш, девушке, хотя и «абсолютно чистой в расовом отношении, но приемной дочери полуеврея». Так спустя полвека после его смерти рассказывала Петру Крупникову незаконнорожденная дочь Еккельна Рената. С ее же слов, Фридриха вскоре уволили, и отчим жены «подбросил ему немного денег». Опять получил работу и опять был уволен. Давая очередную сумму, Пауль Хирш выговорил зятю: «Если мужчина женился, то ему следует работать так, чтобы он мог содержать свою жену». То, что еврей или наполовину еврей мог сказать такое ему, германскому офицеру, вызвало у Еккельна фантастическую лавину гнева.

«Расово грязная» женитьба

Антисемитом Фридрих был со школьных лет. В его классе учились два еврейских мальчика, окончившие реальное училище блестяще, — об этом неприятном факте он вспоминал в письме матери Ренаты спустя десятилетия.

Благодаря принятой в 1871 году Конституции евреев в Германии признали равноправными гражданами, однако они по-прежнему подвергались дискриминации. И даже ассимиляция не помогала это преодолеть. Будущий рейхсмаршал Герман Геринг был двумя годами старше Еккельна. Однажды в школе, получив задание написать сочинение о героях, он посвятил его своему крестному — Герману фон Эпенштайну, у которого были еврейские корни. Это вызвало всеобщее возмущение со стороны окружающих. Учитель в качестве наказания заставил Геринга 100 раз написать в тетради: «Я не буду писать сочинения во славу евреев». А соученики принудили ходить по школьному двору с табличкой на шее — «Мой крестный отец — еврей».

…Предоставим слово Еккельну: «Я сочетался браком в возрасте 23 лет, — писал он Гиммлеру в 1932 году. — … Вначале брак был счастливым, так как не существовало экономических проблем». И дальше все шло бы хорошо, кабы не тесть. «Мое намерение состояло в том, чтобы остаться в армии. Сразу после революции отец моей первой жены обратился ко мне с наглым требованием перебраться на восток, где он намеревался купить недвижимость. После долгих колебаний я согласился, ушел в январе 1919 года в отставку».

Еккельн лжет, будто его кто-то в армии удерживал. Вероятно, лжив и последующий рассказ: «Господин Хирш, имея низкий уровень образования (кто бы говорил! — *Л.С.*), был вспыльчивым человеком… Имел сварливый характер и стремился сделать из меня послушное орудие для своих планов».

В этих планах, похоже, не было ничего худого. Пауль Хирш приобрел на имя дочери большое поместье в Траппенфельде, на Еккельна легли обязанности управляющего. Но с фермерством у него не заладилось, что вновь привело к острым конфликтам с тестем. Правда, сам он объяснял это тем, что в отличие от Хирша «имел понятие о совести и чести» и потому «в скором времени пришел в состояние отчужденности по отношению к моей первой жене, что произошло благодаря господину Хиршу».

«Я часто отсутствовал дома, был в кругу друзей — бывших офицеров. В кругу друзей я находил забвение от многих внутренних конфликтов, и я должен сказать, что в последние два

года значительно предавался употреблению алкоголя. В этих условиях брак начал разрушаться, так как между нами не существовало никакой психологической связи. Только дети были еще связующим звеном». В 1924 году он «ушел, чтобы начать новую жизнь». Но вскоре вернулся, правда, попросил жену «передать господину Хиршу предостережение больше не переступать порог его домашнего очага, иначе я не мог гарантировать, что не застрелю его, как бешеную собаку». Еккельн окончательно оставил Траппенфельд 27 июля 1925 года.

«Брак развалился на куски», как пишет Еккельн, когда у него «появилась твердая уверенность, что Хирш — еврей. Осознание этого факта было самым трудным ударом в моей жизни». Впрочем, скорее всего, Хирш не имел к евреям никакого отношения, сам Еккельн утверждал, что тот даже не был похож на еврея внешне. Отчего же он пришел к выводу о еврейском происхождении тестя? Оттого лишь, что человек, занимавшийся во время послевоенной инфляции спекулятивными сделками, «парвеню в самом дурном смысле этого слова», мог быть только евреем.

Его размышления о евреях носили не только «классовый», но и расовый характер. В 1921 году Еккельн прочитал один нашумевший в то время антисемитский опус. «Я сомневался в еврейском происхождении Хирша, — писал он Гиммлеру. — В лице ничего еврейского. Скорее наоборот. Но книга убедила меня. Она внесла ясность. Хирш был евреем».

Что же это за книга, позволяющая безошибочно распознать врага-еврея? Это роман Артура Динтера «Грех против крови» («*Die Sünde wider das Blut*»), впервые изданный в 1917 году в Веймаре и скоро ставший бестселлером (тираж к 1934 году превысил 260 тысяч экземпляров). Динтер, вступивший в НСДАП в 1925 году и получивший партбилет № 5 (Гитлер имел билет № 7), был одним из самых радикальных антисемитов своего времени. Скажем, он утверждал, что после замужества за евреем арийская женщина в повторном браке с арийским супругом будет рожать детей с примесью еврейской крови. Именно этот бред привел Еккельна, по его собственному признанию, «к осознанию решающего значения расы в человеческой жизни».

Не известно, как адресат письма относился к книге Динтера. Зато благодаря дневнику Гиммлера известно, что с лета 1922-го по лето 1924 года тот прочел 81 книгу, почти половина из которых — антисемитского характера (о женщинах-нееврейках, соблазненных евреями и т. п.).

…Так Еккельн пришел к выводу: его брак, в котором родилось трое детей, был «расово грязным» (*rassisch verseucht*) — и

в 1927 году принял решение развестись. Принять-то принял, да на развод в феврале 1927 года подала его жена. И поводом для развода было совсем другое. «Я был обвинен в прелюбодеянии в нескольких случаях, однако показания, данные свидетелями под присягой, оказались малоубедительными». Как обычно, Еккельн сам себе противоречит и далее сообщает: «В ноябре 1927 года был юридически оформлен развод, и я был объявлен единственным виновником неблагоприятных отношений, которые привели к таким событиям».

Психология зла — 2

— Что же в детстве и юности Еккельна могло привести впоследствии к тем жесточайшим преступлениям, которые он совершил?

— Слишком мало известно о том, как его, рано оставшегося без отца, воспитывали, с кем он идентифицировался, — продолжает Сергей Ениколопов. Принято считать, что фашистские взгляды чаще всего возникали из-за авторитарной системы воспитания с жестким подчинением отцу. Но на деле в семье у многих нацистских преступников отца не было. Гитлер заменил кому-то отца, кому-то — старшего брата.

— «Безотчетная ненависть, сладострастная жажда истребления, — писал Лев Гинзбург в книге „Цена пепла“, — были той силой, которая вовлекала в фашистскую партию людей с извращенной психикой, неврастеников, хулиганов, озлобленных неудачников». Насколько это так?

— Еккельн — типичный психопат, их немало среди насильственных преступников. У таких — асоциальное расстройство личности, не связанное, однако, с острым психозом. Социопаты, как их часто называют, совершают асоциальные действия, могут идти по головам, все прекрасно осознавая. Они не сумасшедшие, им просто свойственно отсутствие эмпатии, они нечувствительны к страданиям других. Между прочим, ведущий диагностический признак, характеризующий такого психопата, — вовсе не агрессия, а лживость.

— Понятно, он лгал, заполняя пункты анкет об образовании. Но ведь в рассказе о своей семейной неудаче он, похоже, был искренен.

— Возможно, причина развода вовсе не в тесте, как Еккельн уверяет. Это ведь жена должна была корить мужа за то, что он не в состоянии прокормить семью. И это сильно уязвляло его самолюбие, было угрозой для самооценки. Свои личные проблемы с женой он мог перенести на тестя. А параллельно он читает книгу, и все становится на места. Найденное объяснение позволяет снять с себя ответственность — ведь все его проблемы из-за евреев.

Друзья

Как мы помним, Еккельн заливал вином свои семейные и прочие неудачи в компании бывших фронтовиков. В этом смысле он был довольно-таки типичным представителем «поколения девятисотых», к которому принадлежали Шпеер, Борман и многие другие высокопоставленные нацисты.

«Мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, — говорил один из героев ремарковских „Трех товарищей“. — Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета». В этом все они, представители «потерянного поколения», сходились. Дальше шли расхождения. Кто-то, как сам Ремарк (тоже награжденный на войне Железным крестом), становился пацифистом, но куда больше было таких, как Еккельн, кто хорошо себя чувствовал только на военной службе и верил в то, что социальный порядок строится на дисциплине и солдатских добродетелях. А коли в обществе нет порядка, им нужна была военизированная организация, способная обустроить общество. Из ветеранских организаций тех лет вышло немало будущих убийц.

…В той же анкете Еккельн сообщал, что с 1922 по 1924 год был членом Младотевтонского ордена («Юнгдо») — националистического антисемитского союза, основанного на общей волне переживания поражения в войне и желания многих восстановить рейх. Еккельн, как и другие, никак не мог понять, как и почему Германия капитулировала, ведь ее армии были на чужой территории. Причиной не могло быть ничто иное, как удар ножом в спину, предательство политиков. Левых политиков. Большинство из них были евреи, что и требовалось доказать.

Миф о роли евреев в Первую мировую родился именно таким образом. Еврей стал символом левого политика и одновременно капиталиста-эксплуататора — одно другому не мешало.

Возможно, у «Юнгдо» рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер позаимствовал строгие ритуалы и саму идею своей «черной гвардии» как «ордена нордических мужей». Правда, после прихода Гитлера к власти Младотевтонский орден был распущен, а его магистр — подполковник Артур Мараун — арестован и заключен в концлагерь. Ничего удивительного. И Сталин, говоривший о своей коммунистической партии как об «ордене меченосцев», от старых большевиков предпочитал избавляться.

Помимо Еккельна из ордена вышли Гейнц Йост и Вальтер Хенш, одно время командовавшие айнзатцгруппами (A и C). Настоящая кузница палаческих кадров. За малым исключением.

…В июне 1941-го, за несколько дней до нападения немцев, Сталину была доставлена шифрограмма, предупреждавшая, что германская агрессия может начаться с минуты на минуту. Хорошо известна виза вождя на документе: «Т-щу Меркулову. Может, послать ваш „источник“ из штаба герм. авиации к е…ной матери. Это не „источник“, а дезинформатор. И. Ст.». Менее известно, что «дезинформатор», обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен (агентурный псевдоним Старшина), служивший в Генеральном штабе люфтваффе, в 1920-е годы был членом Младотевтонского ордена. Правда, он, в отличие от многих своих соратников при гитлеровском режиме, не сделал карьеру, и симпатии этого германского офицера плавно перешли от национал-социализма к социализму в его сталинской версии. В 1936 году он начал сотрудничать с советской разведкой, за что в декабре 1942 года был повешен по приговору военного суда рейха.

Неудачник

«В течение двух первых лет после ухода из Траппенфельда дела мои оставляли желать лучшего. Я был внутренне разбит и экономически разорен, обустроить свою жизнь мне не удалось. Насколько было возможно, я посылал детям небольшие суммы денег в особых случаях, это были суммы 10 или 20 рейхсмарок, это всегда были мои последние деньги».

Скорее всего, Еккельн, как обычно, лжет. Иначе Шарлотта Хирш-Еккельн не обращалась бы 5 февраля 1932 года с письмом к Гитлеру и не просила бы «повлиять на Фридриха, который в течение почти семи лет не платил алименты, так что ей пришлось выставить принадлежащую ей землю на продажу».

Письмо (оно сохранилось в личном деле Еккельна) было отправлено в канун президентских выборов 1932 года, тех самых, на которых Гитлер уступил победу Гинденбургу. В нем Шарлотта патетически ссылается на ту «помощь, которую Гитлер оказывает всем немцам», и добавляет: «Так, может быть, вы окажете помощь трем немецким детям?»

Расчет ее не оправдался, жалоба была переправлена рейхсфюреру СС, а тот прикрыл своего подчиненного. Правда, было проведено внутреннее расследование, у Еккельна отобрали объяснения. В них он привел беспроигрышный аргумент, указав, что его тесть являлся «типичным евреем», «обладал всеми типично еврейскими качествами». Этого было достаточно.

25 февраля 1932 года Гиммлер сообщил госпоже Хирш-Еккельн, что ее бывший муж зарплату в СС не получает, поэтому ее требования необоснованны. В то же время Еккельн, как указано в письме, готов взять детей от первого брака под свою опеку. При этом никак не объяснялось, почему же, если он мог взять опеку над детьми, не был в состоянии платить алименты (между прочим, по решению суда). Еккельн опасался, что жалоба подорвет его позиции в партии и СС, а получилось, напротив, укрепила.

К тому моменту Еккельн женится вновь (в 1928 году), и вновь на богатой невесте — на 21-летней Аннемари Винсс, происходившей из состоятельной семьи западно-прусских меннонитов. Высокого роста (181 сантиметр), голубоглазый, он, несомненно, обладал немалой привлекательностью.

Петр Крупников, принимая участие в 1992 году в съемках документального фильма Би-би-си о нацистской программе «Лебенсборн», сумел посмотреть снятые в разное время и при разных обстоятельствах документальные кадры с Еккельном. «Я

увидел, — признавался он впоследствии, — что он мог быть обаятельным, с доброй улыбкой. Палачу не обязательно быть противным. Многие палачи XX века занимались искусством — Ежов хорошо пел, Ягода знал наизусть половину русской поэзии».

Да, женщин Еккельн привлекал, в остальном же по-прежнему был неудачником. Совсем недолго проработал в топливной компании Лейна в Ганновере, опять занялся поиском работы. И так до тех пор, пока в его жизни не произошло знаменательное событие — в 1929 году Еккельн вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

Психология зла — 3

— Как формируется образ врага?

— Во времена кризисов в обществе обостряется интерес к истории, индивидуальной и коллективной памяти. В ней люди пытаются найти обоснование собственной идентичности. Но не только. Поиск «иного», «врага» также этому способствует. Осознание того, что другой человек является «чужим», что он вообще недочеловек, служит консолидации «своих», повышению групповой и индивидуальной самооценки. Возникает апелляция к патриотическим чувствам. Создаваемое таким образом ощущение опасности пробуждает естественную оборонительную агрессивность, но это реакция на воображаемую угрозу (предательство государственных интересов, человеческие жертвоприношения, заговор). Это позволяет довольно умело управлять людьми.

Правда, враждебное отношение к определенным социальным или национальным группам не ведет к немедленному проявлению по отношению к ним насилия и агрессии. Для геноцида надо, чтобы у людей возникла по отношению к объекту так называемая «враждебная триада» — гнев, отвращение и презрение. На таком эмоциональном фоне «чужой» выключается из принятых моральных и этических норм. Так в Германии было с евреями. Вот только у Еккельна по отношению к ним гнева могло быть больше, чем у других, что объясняется посттравматическим синдромом ветерана войны. Ведь это евреи, по его мнению, были виноваты и в поражении в войне, и в том, что он не мог найти работу.

Глава 2
Почетная партийная работа

На этот раз передо мною другая анкета — заполненная во внутренней тюрьме НКГБ Латвийской ССР — анкета арестованного. В графе «партийность» указано: беспартийный. Однако в протоколах последующих допросов (первый вопрос на допросе — о партийности) ошибка исправлена — член Национал-социалистической немецкой рабочей партии с 1929 года. На моей памяти в советской печати при упоминании нацистской партии слово «рабочая» опускали во избежание ненужных аналогий. Зато слово «социалистическая» писали так — «социалистская». Здесь же все написано правильно — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Пропагандист

— Когда Вы вступили в НСДАП?

— Членом НСДАП я стал 1 октября 1929 года в Ганновере. В это время я был безработным и верил пропаганде Гитлера, что если у Гитлера будет власть, то у всех немцев будет работа и счастливая жизнь.

— Какую работу Вы выполняли в НСДАП?

— В 1930 году я занимался фашистской пропагандой в Ганновере. Позже, в апреле 1931 года, я был простым эсэсовцем в Ганновере.

Так Еккельн отвечал на допросе у следователя, стремясь попасть в такт советским пропагандистским представлениям. Допрашивал его приехавший из Москвы замначальника 2-го управления НКГБ СССР майор Цветаев, переводил показания сержант Суур. Велась стенограмма. Первый допрос состоялся 13 декабря, потом 14-го, затем с 20 декабря каждый день, иногда по два раза в день. Допросы не прерывались даже в новогоднюю ночь: 31 декабря 1945 года допрос начался в 19:00 и закончился 1 января 1946 года в 2:30. Торопились, поскольку дата процесса была заранее определена.

В судебном заседании прокурор задавал по этому поводу уточняющие вопросы.

— Пусть Еккельн перечислит свою работу в партии. Какие занимал должности в нацистской партии, какую работу выполнял, характер этой работы, место и время?

— С 1 октября 1929 года по 4 января 1931 года я был рядовым членом партии и не занимал никакой партийной должности… Вначале я был простым эсэсовцем и имел почетную общественную нагрузку.

Все эти «общественные нагрузки», конечно же, — трудности перевода с нацистского на советский новояз. У нацистов это называлось иначе — «почетная партийная работа».

К 1929 году НСДАП уже превратилась в массовую партию. Еккельну потребовалось время, чтобы примкнуть к национал-социалистическому движению, и все же он успел попасть в число партийцев с дореволюционным стажем. Что в дальнейшем позволило ему высоко подняться в СС, стать одним из самых могущественных функционеров.

Одновременно оказались востребованы люди с похожей биографией. Будущий комендант Освенцима Рудольф Хёсс в 16 лет ушел добровольцем на фронт, после окончания Первой мировой войны был на грани самоубийства, и его, нищего,

никому не нужного, прибило к национал-социалистам. Там, где разрешено убивать, они могли проявить себя.

По признанию Еккельна, вступление в нацистское движение наполнило его жизнь новым смыслом. Но и он представлял для партии ценность, имея в виду его военное прошлое и, вероятно, дар убеждения. Иначе вряд ли его бы определили в партийные ораторы. Таким стало его первое партийное поручение, полученное в 1930 году. Как пропагандист он, вероятно, умел находить путь к сердцам слушателей. Особенно если между ним и воспитанниками было что-то общее.

«Новая порода»

В то же время, хотя и в другом городе — Линце — и даже в другом (пока еще) государстве — Австрии, жил молодой человек с похожей судьбой. Правда, был помладше, на войну опоздал. В 15 лет отец забрал его из школы и отправил работать на шахту. «Надо признать, еще и потому, что я был не самым прилежным школьником… Через два с половиной года отец объяснил мне, что так я никогда не добьюсь успеха». Он не добился успеха и когда благодаря дяде устроился в компанию «Вакуум ойл», потому что «директор Топпер был еврей, и его заместитель Вайс тоже, а может быть, и директор отделения в Линце — Каннхойзер, а зальцбургский директор Блум — уж точно».

Молодого человека звали Адольф Эйхман. Его рассказ взят мною из опубликованных недавно магнитофонных записей первых допросов Эйхмана сразу после прибытия из Аргентины в Израиль, проведенных капитаном израильской полиции Лессом.

В конце 1920-х годов юный Эйхман примкнул к Объединению фронтовиков, потом вступил в нацистскую партию. «В один прекрасный день в погребке — такая, знаете, большая пивная на баварский манер, с мартовским пивом, — было собрание НСДАП… И ко мне подошел некий Кальтенбруннер, Эрнст. Мы немного знали друг друга… Так вот, Эрнст Кальтенбруннер категорически потребовал: „Ты поступаешь к нам!“ Так уж это получилось, бесцеремонно как-то… Я сказал тогда: „Ну ладно“. Так я и попал в СС. Это было в 1932-м».

Между прочим, доля австрийцев в преступлениях нацистов против евреев намного превышала долю австрийского населения в Третьем рейхе (8,5 %). По крайней мере так писал Симон Визенталь в октябре 1966 года в своем послании австрийском канцлеру Йозефу Клаусу. Чем это можно объяснить? Вероятно, тем, что именно в Австрии было много богатых евреев, блестящих людей. Они, можно сказать, мозолили глаза многим неудачникам: богаты, а некоторые еще и талантливы. Гитлер учился в реальном училище в Линце вместе с великим австрийским философом Людвигом Витгенштейном, выходцем из богатой еврейской семьи. Это раздражение со временем никуда не делось.

Схожее чувство выразил в записях, опубликованных Беттиной Стангнет, Эйхман: «Мы, немцы, имеем дело с врагом, превосходящим нас по интеллекту. Поэтому уничтожение еврейского противника необходимо для исполнения нашего долга перед нашей кровью и нашим народом». Его откровенность

напомнила мне исторический анекдот, согласно которому Черчилль на вопрос, почему в Англии нет антисемитизма, ответил: «Потому что англичане не считают евреев умнее себя».

Беседа с Кальтенбруннером привела к службе Эйхмана в концлагере вблизи городка Дахау, оттуда его откомандировали в Берлин в Главное управление СД, где он и превратился в «убийцу за письменным столом», пославшего миллионы евреев на смерть.

Между прочим, Дахау — первый немецкий концлагерь для политзаключенных — возглавил друг и будущий покровитель Еккельна Теодор Эйке. Эйке, уроженец Эльзас-Лотарингии, бросил из-за нехватки денег учебу и ушел на фронт Первой мировой, потом, когда Эльзас отдали Франции, переехал в Германию. Служил в полиции, был изгнан оттуда. Он стал создателем системы концлагерей Германии, надзиратели «повышали квалификацию» в Дахау. Предпочитал брать туда молодых членов партии и воспитывал из подчиненных убийц. Отказывал в приеме на службу даже унтер-офицерам вермахта, считал, что им не хватало твердости. Особую жестокость комендант проявлял к заключенным-евреям (до «окончательного решения» было еще далеко), выступал перед подчиненными с антисемитскими лекциями и приказывал вывешивать в бараках на видном месте газету *Der Stürmer* («Штурмовик»).

По Михаилу Гефтеру, «нацизм — детище исторически разъяснимой комбинации, когда фальсифицированное национальное чувство, оскорбленное Версалем, сочеталось с невероятной степенью социального отчаяния, охватившего работающие пласты Германии поры мирового кризиса… Сдвиг в человеке оказался достаточным для формирования новой человеческой породы, которую можно условно назвать „эсэсовской“».

Люди этой породы отличались от прочих нацистов. Сошлюсь на Отто Штрассера, брата одного из основателей нацистской партии Грегора Штрассера, убитого в «ночь длинных ножей». Двумя годами моложе Еккельна, он тоже пошел добровольцем на фронт, тоже в 17 лет получил Железный крест II класса и лейтенантский чин.

«Мы готовились к увольнительной в город и надели было самую лучшую форму, девушки уже ждали нас снаружи, когда к нам подошел сержант, выгнал нас на плац и буквально заорал: „Кто говорит по-английски или по-французски, встать справа, кто играет на пианино — слева!“ Потом он отправил тех, кто справа, скрести полы, а тех, кто слева, — драить сортиры… С того дня я возненавидел этих людей… Сегодня они все в СС. Эсэсовский дух родился именно там и тогда». Как мы увидим из дальнейшего

рассказа, Еккельн был одним из наиболее ревностных его носителей.

«Штатный руководитель»

Вступив в СС 5 января 1931 года (членский билет № 4362), Еккельн «простым эсэсовцем» пробыл совсем недолго. Согласно анкете, с сентября 1931 года он уже «штатный руководитель СС».

Чем занимался «штатный руководитель СС»? «В качестве командира СС я проводил обучение своих подчиненных, — так объяснял характер своей деятельности следователю СМЕРШа 12 июня 1945 года соратник Еккельна Бруно Штреккенбах, — одновременно выполняя задания по охране партийных собраний и срыву собраний политических противников НСДАП — коммунистов и социал-демократов».

А это уже из протокола допроса Еккельна:

— В каком направлении вы воспитывали эсэсовцев?

— На совещаниях принимались решения, что члены СС будут изучать фашистскую теорию и особенно еврейский вопрос… Особенно заострялись вопросы борьбы с евреями.

«До прихода Гитлера к власти моя работа в СС не оплачивалась, то есть это была почетная партийная работа», — пояснял Еккельн на допросе у следователя. Работа в СС в то время действительно не оплачивалась, за исключением рейхсфюрера СС и еще нескольких функционеров.

Гиммлер ему явно симпатизировал. Сам он — первый ученик в гимназии — по характеру и воспитанию был полной противоположностью Еккельну. Один из соучеников Гиммлера был до глубины души поражен, узнав одноклассника во всесильном рейхсфюрере — да он же мухи не обидит! Тем не менее у него с юности были схожие с Еккельном идеалы. Во время их учебы в школе в Германии расцвел имперский патриотизм. «Великая Германия, Германия превыше всего, германский меч, германские рыцари» — все это Гиммлер постоянно слышал дома. Портреты кайзера Вильгельма и князя Бисмарка висели на почетных местах в их гостиной.

Юный Генрих мечтал стать офицером, однако на службу в кайзеровский военно-морской флот его не взяли из-за сильной близорукости. Только к концу Первой мировой Гиммлера зачислили в школу прапорщиков во Фрайзинге, он так и не смог принять участия в боевых действиях, хотя впоследствии любил рассказывать о своих «фронтовых подвигах». Еще одна рифма их судеб — Гиммлер женился на дочери прусского помещика и примерно в то же время, что и Еккельн, занялся фермерством. И тоже не от хорошей жизни. Когда рухнули его мечты об офицерской карьере, он пытался поправить финансовое

положение, занявшись разведением кур, но, как следует из его переписки с женой, «куры несутся из рук вон плохо». Наконец, Гиммлер в свое время сам был партийным оратором, но куда раньше — в середине 1920-х. Дела его пошли только после того, как мировой экономический кризис помог нацистам стать парламентской партией.

Поначалу рейхсфюрер СС был не слишком важной персоной. Подумаешь, охранник! СС (*Schutzstaffel*) — охранные отряды, сформированные в 1923 году с задачей охраны фюрера и других высокопоставленных партийцев во время различных мероприятий. Они включали в себя всего несколько сотен молодых партийных активистов. В 1928 году СС насчитывала 280 человек. К тому же они не были самостоятельны, входили в состав штурмовых отрядов — СА, выход оттуда произошел уже после прихода Гитлера к власти. Их сборы проводились четыре раза в месяц — для пропагандистских поездок, военной подготовки, тренировок по джиу-джитсу. Свой вклад в их набор и подготовку внес и Фридрих Еккельн.

Гиммлер был мужчиной среднего роста с водянистыми глазами, скошенным подбородком и вялым рукопожатием. Как пишет его биограф Лонгерих, тщедушный баварец с впалой грудью. Может, он видел в высоком плечистом Еккельне будущее Германии?

«В конце марта 1931 года я был назначен руководителем ганноверской организации СС, — рассказывал Еккельн в судебном заседании. — В то время было только 200 человек эсэсовцев. Я имел тогда задание создать на территории этой области целый штандарт, то есть полк СС, и я это выполнил. Летом 1931 года я получил дополнительное задание на территории области Ганновер создать еще один полк СС».

В гвардию фюрера стремились юные нацисты, завораживала черная форма с кавалерийскими сапогами, значки с черепом. В СС был строжайший отбор. Условия приема: рост не меньше 170 сантиметров и возраст не моложе 23 лет. Низшие чины должны были предоставить справку о том, что их предки с 1800 года не имели примеси неарийской крови, для офицеров — с 1750 года. Требование расовой чистоты распространялось также и на жен эсэсовцев. Так что если Еккельн не придумал еврейство Хирша, то, будучи женатым на его дочери, не смог бы вступить в СС. К тому же практически все члены СС окончили среднюю школу, 41 % офицеров СС — университеты, притом что тогда только 2 % немцев имело высшее образование.

Правда, к «старым бойцам» — ветеранам Первой мировой войны — требования были помягче. Расчет Гиммлера оправдался:

в СС пришли закаленные в боях фронтовики, они помогли укрепить СС изнутри. Еккельн к тому же считался ветераном нацистского движения.

Его деятельность была оценена по заслугам. В 1932 году Еккельна избрали депутатом рейхстага от Восточного Ганновера. И чины пошли. В 1930 году он был произведен в штурмбанфюреры СС (соответствует майору) и назначен командиром 12-го штандарта СС в Ганновере, а в 1933 году он уже группенфюрер СС (соответствует генерал-лейтенанту) и фюрер группы СС «Северо-Запад» (Брауншвейг). В 1936 году возглавил оберабшнит СС «Центр» и был произведен в обергруппенфюреры (генерал-полковник) — второе по значимости в иерархии СС звание, на первом месте Гиммлер в чине рейхсфюрера. Выше мог быть только оберстгруппенфюрер, но тогда это звание еще никто не носил, да и позже его получили только четверо. Всего за время существования Третьего рейха звание обергруппенфюрера носили 102 человека.

В июле 1940 года его перевели на аналогичный пост в оберабшнит СС «Запад» в Дюссельдорфе. И при этом Еккельн имел наглость называть свою карьеру в СС заурядной (в письме на имя начальника Главного управления кадров СС обергруппенфюрера СС Максимилиана Герфа от 25 ноября 1944 года).

Его карьерному росту помогли хорошие отношения с Куртом Далюге, будущим палачом Лидице. Тому покровительствовал лично фюрер, Далюге завоевал его покровительство в том же 1931 году, сыграв ключевую роль в подавлении мятежа берлинских штурмовиков. Тогда Гитлер, решив добиваться власти законными методами, попросил штурмовиков воздержаться от уличных сражений: «Я понимаю ваши страдания и гнев, но вы не должны браться за оружие». Штурмовики в Берлине расценили это обращение как измену революционным принципам партии, а оберстфюрер СА Вальтер Стеннес и вовсе отказался выполнить приказ фюрера. Предпринятую им попытку восстания внутри нацистской партии пресек Курт Далюге. Фраза из адресованного Далюге благодарственного письма Гитлера: «Эсэсовец! Твоя честь — в верности» — стала прообразом для девиза СС «Моя честь — это верность» («*Meine Ehre heißt Treue*»). По приказу Гиммлера эти слова были выбиты на пряжках эсэсовских ремней.

Энергичные люди

«Далюге — человек с болезненным тщеславием, который не останавливался ни перед какими средствами интриг и лжи, чтобы достигнуть своей цели. — Это уже из собственноручных показаний группенфюрера СС Бруно Штреккенбаха от 2 февраля 1948 года. Как я уже упоминал, Штреккенбах за семь лет, проведенных в советской тюрьме в ожидании суда, написал не одну характеристику на своих бывших коллег. — Окружение боялось его за сильные порывы гнева и делало все, чтобы исполнить любые его желания. Во время общения с ним у меня сложилось впечатление, что я имею дело с патологически жестоким человеком». Возможно, эти качества сближали его с Еккельном.

Признаюсь, поначалу, копаясь в немецких архивных документах, я надеялся найти в личных делах высокопоставленных эсэсовцев характеристики типа тех, что в фильме «Семнадцать мгновений весны»: характер нордический и прочее. Но таковые в личном деле Еккельна, как и в других, не обнаружились. И «беспощаден к врагам рейха» тоже ни разу не встретилось. Потом только понял, что последнее — всего лишь калька выражения первых лет советской власти «беспощаден к врагам революции». Все это плод фантазии Юлиана Семенова, основанный на советских характеристиках. Как и остальное, взаимоотношения нацистов в романе и сценарии фильма взяты из советских коридоров власти, скопированы с нравов ЦК КПСС и КГБ. Не говоря уже о том, что система документооборота в Третьем рейхе отличалась от советской.

Показания Штреккенбаха на следствии куда точнее и интереснее, чем могли бы быть формальные характеристики. В числе охарактеризованных им эсэсовских бонз есть и персонажи «Семнадцати мгновений». Вот, к примеру, его слова о начальнике IV отдела РСХА (гестапо) Мюллере: «Он был фанатическим работником, правда, очень ограничен. Знал хорошо лишь свою службу. Строг по отношению к себе и другим. Имеет очень хорошую память… Бесцеремонен. Причисляет себя к влиятельнейшим лицам, кем и является».

Но, естественно, прежде всего меня интересовало мнение Штреккенбаха о Еккельне: «Энергичный человек, который беспощадно проводил в жизнь как свои, так и полученные им приказы, а также высказывал свое мнение вышестоящим инстанциям». И еще — «приказы, полученные сверху, исполнял безоговорочно, но их открыто обсуждал».

Гиммлер ценил Еккельна за самостоятельность. Как рассказал мне немецкий историк Холокоста Юрген Маутхаус, рейхсфюрер много времени уделял подбору кадров, едва ли не ежедневно изучал личные дела подчиненных. Инициатива в его аппарате приветствовалась. К примеру, Гейдрих в 1941 году в одной из директив рекомендовал карателям избегать бюрокрократического вмешательства, с готовностью принимать на себя ответственность. Они вовсе не слепо выполняли приказы и были отнюдь не винтиками страшной машины, каким, скажем, выглядит Эйхман в портрете пера Арендт. Вообще-то это он сам еще до появления адвоката избрал такую тактику защиты — изобразить себя как простого бюрократа, а когда адвокат появился — спустя четыре месяца после ареста — просил того продолжать его тактику.

Так что Гиммлер выбрал Еккельна не за одну только преданность, хотя, конечно, и за преданность тоже, основанную на том, что без партии и СС тот никем бы не стал. Рейхсфюрер обладал даром привязывать к себе неудачников, ставших жертвами семейных трагедий, мировой войны, экономического кризиса. Именно в них был сосредоточен особо кровожадный криминальный потенциал. Американский историк Майкл Манн изучил биографические данные 1,5 тысячи наиболее известных эсэсовцев — военных преступников, оказалось, что многие пришли к нацизму вследствие жизненных неудач. 16 % пережили до 19 лет психологическую травму, в том числе смерть родителей, от потери работы пострадало 24 %.

Психология зла — 4

— Можно вывести два психологических типа — убийца-бюрократ и убийца-исполнитель (пусть и обладающий высоким постом). Нацизм не мог обойтись без обоих, но разница между ними есть, и немалая. В Эйхмане не было ничего от вурдалака, зато немало от чиновника, с кем все мы регулярно сталкиваемся, — потому-то к нему и применим образ банальности зла. На месте Эйхмана, который сам никого не убил, мог оказаться любой другой, ну или едва ли не любой. На месте Еккельна любой оказаться бы не мог.

— Но и таких, как Эйхман, «убийц за письменными столами», было немало. Но они, отнимая у евреев имущество, составляя планы движения поездов к лагерям смерти, все же не видели своих жертв, кровью которых была залита форма Еккельна. Тот же Эйхман инспектировал Освенцим и Треблинку, для него в Минске устроили показательный расстрел евреев, но сам он никого не убивал. «На мне много вины, я это знаю, господин капитан, — говорил он на допросе. — Но… я никогда не убил ни одного еврея. И я никогда не давал приказа убить еврея». На судебном процессе Эйхман рассказал, как, оказавшись на «акции», смог пробыть там всего несколько минут, пока его не вывернуло в кустах наизнанку.

Против «религиозного дурмана»

«…Эсэсовцы были против церкви, в частности против Католической церкви» (из протокола допроса Еккельна). Объяснялось это не только политикой партии, подозрительной к иудеохристианству, но часто и личными мотивами. Соратник Еккельна по партии и коллега по палаческому ремеслу комендант Освенцима Рудольф Хёсс в своих мемуарах рассказал, что его отец хотел, чтобы сын стал католическим священником. Однако он разочаровался в церкви в 13-летнем возрасте, заподозрив, что исповедовавший его священник нарушил тайну исповеди. Отец Эйхмана, между прочим, был пресвитером евангелической общины в Линце.

Сам Еккельн воспитывался в евангелической вере, дед его, как уже говорилось, был пастором. В какой момент пасторский внук отошел от церкви, неизвестно. Возможно, после увлечения Артуром Динтером. Тот ведь не только писал романы, а еще и провозгласил себя основателем новой «политической религии», где Иисус Христос был арийцем. Динтер пропагандировал идею приведения немецкого народа к «христианству, очищенному от евреев». Основанная им Немецкая народная церковь (перед запретом в 1936 году) насчитывала 300 тысяч членов.

В полиции с некоторых пор тоже не жаловали верующих христиан, а в СД — тем более (90 % сотрудников СД покинули церковь). «Необходимым условием для повышения по службе был выход их жен и детей из церкви, — сообщил следователю оберфюрер СС Фридрих Панцингер, допрошенный по „делу Штреккенбаха“, в собственноручных показаниях от 2 февраля 1948 года. — Мне известно, что подобные требования нередко вносили раздор в семьи. (Легко можно себе представить, как страдали богобоязненные фрау. — *Л.С.*) На одном из совещаний Штреккенбах сказал: если сотрудник государственной полиции не в состоянии разрешить церковный вопрос у себя дома, то он непригоден для работы в полиции безопасности».

Еккельн записал себя в анкете «верующим в провидение». Тот же самый термин встречается в личных делах многих высокопоставленных эсэсовцев, например Оскара Дирлевангера и Адольфа Эйхмана. Гиммлер приказал семьям эсэсовцев не праздновать Рождество, а отмечать вместо этого летнее солнцестояние. Вместе с Гейдрихом они покинули церковь в 1936 году.

Буквальный перевод изобретенного Гиммлером слова «*gottgläubig*» — «полагающийся на провидение». «Провидение» —

любимое слово Гитлера. «Нас ведет Провидение… — говорил он в триумфальном для него 1937 году. — Никто не в состоянии творить историю народов, мировую историю, если Провидение не благословило его на это». Это Провидение, по словам фюрера, сохранило ему жизнь 20 июля 1944 года.

— В те годы — я думаю, в 1935-м — вошло в моду, чтобы каждый сотрудник СД выходил из церкви, — рассказывал следователю Эйхман.

— В вашем личном деле указана религия — «верующий».

— Каждый, кто покидал церковь, называл себя в то время верующим, потому что должен был как-то назвать. Иначе можно было уподобиться безбожным марксистам. Стало быть, называть себя неверующим считалось предосудительным.

На вопрос, когда и почему сам он отошел от церкви, Эйхман ответил, что случилось это «должно быть, в 1937 году». Тогда как еще в 1935 году он венчался в церкви, хоть его начальники от этого отговаривали, «не запрещали, но подтрунивали над этим». Он «все больше приходил к убеждению, что Бог не может быть так мелочен, как это говорится в историях, записанных в Библии. Я решил, что нашел свой собственный путь… И я решил для себя: Бог, в которого я верю, больше, чем Бог христиан. Ибо я верю в сильного, огромного Бога, который создал мироздание и приводит его в движение».

Подразумевалась вера в некое верховное божество, не имеющее ничего общего ни с ветхозаветным Богом, ни с Христом. Крест заменила свастика. Нацисты рьяно отторгали христианство в любом его виде, думаю, оттого, что им претили человеческие ценности. «…Идут христиане, от катов Христовы заветы припрятав, иначе — тюремный срок. Нацисты хохочут над ними: он изгнан богами иными — их мирный еврейский бог!» (Бертольт Брехт).

В Брауншвейге собор был переделан нацистами в так называемое «Национальное святилище». В это время премьер-министром земли Брауншвейг был Дитрих Клаггес, тот самый, который в 1932 году помог получить государственную должность и германское гражданство австрийцу Адольфу Гитлеру, без которого тот не смог бы быть избранным рейхспрезидентом или рейхсканцлером. По предложению Клаггеса в июле 1933 года Еккельн стал главным полицейским земли Брауншвейг.

«Законно лишь то, что Германии впрок»

«С июля 1933 года до июня 1940 года я работал в качестве руководителя Северо-Западной группы СС и одновременно был начальником земельной полиции в Брауншвейге». И это все, Еккельн на эту тему на следствии особо не распространялся, да его и не спрашивали. А если б и спросили, вряд ли бы стал рассказывать о такой, к примеру, истории.

29 июня 1933 года в Брауншвейге две группы — одна из эсэсовцев, вторая из штурмовиков — одновременно занялись поиском подпольщиков, распространявших антинацистские листовки. Одетые в гражданскую одежду, они не опознали друг друга и устроили между собой перестрелку, в ходе которой один эсэсовец был убит. В качестве возмездия — вопреки фактам — Еккельн приказал расстрелять 11 коммунистов. Они были расстреляны у деревни Ризеберг.

В первые месяцы после прихода Гитлера к власти полиция с помощью штурмовиков арестовывала и отправляла в концлагеря социал-демократов, коммунистов, руководителей профсоюзов. Брауншвейг не был исключением. Но столь явный полицейский произвол долго продолжаться не мог — все же это Германия с ее традициями почитания закона и независимыми — до поры — судьями. Новые хозяева страны вынуждены были с этим считаться. Более того, притворяться поборниками законности.

Таковым себя воображал Бруно Штреккенбах, пришедший на службу в полицию примерно в то же время, что и Еккельн, и тоже по направлению СС. Так вот, на допросах на Лубянке он возмущался: «Многие арестованные после прихода фашистов к власти беззаконно избивались, давали ложные показания, а потом в суде от них отказывались». Ему, как честному человеку, пришлось «усилить законность». Свои пояснения от 12 июня 1945 года Штреккенбах заканчивает на высокой ноте: «Я не творил произвола и жестокости, а, наоборот, там, где мне приходилось сталкиваться с подобными делами, я выступал против них, хотя тем самым создавал для себя трудности».

Под эвфемизмом «трудности» Штреккенбах имел в виду угрозу увольнения. О ее реальности можно судить по эпизоду, случившемуся в Вертхайме. С криком «Евреи, убирайтесь вон!» штурмовики ворвались в здание суда и больше недели его удерживали. Когда местный начальник полиции попросил помощи в Берлине, ему посоветовали избегать стычек со штурмовиками, а потом уволили.

Став канцлером, Гитлер назначил министром внутренних дел

своего старого знакомого — доктора права Вильгельма Фрика. Тот сразу заявил: большинство судей и юристов в Берлине — евреи, подразумевая, что с этим надо что-то делать. Ну, большинство не большинство, а все неарийцы немедленно были изгнаны из Верховного апелляционного суда Пруссии ворвавшимися туда штурмовиками. Референдарий этого суда, молодой юрист Себастьян Хафнер оставил воспоминания об одном из эпизодов этого вторжения. О том, как один из адвокатов-евреев «взъерепенился — и был жестоко избит. Я узнал, кто был этот адвокат: фронтовик, пять раз раненный, потерявший глаз, он дослужился до чина капитана, наверное, он на свою беду повел себя как в былые времена, когда ему случалось вправлять мозги зарвавшейся солдатне».

И все же первые два года после прихода к власти нацисты в основном преследовали коммунистов и либералов. Когда с ними покончили, в 1935 году принялись за евреев.

Министром юстиции стал адвокат Гитлера, доктор права Ганс Франк (в будущем — «польский мясник», гауляйтер Польши). «Фундамент всех основных законов, — вещал он, — это национал-социалистическая идеология и в особенности ее истолкование в партийной программе и речах фюрера».

Со временем полиция переняла методы штурмовиков. По словам Штреккенбаха, «с 1933 года нельзя было прибегать к вымогательству показаний посредством жестокого обращения, поэтому часто следствие не имело успеха». С 1935 года стало можно. «Обычно из Берлина разрешали применение 25 палочных ударов, но с разрешения врача». Штреккенбах такую «законность» одобрял и боролся за нее. Вскоре и законы подоспели, позволявшие творить легальный произвол.

«С приходом Гитлера к власти значительно упростилось судопроизводство, перестала вмешиваться печать, — писал Штреккенбах в своих показаниях. — Был издан чрезвычайный закон „Об охране народа и государства“, по которому лица, заподозренные в антифашистской деятельности, без суда направлялись в концлагеря. Это в значительной степени облегчило деятельность политической полиции. Разрешены перлюстрация почты, ночные обыски, подслушивание телефонных переговоров, так называемые защитные аресты без суда».

Словом, вновь все как у Бертольта Брехта: «Вот судьи, вот прокуроры. Ими командуют воры: законно лишь то, что Германии впрок. И судьи толкуют и ладят, пока весь народ не засадят за проволоку, под замок».

Глава 3
На службе у Крысолова

Как Вы оцениваете собственную роль при захвате Гитлером власти в Германии?

— Как можно видеть из моих предыдущих показаний, я играл важную роль во время захвата Гитлером власти. Я могу добавить еще, что из 50 тысяч эсэсовцев на момент 30 января 1933 года (день, когда Гитлер стал канцлером) я подготовил в Германии 7 тысяч членов СС, то есть примерно 14 %. Кроме того, с момента захвата власти Гитлером я подготовил еще 20 тысяч эсэсовцев и перед самой войной два батальона СС для ведения боевых действий.

Такие показания давал Еккельн на допросе у следователя 13 декабря 1945 года. На суде Еккельн на эту тему высказался иначе: «Я особой роли в захвате власти не играл». Вряд ли на следствии он топил себя по собственной инициативе, вероятно, в протоколе эти слова записаны под диктовку следователя. Чуть позже Цветаев перенес их в обвинительное заключение по делу, утвержденное главным военным прокурором Красной армии Афанасьевым 23 января 1946 года. Обвиняемый Еккельн назван в нем «приближенным Гитлера и Гиммлера, сыгравшим в свое время видную роль в захвате власти в Германии Гитлером».

Вероятно, с самого начала следствия из него хотели сделать большую фигуру, чем он был на самом деле, но в какой-то момент остановились. В материалах дела остались следы. «Еккельн являлся правой рукой Гитлера и Гиммлера и в 1933 году в момент прихода Гитлера к власти был даже его личным телохранителем» (из протокола допроса военнопленного летчика Петера Плетта 22 октября 1945 года). «Насколько я помню, — рассказывал на допросе свидетель, — в 1923 году Еккельн являлся активным участником расстрела революционеров в городе Мюнхен, где за подавление и жестокую расправу с революционерами был награжден Орденом Крови». Тут перепутано буквально все — то ли допрашиваемым (ему самому в 1923 году было пять лет), то ли вложившим эти слова ему в уста опером (пленный немецкий летчик был допрошен начальником оперотдела лагеря НКВД № 296 Дмитриевым). В том году в Мюнхене не было никакой революции, а был устроенный сторонниками Гитлера «Пивной путч», упомянутым орденом Гитлер впоследствии награждал его участников.

Чувство такта

— С Гитлером я познакомился летом 1931 года в Коричневом доме (Коричневый дом был штабом национал-социалистической партии. — *Л.С.*). Гиммлер представил меня Гитлеру, перед тем как назначить на должность руководителя СС в Ганновере.

— Были ли у Вас позже встречи с Гитлером?

— В 1932–1938 годах я лично с подчиненным мне аппаратом охранял Гитлера во многих городах Германии. Эта охрана была нужна потому, что Гитлер, особенно в 1932 году, объездил весь рейх и выступал с речами. Я каждый год обеспечивал его охрану в городе Гамельне во время его выступлений на «праздниках урожая».

…Гамельн. Гитлера называли Гамельнским Крысоловом. Согласно средневековой легенде, однажды город Гамельн подвергся крысиному нашествию. Тогда городские власти пригласили крысолова, пообещав заплатить ему «столько золота, сколько он сможет унести». Тот вынул из кармана волшебную флейту, под звуки которой все городские крысы сбежались к нему, и вывел околдованных животных прочь из города, а затем утопил их всех в реке Везере. Город, однако же, успел пожалеть о данном обещании и, когда крысолов вернулся за наградой, отказал ему наотрез. Через какое-то время он вернулся в город уже в костюме охотника и красной шляпе и вновь заиграл на волшебной флейте, но на этот раз к нему сбежались все городские дети, тогда как околдованные взрослые не могли этому помешать. Так же, как ранее крыс, он вывел их из города и утопил в реке.

— Кроме того, я был приглашен Гитлером в 1934 году в рейхсканцелярию (Берлин) на банкет для высших и верных членов СС. Только 12 самых верных членов СС принимали участие в этом банкете, на котором Гитлер обратился к нам с речью. Гитлер тогда сказал, что начальник штаба СА Рём был восемь дней назад казнен, так как он выступал против подготовки к войне (из протокола допроса на предварительном следствии. — *Л.С.*).

Это была ложь, против войны Рём не выступал. Но то, что Еккельн был приглашен к Гитлеру сразу после «ночи длинных ножей», говорит о многом. Судя по всему, он действительно участвовал в захвате власти. Причем не только Гитлером, но и Гиммлером, фактически ставшим в июле 1934 года вторым человеком в государстве.

«Ночь длинных ножей»

К началу 1933 года число штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом выросло до 600 тысяч человек, а к концу года — до 3 миллионов. Несмотря на то что СС формально подчинялись СА, главному партийному войску, Гиммлер превратил свой «орден» (к тому моменту в нем было уже 50 тысяч) в силу, создающую противовес Рёму и демонстрирующую безоговорочную преданность партийному руководству. После «национальной революции» (так нацисты называли назначение 30 января 1933 года Адольфа Гитлера рейхсканцлером) в рядах штурмовых отрядов стало расти недовольство. Пошли разговоры о предательстве Гитлера и необходимости второй революции — «истинно социалистической». Только лишь разговоры, но Гиммлер и его аппарат всячески поддерживали слухи, по которым Рём якобы стремился заполучить власть в свои руки. В конце концов летом 1934 года Гитлер отвернулся от Рёма, и случилось это явно не без участия Гиммлера.

30 июня 1934 года Гитлер обвинил Рёма в заговоре, хотя настоящими заговорщиками были он сам и его подручные. Как только Геббельс передал по телефону Герингу кодовое слово «колибри», сразу же были подняты по тревоге подразделения СС и распечатаны конверты с заблаговременно заготовленными расстрельными списками. Рёма в тот же день арестовали, а на следующий — Гитлер приказал принести ему в камеру свежую газету со статьей о казни его сторонников и пистолет с одним патроном, надеясь, что, прочитав статью, Рём застрелится. Не дождавшись выстрела, через 15 минут в камеру вошли упоминавшийся выше друг Еккельна Теодор Эйке и его адъютант. Рём отложил газету, встал и вскинул правую руку в нацистском приветствии, после чего гости произвели в него четыре выстрела. Еккельн, возможно, был где-то неподалеку.

Для главы СС Гиммлера выход СА, лишившейся своего руководителя, из политической игры означало невероятное усиление его власти. К тому же члены СС скрепили свой союз кровью. Кровью своих «оступившихся товарищей».

4 октября 1943 года в Познани Гиммлер обратился к соратникам с призывом помалкивать об уничтожении еврейского народа и в качестве примера помянул их молчание о «ночи длинных ножей». «Мы будем говорить об этом друг с другом открыто, но никогда не признаемся в этом публично. Подобно тому, как 30 июня 1934 года мы не мешкая исполнили свой долг, поставили к стенке и расстреляли оступившихся товарищей и

после того не разговаривали, не обсуждали случившееся и не будем делать это в будущем — это, слава богу, наше природное, естественное чувство такта — не беседовать никогда об этом между собой».

Если уж участники «ночи длинных ножей» даже между собой не обсуждали, как убивали «оступившихся товарищей», то, ясное дело, Еккельну хватило «природного чувства такта» не рассказывать о своем в ней участии на следствии.

«Еврейский вопрос»

«Еврейский вопрос» Штреккенбах называет «нерадостным делом». Удаление евреев из официальных учреждений началось в 1933 году, причем «аризация» сопровождалась тем, что «сомнительные личности, подвизавшиеся около партии, требовали от евреев продажи предприятий на выгодных для них условиях и при этом против его воли использовали полицию». Некоторые его коллеги из полиции обогатились. Правда, вскоре режим ограничил несанкционированные бесчинства.

Нюрнбергские законы (1935 год) запрещали евреям вступать в брак с немцами. И снова Брехт: «Идут на еврейках женатые изменники расы завзятые. Их спарят с арийками тут, блондинкой заменят брюнетку и, словно в случную клетку, насильно в расу вернут». Между прочим, до того по числу смешанных браков Германия занимала первое место в Европе, до 4 миллионов немцев имели еврейских предков во втором поколении.

Дискриминировать всех их нацисты не решились. По переписи 1933 года евреи составляли 0,7 % населения Германии. В Нюрнбергских законах определялось, кто именно мог считаться «полным евреем» — у кого трое из дедушек и бабушек были евреями. Если же их было двое, то их внук («мишлинг первой степени») относился к евреям в двух случаях: либо он состоял в смешанном браке, либо исповедовал иудаизм. «Мишлинг второй степени» — только один дедушка или одна бабушка были евреями — считался немцем по крови.

Надо сказать, немецких евреев больше всего поражала не жестокость нацистов, а поведение их собственных друзей, коллег и соседей, до того не замеченных в антисемитских проявлениях. Они все считали себя немцами и не могли поверить в происходящее. Точнее всего это чувство сформулировала Ханна Арендт: «Шоком было не то, что делали наши враги. Шоком было то, что делали наши друзья».

…Предки Марго Зейдлер, уроженки Брауншвейга, жили в Германии с конца XV века. В 1934 году с ней, 14-летней девочкой, перестали здороваться на улице знакомые мальчики, партнеры по урокам танцев. А потом старшеклассники из ее школы в эсэсовской форме пришли за отцом — возможно, по приказу Еккельна.

В отделе устной истории вашингтонского музея Холокоста я смотрю видеоинтервью, где спустя много лет пожилая женщина вспоминает о пережитом.

1933 год. «Что эти евреи тут делают?» — громко вопрошает

незнакомая женщина в вагоне поезда при виде Марго с матерью. 1 апреля объявлен национальный бойкот еврейских магазинов, в некоторых из них разбиты витрины. Штурмовики с угрожающим видом вставали у их дверей, предупреждая людей, что туда лучше не заходить.

1934 год. «Вам тут нельзя находиться», — говорят ее старшему брату в молодежном клубе, членом которого он является. Его тут же забирают в полицию как нарушителя порядка и освобождают из-под ареста спустя 10 дней по ходатайству местного раввина. К счастью, для ее семьи все окончилось хорошо, отца вызволили из Бухенвальда, им удалось эмигрировать. Оставшихся в Брауншвейге ждала Хрустальная ночь.

Свое название этот погром получил из-за осколков стекла разбитых витрин и окон, которыми были усыпаны улицы десятков городов Германии. По информации страховых компаний, стоимость одних только разбитых витрин составила 5 миллионов марок. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года было убито не менее 400 евреев. Их вытаскивали из квартир, хватали на улице, избивали до смерти. Всего были разрушены 267 синагог и 815 магазинов и предприятий. Полицейские не вмешивались, пожарные следили только за тем, чтобы огонь не перебросился на соседние дома.

Нацистская акция (ее инициатором и координатором был Рейнхард Гейдрих) готовилась с помощью полиции. Стало быть, Еккельн не мог не участвовать в ее подготовке, когда магазины и синагоги, которые планировалось сжечь, помечались специальными надписями белой краской.

Любовница Еккельна Моника (о ней позже) после войны рассказывала дочери, как наутро после Хрустальной ночи шла по центру города на работу и испытала глубокий стыд от того, что увидела. Поделившись своим впечатлением с любовником и выслушав его реакцию, поняла, что Еккельн разделил с ней ужас от происшедшего. Видно, Еккельн умел неплохо притворяться.

Новый человек в полиции

Штреккенбах, как и Еккельн, был новым человеком в полиции (не в Брауншвейге, а в Гамбурге). В основном же после прихода Гитлера там остались те же люди, что при старом режиме. Из 6 тысяч сотрудников полиции Гамбурга только 200 было уволено, да и то не все по политическим соображениям. Новая власть понимала — новых людей взять особо негде, надо перевоспитывать старых в новом духе.

Гиммлер еще только планировал передачу СС полицейских функций. Но уже тогда, согласно рассказу Штреккенбаха, полицейских чиновников в массовом порядке принимали в СС со всеми вытекающими последствиями — на них распространялся приказ о разрешении на заключение брака, требования к состоянию здоровья. И, разумеется, обучение нацистской премудрости. Штреккенбах создал специальный отдел по национал-социалистическому обучению (аналог сети партийного и комсомольского обучения у нас в советское время). Особое внимание на занятиях с полицейскими, разумеется, придавалось расовой теории. Кто не выдерживал итоговых экзаменов, не получал повышения по службе.

Полиции, между прочим, приходилось бороться и с «религиозным дурманом». Тот же Бруно Штреккенбах, отвечая на вопрос следователя, чем занималось гестапо в Гамбурге, которое он возглавлял в 1933–1936 годах, сообщил, что часть его усилий было сосредоточено «на непривычных полиции областях — католики, масоны, евреи, секты». Гестапо занималось «подавлением нежелательных организаций — масонских лож и религиозных сект. Особенно „Исследователей Библии“ (так назывались в то время „свидетели Иеговы“. — *Л.С.*) — секты религиозных фанатиков, одурманенных религиозной химерой».

Но главным было, конечно, другое. Особенно в Гамбурге, где, в отличие от Брауншвейга, традиционно была сильная компартия.

— Как практически осуществлялась работа по вскрытию деятельности политических противников фашистского режима?

— Эта работа осуществлялась путем получения и использования доносов населения (по собственнной инициативе последнего), следствия и агентурной работы.

Думаю, агентурная работа была на высоте. Объяснялось это тем, что нацистская партия и СС вместе с полицией (как сказали бы сегодня — силовики) состояли в неразрывной связи.

Бруно Штреккенбах вступил в партию в марте 1931 года, «так как считал, что будет оказывать помощь родине» (из его

последнего слова на судебном процессе в 1952 году). «На всех собраниях секций (так назывались низшие партийные организации), — рассказывал он на следствии, — выдвигались требования к отдельным членам партии, чтобы все, что становилось им известным из разговоров с соседями по дому, во время поездок в местном транспорте о событиях, деятельности других политических партий, докладывалось их партийному руководителю».

За членами партии, в свою очередь, следила партийная служба безопасности, впоследствии преобразованная в СД. Последняя, по мнению Штреккенбаха, сыграла свою роль, когда начался наплыв новых членов — благодаря ей удалось предотвратить путч Рёма.

Не только члены партии, народ был заодно с полицией, полиция опиралась на его поддержку. «В годы дипломатических успехов и экономического возрождения этнические немцы были погружены в атмосферу пьянящего коллективизма, — пишет профессор Оксфорда Клаудиа Кунц. — …И нацистские осведомители, и антифашистские подпольщики единогласно сообщали о том, что немцы испытывают искреннюю благодарность режиму за ликвидацию безработицы и выход из ненавистного Версальского договора. Все были буквально очарованы удовольствиями, которые предлагала нацистская массовая культура».

Интеллектуалы не были исключением. Философ Хайдеггер впоследствии объяснял свой поворот к национал-социализму желанием присоединиться к тем силам, которым, как ему казалось, была присуща подлинная воля к новому началу. «Для всех немцев, наделенных чувством социальной ответственности, классовые различия в нашем народе стали нестерпимыми — равно как и тяжелое экономическое закабаление Германии посредством Версальского договора». «Сам Хайдеггер тоже казался другим — так описывает свою последнюю встречу с ним в июне 1933 года Карл Ясперс. — Сразу, как только он приехал, возник настрой, разделивший нас. Народ был опьянен национал-социализмом. Я поднялся наверх, в комнату к Хайдеггеру, чтобы поздороваться. „Как будто опять наступил 1914 год, — начал я, желая продолжить, — опять то же всеобщее лживое опьянение“. Но при виде сияющего Хайдеггера слова застряли у меня в горле… Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилен».

Другой современный автор, Лоуренс Рис, отрицает утверждение Ханны Арендт, что немцы были охвачены «железным обручем страха». «Страшное» гестапо, как он пишет на основе архивных исследований, на самом деле испытывало недостаток

кадров и было малоэффективным. В подтверждение Рис приводит данные по Нижней Франконии, где на миллион жителей приходилось только 28 сотрудников гестапо. «…Но как же случилось, что ничтожное количество людей обладало невообразимой властью? Ответ прост — гестапо пользовалось широчайшей поддержкой среди простых немцев. Большинство дел в вюрцбургских архивах были заведены лишь потому, что каждый раз находился человек, не состоящий в партии, но добровольно доносивший на своего же товарища. Так что едва ли в гестапо занимались упреждающей деятельностью, самостоятельно и целенаправленно разыскивая политических врагов режима. Они всего лишь собирали и проверяли доброхотные доносы граждан». Таково гражданское общество времен тоталитаризма. Получается, роль тайной полиции не столь уж велика, если народ всей душой с властью.

Правда, в других германских землях численность гестапо была явно побольше. По свидетельству Штреккенбаха, к 1937 году штат тайной государственной полиции состоял из 9500 оперативных сотрудников и 2 тысяч административных чиновников (численность населения Германии тогда составляла 69,3 миллиона человек).

Глава 4
Гейдрих и другие

В 1936 году тайная государственная полиция — гестапо — вместе с криминальной полицией — крипо — вошли в новую структуру — главное управление полиции безопасности, или зипо. Реформа полицейской власти предполагала создание еще одного крупного ведомства — главного управления полиции порядка, или орпо, отвечавшего за обычные полицейские формирования, жандармерию, земельную полицию. Первое возглавил шеф СД Рейнхард Гейдрих, второе — друг и покровитель Еккельна Курт Далюге.

Внутренняя борьба

«Вскоре Гейдрих добился указа об образовании главного имперского управления безопасности — РСХА, — пишет Штреккенбах в своих собственноручных показаниях. — Так произошло слияние главного управления полиции безопасности с главным управлением СД. Но и после этого сотрудники СД оставались партийными работниками, а полицейские сотрудники — чиновниками, но это обстоятельство не мешало Гиммлеру и Гейдриху распоряжаться РСХА как единой организацией».

В пояснениях Штреккенбаха 17 июля 1951 года есть целый раздел под заголовком «Внутренняя борьба за власть в германской полиции». Гиммлер, как он пишет далее, сначала «придал охранным отрядам своего рода полицейские функции в системе НСДАП», а потом «старался забрать полицию в свои руки… После переворота, занимая сравнительно незначительный пост полицей-президента в Мюнхене, Гиммлер сумел захватить руководство политической полицией. Далее он использовал для укрепления своего положения как шпионскую работу СД в партии, так и включение ряда влиятельных членов НСДАП в СС, чем привязал их к себе».

Это полностью подтверждается известной мне историей, произошедшей в Брауншвейге при Еккельне. Летом 1933 года СД повела подкоп под премьер-министра земли Брауншвейг Клаггеса, чтобы сбросить его с занимаемого поста, тогда Клаггес обратился с жалобой на действия СД в высший партийный суд. Гиммлер был вынужден выбросить белый флаг, руководитель брауншвейгской СД был изгнан из СС и брошен в концлагерь. В порядке компенсации морального ущерба Гиммлер присвоил Клаггесу, не бывшему даже эсэсовцем, звание группенфюрера СС.

После публикации 1 апреля 1937 года имперского закона о полиции все полицейские органы перешли из ведения земель в компетенцию центрального правительства — вся германская полиция оказалась в руках Гиммлера. При этом, как пишет Штреккенбах, он ничуть не считался с министром внутренних дел Фриком, кому был формально подчинен. Генрих Гиммлер стал главой всей немецкой полиции. Так СС слилась с государственным и партийным аппаратом, и постепенно их щупальца охватили страну.

Гиммлер долго шел к этому. Когда Гитлера 30 января 1933 года назначили рейхсканцлером, единой германской полиции еще не было. Геринг возглавляет прусскую полицию — сильнейшее вооруженное формирование страны после

бундесвера. Гиммлер занял пост начальника мюнхенской полиции. Значимость СС падала, и Гиммлер объявляет СС «вспомогательной полицией», после чего, будучи главой политической полиции, делегирует руководящие функции и соответствующие полномочия рейхсфюреру СС, то есть самому себе.

В 1934 году в ведение негосударственной организации — СС — было передано управление концлагерями и их охрана, созданы войска СС, позже в СД была включена и внешняя разведка. Затем в ее ведение передается первый концлагерь рейха — Дахау. Эсэсовцы уже на второй день застрелили четверых заключенных. Когда концлагеря охраняла полиция, до такого не доходило. Да и узников лагерей было сравнительно немного — в середине 1930-х годов 3 тысячи. Вскоре Гиммлер сильно умножил их число.

СД

СД — эту аббревиатуру я, как и многие советские люди, узнал и запомнил после «Семнадцати мгновений весны». Как и адрес — Принцальбрехтштрассе, 8, куда Штирлиц приходил на службу — мгновение за мгновением, серия за серией. Но в чем там дело, кто там чем занимался, разобрался куда позже. В этом здании с 1933 года было гестапо, а после образования РСХА туда въехал Гейдрих. Здания больше нет, на том месте рядом с раскопанными подвалами гестапо — музей «Топография террора», где я недавно побывал, рассматривал фото сотрудников этого страшного учреждения в поисках знакомых персонажей.

Как уже говорилось, Гиммлер до 1933 года возглавлял лишь охранную структуру нацистской партии. В том году Рейнхард Гейдрих, незадолго до того вступивший в партию и СС, познакомился с Гиммлером и высказал ему свои предложения по созданию службы разведки СС. Гиммлеру они понравились, и он поручил Гейдриху заняться созданием службы безопасности — СД.

«Поначалу это всего лишь небольшой отдел в составе Управления СС, первые картотеки Гейдриха размещаются в коробках из-под обуви, и в его распоряжение выделено всего полдюжины агентов. Но уже в то время он усвоил, что главное в разведке — знать все обо всех». Так пишет Лоран Бине в упоминавшемся романе о Гейдрихе. Его название «*HHhH*» — аббревиатура прозвища, которое Рейнхард Гейдрих имел в СС: *Himmlers Hirn heißt Heydrich* (Голову Гиммлера зовут Гейдрих).

Штреккенбах в своих показаниях не счел нужным упомянуть это его прозвище, хотя наверняка оно ему было хорошо известно, он просто сравнил его с Гиммлером, отметив, что тот был столь же честолюбив и властолюбив.

Казалось бы, между ними не было ничего общего — разница в возрасте, в биографии. Гейдрих родился в семье композитора, получил хорошее образование. Служил на флоте, откуда был изгнан за недостойное поведение в отношении женщин (крутил два романа одновременно). «В 1931 году, в разгар экономического кризиса, разоряющего Германию, молодого офицера, надеявшегося на блестящую карьеру во флоте, выбрасывают на улицу, и ему вроде бы ничего не остается, кроме как влиться в армию безработных, которых тогда насчитывалось не меньше 5 миллионов». В том же году он вступил в нацистскую партию, с чего, собственно, и началась его карьера убийцы.

Гейдрих был высок и голубоглаз

Он, как никто другой, соответствовал арийскому стандарту, что было редкостью среди руководителей рейха. В 1930-е годы в Германии ходила опасная шутка: белокур, как Гитлер, высок, как Геббельс, и строен, как Геринг.

Думаю, читателю не надо объяснять, что Гитлер был темноволос, Геббельс был коротышкой, а Геринг — толстяком. Правда, у нацистских лидеров были другие таланты. Гиммлер, однако, ничем особо не выделялся — не был народным трибуном, как Геринг, не умел увлекать народ демагогией, как Геббельс. Зато аппаратчик в пенсне сумел создать службу безопасности — СД, внушавшую всеобщий страх.

В 1931 году всесильный министр пропаганды с удивлением обнаружил, что СС собирает компромат на него и на других лидеров рейха. Геббельс попытался пожаловаться Гитлеру — бесполезно. Так вот, создателем СД был не кто иной, как Гейдрих.

Альберт Шпеер (рейхсминистр вооружений, а до того личный архитектор фюрера) был приятно удивлен, познакомившись с Гейдрихом. Ему была прекрасно известна репутация жестокого и непредсказуемого начальника СД, а тот оказался вежливым, доброжелательным и образованным господином. Как пишет Лоран Бине, «Гейдрих, подобно Шерлоку Холмсу, играл на скрипке (только лучше британца). И, подобно Шерлоку Холмсу, занимался расследованиями уголовных преступлений. Разница между ним и знаменитым английским сыщиком состояла в том, что в отличие от Шерлока Холмса он не доискивался истины — он фабриковал „истину“».

Впрочем, фальсификаторов истины на Принцальбрехтштрассе было немало. Но Гейдрих, как докладывал на Лубянке Штреккенбах, был самым способным из окружения Гиммлера. Об этом окружении он был невысокого мнения: «Гиммлер — очень умный и начитанный человек, который стремился к хорошему, но благодаря своим личным методам работы и непригодному окружению достигал обратного». Объясняет Штреккенбах это тем, что «окружающие ему никогда не противоречили и скрывали от него неприятные вещи». Гейдрих — совсем другое дело, «его отличали колоссальная память и политический инстинкт». И вот что еще важно — с ним в СД пришла группа молодых интеллектуалов с академическим багажом, которые, хотя и не имели специальных познаний, обладали куда большей деловитостью, чем старые работники с полицейским опытом.

Гейдрих, по Лорану Бине, «отбирает сотрудников в

руководители каждого из семи управлений, руководствуясь их компетентностью, а не ориентируясь на политические критерии, — случай достаточно редкий в сумасшедшем доме, именуемом аппаратом нацистов… Возглавлять другие управления и отделы службы имперской безопасности он поручит блестящим интеллектуалам — молодым, как Шелленберг (контрразведка) и Олендорф (внутренняя СД), или опытным, заслуженным работникам с университетским образованием, таким как Зикс (исследование и анализ мировоззрений, архив), и эти люди будут очень резко выделяться на фоне когорты полуграмотных, умственно отсталых и фанатиков, которых не счесть в верхах нацистской партии».

Нам часто кажется, что мотивы организаторов Холокоста темны и непостижимы. На самом же деле у тех, кто творил зло, была своя этика, это зло оправдывающая. Они прекрасно ведали, что творят, и оправдывали страшные преступления благом германского народа. Гейдрих, в отличие от Еккельна, много говорил о себе и был достаточно образован, чтобы сформулировать свое кредо. В своем эссе «Курс нашей борьбы» Гейдрих писал о будущем Германии, принадлежавшем элите по рождению — в силу расовой селекции и благодаря собственным достижениям, способностям и дисциплине.

Судя по всему, Гейдрих, в отличие от того же Еккельна, лично не имел ничего против евреев, но видел в них врагов рейха и думал, как эффективнее их уничтожить. Это ему принадлежит изобретение термина «окончательное решение» (чтобы скрыть, засекретить геноцид), ему же — дьявольская идея создания айнзатцгрупп, специальных подразделений убийц.

Отто Олендорф, чья айнзатцкоманда D уничтожила 90 тысяч человек, поначалу робко возражал против своей миссии, покуда не услышал от Гейдриха: «Все мы в одной лодке». Эти молодые интеллектуалы из одной лодки были опаснее прочих. Большинство сотрудников РСХА принадлежали к одному поколению — родились в первом десятилетии века, две трети — с университетскими дипломами, одна треть — с докторской степенью. Отто Олендорф, Вальтер Шелленберг, Вернер Бест, Франц Зикс и другие, в отличие от поколения Еккельна, не успели на Первую мировую по молодости. Где же они впитали тот националистический дух, который сделал из них убийц? В тех самых университетах, где они учились. Как они пришли к этому?

Вступая в СС, были ли они готовы к убийствам? Вряд ли. Ими двигал национализм, ну и карьеризм, конечно. Преданность делу партии вознаграждалась, а их сердца бились в унисон с партией. Это потом верность партийной идеологии привела их в

айнзатцгруппы и в администрации лагерей смерти.

«Они думают, что мы кровавые собаки, — говорил Гейдрих. — Это трудно для человека, но мы должны быть тверды, как гранит, иначе дело фюрера будет уничтожено. В будущем нас поблагодарят». Он был убежденный национал-социалист, свято верил в необходимость политики массовых убийств.

Его вдова впоследствии говорила, что он полностью осознавал, что делает палаческую работу, и полностью ее оправдывал. Сам Гейдрих уверял близких, что не чувствует за собой никакой вины. В этом смысле он был схож с Гиммлером. Тот, выступая в 1935 году перед соратниками (за 10 лет до того, как Нюрнбергский международный трибунал признал СС преступной организацией), сказал: «Я знаю, многие немцы плохо себя чувствуют при виде черной эсэсовской формы, и не жду, что нас полюбят многие». Он испытывал гордость, а не стыд по этому поводу. Еще бы, это он сам тщательно продумывал все детали той черной формы (впоследствии замененной на серую), добавив к черепу руническое начертание букв «SS» в виде двойной молнии.

Гиммлер на его похоронах (Гейдрих умер в результате покушения в мае 1942 года, совершенного в пражском пригороде бойцами Сопротивления) сказал: «Я знаю, как этот человек страдал, и как разрывалось его сердце, и чего это ему стоило — вновь и вновь готовить решения по закону СС, по которому мы обязаны проливать кровь, свою и чужую, когда жизнь нации этого требует».

«Дело прочно, когда под ним струится кровь»

Как революционеры в «Бесах» Достоевского сплачивали боевую группу коллективным убийством, так и нацисты пытались сплотить нацию, связав ее жертвенной кровью. Немецкий историк Гюнтер Дешнер в очерке с симптоматичным названием «Рейнхард Гейдрих: технократ от безопасности» пишет: «Он не признавал неприкосновенности человеческой жизни, включая его собственную, что свойственно революционерам и технократам». И далее сравнивает его с Сен-Жюстом, ведь «тот тоже держал голову высоко, требуя одну смертную казнь за другой».

Можно было бы сравнить этот персонаж с другим пламенным революционером — обладателем горячего сердца, холодной головы и чистых рук Феликсом Дзержинским. «Октябрьская революция поставила его на тяжелый пост — на пост руководителя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, — говорил Сталин у гроба Дзержинского. — Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции».

Между прочим, Гиммлер тоже имел чистые руки — в том смысле, что не был связан с коррупцией. Примером для подражания этого бессеребреника служили рыцари Тевтонского ордена. Деньги его не интересовали. Иногда он занимал у кого-то из сослуживцев мелкую сумму денег и всегда отдавал с получки. На следующий же день отказывал себе в вине или пиве, компенсируя убытки.

Возможно, Сталин чувствовал что-то общее с ним. Хорошо известно, что 23 августа 1939 года во время визита в Москву Риббентропа Сталин произнес тост в честь Гитлера. Но, оказывается, он поднял бокал не только за него. Вот что я прочитал (и чуть не упал со стула) в опубликованном дневнике Альфреда Розенберга, где тот приводит рассказ Риббентропа о своих московских впечатлениях.

«Сталин произнес здравицу не только за фюрера, но и за Гиммлера как гаранта порядка в Германии. Гиммлер истребил коммунизм, то есть тех, кто верил в Сталина, а он произносит — без всякой необходимости — здравицу за уничтожителя своих сторонников».

Глава 5
В конце начала

Новому назначению не помешало и то, в чем Еккельн признался Гиммлеру, — у него проблемы с алкоголем. Впрочем, личные недостатки рассматривались рейхсфюрером как продолжение нацистских достоинств.

Инцидент на «Съезде труда»

На службе с Еккельном нередко случались «холерические приступы» — этим эвфемизмом подчиненные прикрывали его алкоголические срывы. Сын Харальд, родившийся в 1939 году, однажды поинтересовался у матери, кто был тот мужчина, который избил его в двухлетнем возрасте, — отца он помнил с более позднего времени.

На допросах Еккельн несколько раз рассказывал о пьянстве товарищей по партии, но никогда — о своем. Вспомнил, как в 1944 году на банкете в честь дня рождения Гитлера генерал Бремер подрался с главой рейхскомиссариата Лозе, из-за чего Бремера отозвали из Остланда, а его место занял генерал Кемпф.

Себя Еккельн изображал едва ли не как борца с пьянством: «В 1937 году в Нюрнберге на съезде партии Гитлер пригласил высшее руководство СС и партии на ужин. Кох опьянел, стал задирать областных фюреров. Дошло до прямых оскорблений. Я не мог этого стерпеть и вышвырнул его из зала». Вряд ли сам Еккельн был в этот момент трезв.

…Оказавшись в Нюрнберге, я, конечно, захотел побывать на «землях партии» и увидеть нацистский Дворец съездов. Он оказался похож на римский Колизей. Конгрессхалле — самое большое сохранившееся здание, построенное при нацистах. Точнее, недостроенное — согласно проекту Альберта Шпеера, зал заседаний должен был иметь высоту 70 метров, но строители дошли только до отметки 39 метров. Рядом — «Поле Цеппелина», где снято немало сцен из «Триумфа воли», поле никто не застраивает, даже трибуны сохранились. Постоял немного на балконе, откуда выступал Гитлер. Полюбовался панельным домом окнами в поле, с огромной рекламой *Grundig*. В этом доме селят беженцев, в прошлые десятилетия — из России, ныне — из Сирии.

…Партийные съезды проходили ежегодно по одному и тому же сценарию. Каждый продолжался восемь дней и включал помимо заседаний факельное шествие, парады и спортивные состязания. Возможно, инцидент случился в первый день съезда — «День приветствия», когда в Нюрнберг прибывал фюрер и в городской ратуше устраивался прием, а вечером избранная публика отправлялась слушать оперу Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». А может быть, в последний, когда Гитлер произнес в Зале конгрессов с нетерпением ожидавшуюся речь. На этот раз он обращался к западным демократиям, предостерегая их от «генерального наступления

жидовского большевизма на нынешний общественный строй и против всех наших духовных и культурных ценностей», ведь «в нынешней Советской России евреи занимают 80 % всех руководящих постов».

Каждый съезд имел название, этот назывался «Съезд труда», последний — «Съезд мира» — должен был открыться 2 сентября 1939 года, но был отменен из-за нападения на Польшу. Что ж, мир — это война. Как и будет сказано.

Пьяный водитель

За несколько недель до съезда — 26 июля 1939 года — рейхсфюрер СС потребовал от обергруппенфюрера Фридриха Еккельна объяснение по поступившей на него жалобе. Там говорилось, что Еккельн, проезжая через деревни, мчался на машине со скоростью до 100 километров в час, «грубо вел себя по отношению к водителям и пешеходам», а также находился «в состоянии алкогольного опьянения».

Гиммлер попросил ответить Еккельна на три вопроса: «1. Вы вообще ехали этой дорогой? 2. Сколько алкоголя Вы выпили в тот день? 3. Вы ехали, соблюдая правила?» Еккельн объяснение представил.

«Брауншвейг, 28 июля 1939. Рейхсфюреру СС и шефу немецкой полиции Г. Гиммлеру. Пункт 1. Вечером 23.06.1939 г. я выехал на двухместном автомобиле полиции (номер — В 19 399) из Брауншвейга в Гифхорн, в мой охотничий домик. Пункт 2… В 13:30 господин Шмитт, советник имперского Министерства экономики… пригласил меня на ужин в узком кругу в отель „Лоренц“ в Брауншвейге. Эта встреча должна была послужить укреплению товарищеского духа между партией и правительством».

Далее идет перечисление фамилий и чинов участников ужина. Еккельн всячески пытался отвести от себя подозрение в чрезмерном употреблении спиртного. За весь вечер им лично было выпито «от четырех до пяти бокалов мозельского вина», «не более четырех стопок шнапса» и после этого, возможно, «еще три, самое большее четыре бокала пива». Сам этот подсчет дорогого стоит. Это сколько же надо было на самом деле выпить, чтобы минимизация дала такой результат! Впрочем, за точность подсчета выпитого он не ручается, «так как, естественно, не делал никаких записей… Если мое объяснение об употреблении алкоголя является недостаточным, я прошу опросить участников ужина».

Зато он не курил, что специально подчеркнул в своем рапорте, поскольку курение считалось грехом едва ли не большим, нежели пьянство. «С 1 апреля мне было установлено правило, чтобы я не употреблял табака в течение одного года». НСДАП ввела запрет на курение во всех партучреждениях, а Гиммлер запретил офицерам СС и полиции курить в рабочее время. На Еккельна, по-видимому, было наложено более строгое ограничение.

Гитлер сам бросил курить и призывал к тому же всех в своем

окружении. В стране развернулась антитабачная кампания. Нацисты утверждали, что в распространении табака виновны евреи, табак был впервые завезен в Германию евреями, и евреи контролируют табачную промышленность.

С приходом Гитлера в статистике отмечается рост потребления алкоголя, в первую очередь пива. В 1938 году в Германии, по официальным данным, насчитывалось 300 тысяч алкоголиков. Вряд ли в их числе был учтен начальник земельной полиции Фридрих Еккельн.

Правда, сам фюрер в рот не брал спиртного, Гиммлер не мог выпить больше двух кружек пива. Но ими всячески поощрялись пивные вечеринки «в целях укрепления товарищества и дружбы». Товарищество — очень важная категория в нацистской Германии. «Говорят, будто немцы порабощены нацизмом, — писал в 1939 году уже упоминавшийся юрист Себастиан Хафнер. — Это только половина правды. С немцами произошло нечто худшее, для этого еще не придумано слова. Они — отоварищены. Они живут в волшебном мире мечты и опьянения. Оно и впрямь демонично, безмерно опасно, это многохвалимое, безобидное, прекрасное мужское товарищество. Нацисты знали, что делали, когда навязали его в качестве нормальной формы жизни целому народу».

…Совместное возлияние решено было продолжить в его охотничьем домике. В объяснениях по пункту три Еккельн подчеркивал, что если по дороге туда и нарушил правила, то совсем немного. Если и допускалась скорость 100 километров в час, то на свободной дороге, а во время проезда через населенные пункты он сбрасывал скорость.

Гонки на дороге — не что иное, как проявление скрытой агрессии. И, скорее всего, алкоголизма, обвинения в котором Еккельн всячески избегал. Правда, его алкоголизм за годы пьянства, вероятно, изменил свою природу, он больше не имел никакого отношения к психологической самозащите, к тому, чтобы спрятаться от плохих мыслей. Теперь Еккельн пил от полноты жизни — «могу себе позволить, жизнь удалась».

«На выезде из города с восточной стороны, где шло пересечение дорог Гифхорн — Эльцен, был закрыт шлагбаум. В то время, как я остановил машину, не знаю откуда, появился некий господин и сделал, подойдя к моему автомобилю, мне упрек в вождении с нарушением правил. Он был водителем автомобиля, который напрасно пытался меня обогнать на трассе. Этот господин сказал мне, что поскольку он член НСКК[1], то должен на меня заявить. Я сказал ему, что мне безразлично, что он там напишет. Как я установил, речь шла о господине Хусманне из

Гамбурга. Хусманн тогда утверждал, что я был в состоянии опьянения… Я заявляю, что разговор с Хусманном проходил в совершенно спокойной и вежливой форме. 24.06.1939 г. я был, как обычно, на службе около семи часов утра».

Можно легко вообразить, насколько спокойно и вежливо велся этот разговор. Проведенная проверка показала, что Еккельн устроил настоящие гонки на провинциальной дороге и, остановившись на железнодорожном переезде, «вел себя крайне вызывающе». Гиммлер закрыл глаза на этот проступок, никаких последствий для Еккельна он не имел, о нем даже не было сделано отметок в его личном деле.

Алкоголики

Могло быть хуже. Еккельн был не единственным алкоголиком среди высокопоставленных эсэсовцев. В том же Ганновере одно время, еще до назначения Еккельна, начальником полиции был Виктор Лютце, в прошлом — начальник штаба СА, донесший Гитлеру о неподобающих высказываниях Рёма и выдвинувшийся после «ночи длинных ножей». Известный пьяница, 1 мая 1943 года он вместе со всей семьей попал в аварию недалеко от Потсдама из-за слишком высокой скорости на повороте — погиб вместе с дочерью.

Карьеру в нацистской партии сделал и другой алкоголик — Оскар Дирлевангер. Ровесник Еккельна, участник Первой мировой, в 1935 году он в пьяном виде разъезжал по Хайльбронну на служебном автомобиле и, совершив две аварии, попытался скрыться. За это ничего ему не было. Но когда выяснилось, что он растлил 13-летнюю девочку, да еще состоявшую в Союзе немецких девушек, это не сошло ему с рук. Дирлевангер был исключен из партии и получил два года тюремного заключения. Только в 1940 году обвинения были с него сняты, приговор отменен, а сам он назначен командиром эсэсовского карательного батальона, сформированного из бывших уголовников и сразу оставившего кровавый след в Польше (грабежи и убийства евреев Люблина). У него к евреям были давние счеты, еще в 1919 году его, участника Первой мировой войны, отчислили из Высшей технической школы в Мангейме за антисемитскую агитацию.

«Организм человека не в состоянии вместить одновременно и алкоголь, и антисемитизм, — говорил Станислав Ежи Лец, — стоит ввести в него немного алкоголя, и антисемитизм тут же вылезает наружу».

Если же говорить всерьез, то насилие, конечно же, связано с алкоголем, под влиянием которого совершались и совершаются многие злодеяния. Свидетели геноцида в Руанде в 1994 году рассказывали, как пьяные хуту с песнями на устах убивали своих соседей, тутси по национальности.

Дивизия «Мертвая голова»

Весной 1940 года Еккельн отправился на войну с Францией. Сразу после того, как она перестала быть «странной войной», немецкие войска начали наступление. Свою роль в блицкриге сыграла дивизия СС «Мертвая голова» (*Totenkopf*), которую возглавил Теодор Эйке. Еккельн, к тому моменту уставший от мирных трудов, напросился к старому знакомцу. Несмотря на высокий чин, Еккельну доверили лишь должность командира батальона, но новоиспеченный генерал готов был пойти в бой кем угодно — кому война, а кому мать родна.

В этом смысле он был не одинок. Гейдрих прошел перед войной курс обучения летному делу, переоделся в мундир гауптмана (капитана) и принял участие в боевых вылетах немецкой авиации во Франции (вначале как стрелок-радист на бомбардировщике, затем как пилот штурмовика). «Это отвечало представлениям Гейдриха об идеальном офицере СС, который не только сидит за рабочим столом, но и сражается на фронте, — пишет Лоран Бине. — После того как в 1941 году самолет Гейдриха был сбит восточнее реки Березины и Гейдриха спасли лишь вовремя подоспевшие немецкие солдаты, Гиммлер личным приказом запретил ему участвовать в боевых действиях».

Формировалась дивизия «Мертвая голова» в Дахау в основном за счет частей по охране концлагерей. Она считалась элитным соединением. Их высший офицерский состав был сильно моложе армейского, зато идеологически куда более выдержанным. Войска СС в принципе задумывались Гиммлером как особое подразделение, беззаветно преданное фюреру.

«Слабакам не место в рядах дивизии, — учил своих воспитанников Эйке, — и они поступят правильно, если подадутся в монастырь. Мне нужны только твердые, решительные люди, готовые безоговорочно выполнить любой приказ, недаром же у них на фуражках изображены черепа».

Любой приказ… Дивизии противостояли части Британского экспедиционного корпуса, выдвинувшиеся на помощь французской армии. Последним очагом сопротивления британцев была ферма на окраине деревни Ле-Парадиз, окруженная солдатами 2-го пехотного полка дивизии «Мертвая голова». Когда боеприпасы у них закончились, командир оборонявшихся майор Райдер приказал сотне выживших сдаться. Командир роты Фриц Кнохляйн приказал отвести пленников через дорогу к ближайшему сараю, двумя пулеметами их расстреляли. Оставшихся в живых приказал добить штыками. Тем не менее

двум британцам удалось выжить и в 1948 году свидетельствовать против Кнохляйна в британском военном суде, по приговору которого он был повешен.

По мнению Эйке, таким и должен был быть эсэсовец, «любая жалость недостойна эсэсовца». Ни к себе, ни к другим. Между прочим, сдаваться в плен эсэсовцы не имели права. Гиммлер заявил 8 ноября 1938 года: «Полагаю правильным, если не будет ни одного пленного эсэсовца. Он должен будет покончить с собой». Это было задолго до сталинского приказа № 270, предписывавшего уничтожать «предателей», сдающихся в плен, и применять репрессии в отношении их семей.

Всего годом позже многим из воспитанников Эйке удалось в полной мере воплотить наказы учителя. Из служивших в дивизии «Мертвая голова» вышло немало тех, кто впоследствии участвовал в уничтожении евреев. Естественно, Еккельн сохранил прекрасные отношения с Теодором Эйке и позже, во время похода в Россию, всячески помогал ему и его соединению.

История Цинглера

«С июля 1940 года до мая 1941 года я был высшим фюрером полиции и руководителем оберабшнита „Запад“ в VI военном округе».

Стало быть, Гиммлер вернул Еккельна обратно, на прежнюю должность. Впрочем, ненадолго. Весной 1941 года он начал готовить Фридриха Еккельна для новой роли на востоке.

В бытность Еккельна начальником оберабшнита «Запад» случилась одна история, которая немного проливает свет на его привычки и, главное, на свойственную ему манеру руководства. Эту историю я вычитал в материалах одного немецкого расследования, по которому допрашивался некий Йоханнес Цинглер из Данцига. Допрос проходил в 1961 году, допрашиваемый разоткровенничался со следователем, терять ему было нечего, сразу после войны он уже был осужден по другому делу и свое отсидел.

Цинглер вступил в нацистскую партию двумя годами позже Еккельна — в 1931 году. А до того никак не мог найти постоянную работу, несмотря на имевшееся у него полное среднее образование. Неудачнику, естественно, мешали чужаки. Его не взяли даже плотником — якобы из-за противодействия инженера-поляка. Зато в партии сразу приветили, поручили важную работу. Вначале он вел учет заявок на членство в НСДАП и заполнял формуляры при приеме, затем пошел на повышение. Стал партийным бюрократом, получил чин оберфюрера СС. В 1939 году назначен начальником абшнита, в состав входило три эсэсовских штандарта.

К тому моменту Еккельн получил повышение по эсэсовской линии, став из начальника абшнита в Брауншвейге начальником оберабшнита «Запад», в который входил абшнит в Эссене, возглавляемый Цинглером.

Как и Еккельн, с началом войны Цинглер добровольно записался в Ваффен-СС и был отправлен во Францию. Год спустя, в августе 1940 года, его отозвали обратно в Эссен. По прибытии Еккельн сделал выговор Цинглеру за то, что тот пошел на фронт, оставив свой пост в СС. «Рейхсфюрер СС, — сказал Еккельн, — учит нас, что каждый должен оставаться на своем месте и не искать других назначений». В ответ Цинглер заметил, что сам Еккельн поступил так же. Эта дерзость не сошла ему с рук — что позволено Юпитеру, не позволено быку. Еккельн не терпел, если с ним пререкались. И ничего никому не забывал.

Спустя месяц Цинглер опять был вызван к Еккельну. На этот

раз дело обстояло куда серьезней — начальник оберабшнита выдвинул против него обвинение в присвоении 2 тысяч марок. И, со слов Цинглера, без каких-либо доказательств он был заочно приговорен 21 ноября 1940 года 3-м полицейским судом СС в Берлине к двум с половиной годам тюрьмы.

Вскоре у Цинглера родился ребенок, и его жена написала Гитлеру с просьбой о рассмотрении дела мужа фюрером лично. Ответ из партканцелярии не содержал ничего конкретного, смысл его сводился к тому, что сейчас судьба отдельного индивида не имеет значения и что дела ее мужа поправятся после войны.

Правда, в тюрьме (она была в том же здании на Принцальбрехтштрассе) Цинглер пробыл меньше полугода. В апреле 1941 года ему объявили, что рейхсфюрер так и не подписал его приговор, но он все равно разжалован, переведен в «расходный материал» (*verlorene Haufen*) и будет служить в одном из эсэсовских батальонов в Дрездене. Своего приговора он так и не увидел.

Продолжение истории Цинглера следует — мы еще встретимся с ним на этих страницах.

Глава 6
Подарок для фюрера

«В 1992 году, когда я был в Берлине, меня разыскала продюсер Би-би-си Кэтрин Клей, — рассказывал Петр Крупников. — Она сказала, что снимает фильм о Еккельне, и поинтересовалась, буду ли я в такое-то время в Риге. Я сказал: да. Приедет и дочь Еккельна. Так я встретился с Ренатой… Она внебрачный ребенок… и своего отца никогда не видела».

Что за дочь такая? В протоколе допроса от 8 января 1946 года Еккельн сообщил о трех дочерях (Ильза 23 лет, Анна-Мария 13 лет, Хельга 8 лет) и четырех сыновьях (Фридрих 26 лет, Клаус 21 года, Рейнхард 16 лет, Харальд 6 лет).

…Рената узнала о том, кем был ее отец, только в 1979 году. И выяснила, что в 1941 году у него родилось двое детей. Сразу двое, но от разных матерей — в Брауншвейге родился законный сын Дитер (умер в 1944 году) и незаконнорожденная дочь Рената, появившаяся на свет в доме «Лебенсборна» в Штайнхёринге, что неподалеку от Мюнхена.

Забегу вперед и скажу, что Рената Рёдер захотела встретиться со своими сводными братьями и сестрами, когда узнала об их существовании. В 1988 году она написала в Брауншвейг письмо одному из них — Рейнхарду Еккельну, но ответа не дождалась.

«Ребенок для Гитлера» — документальный фильм Би-би-си с участием Крупникова — легко нашелся в Сети. Крупников отозвался о нем так: «Еккельн мог бы быть интересной темой, но тогда следует снять настоящий фильм. Этот не такой». Ну, такой не такой, он открывает нечто, о чем мало кто знает. И вообще-то он не о Еккельне, тот в нем оказался потому лишь, что его дочь Рената родилась в одном из домов «Лебенсборна».

«Источник жизни»

Что за дом притих, погружен во мрак? Мрак баварского леса. Соседи точно не знали, что там творится, в этом белом четырехэтажном доме на берегу озера. По слухам, там рожали арийские матери. Незаконных, но арийских детей. Слухи проникали и подальше соседских дворов, в прессе союзников эти дома называли «гиммлеровскими фабриками детей».

«Лебенсборн» — об этой секретной структуре Третьего рейха до сих пор рассказывают самые невероятные вещи. Немного погуглив, можно узнать, что то была сеть эсэсовских борделей, что дома свиданий посещали офицеры СС и молодые женщины, непременно арийки, а потом рожали арийских детей под приглядом вышколенного медперсонала. Что же там было на самом деле?

Организация с этим именем была учреждена в 1935 году в Берлине десятью офицерами СС. Тогда же в составе Главного управления расы и поселений СС было создано управление, впоследствии преобразованное в управление L в составе штаба рейхсфюрера СС. Инициатором и идеологом программы был не кто иной, как Генрих Гиммлер. Ему принадлежит и название программы — «Лебенсборн» (*Lebensborn* — источник жизни). В ее уставе были прописаны основные цели, на первом месте — «поддерживать ценные с расовой и наследственно-биологической точки зрения многодетные семьи». Но дальше о многодетных — ни слова, речь шла вообще о будущих матерях. Не обо всех, разумеется, а лишь «о наиболее ценных будущих матерях, дабы на свет появлялись не менее расово ценные дети». Устав требовал неустанно о них заботиться.

Забота эта проявлялась в создании сети родильных домов и приютов. Будущая мать вынашивала бесценный плод под присмотром высококвалифицированных медиков и в назначенный день и час производила на свет младенца. Так что ни о каком эсэсовском борделе речи не было, всего лишь — о своего рода эсэсовском инкубаторе.

Сам рейхсфюрер лично входил во все хозяйственные мелочи, совершал инспекционные поездки по домам «Лебенсборн» и даже разработал особую белковую диету для лебенсборнских детей. Гиммлер рекомендовал подавать на завтрак будущим матерям овсянку, поскольку «овес способствует укреплению нервной системы». Кормление грудью вменялось в обязанность всем женщинам без исключения. В специально отведенном для этого помещении одновременно кормили младенцев несколько

матерей, а патронажная сестра затем проверяла, сколько молока высосал каждый ребенок. Если у одной арийской матери молока не хватало, ребенка подкармливала другая.

Была, правда, одна особенность — все эти заведения располагались вдали от крупных городов. Отчего? Да потому лишь, что создатели программы ориентировались не столько на многодетных, сколько на незамужних женщин. Программа «Лебенсборн» позволяла тайно родить ребенка, избежав позора. В годы войны на трех детей от замужних женщин было четверо от матерей-одиночек. Можно было оставить ребенка на попечение государства, или с согласия матери его передавали в приемную семью. Но только при одном условии — отцом ребенка должен быть член СС.

Моника

С чем-чем, а с этим у матери Ренаты все было в полном порядке. В 1940 году в Дюссельдорфе она завела роман с высоким эсэсовским чином. На экране она умалчивает о том, где работала и как познакомилась с Еккельном. Вероятно, и дать интервью согласилась только при условии, что не будет лишних расспросов и даже ее имя не будет упомянуто (пришлось покопаться, прежде чем это имя обнаружилось — Моника). «Это была история любви, романтическая история, — говорит с экрана 85-летняя женщина, — а больше я вам ничего не скажу».

В 1940 году Еккельн занимал высокий пост руководителя оберабшнита СС «Запад», штаб которого располагался в Дюссельдорфе. К этому моменту их связь продолжалась три года. Ему было 45, Монике — 33 года. На ее фото и видео не заметны «следы былой красоты», а в пожилом возрасте, по словам беседовавшего с ней израильского психолога Дан Бар-Она (о нем позже), она и вовсе «внешне вызывала глубокое отвращение». Работала Моника в те годы служащей, ничего о характере своей службы никому, даже дочери, не рассказывала, видно, привыкла держать язык за зубами. Да и об отце всегда говорила неопределенно. Стало быть, скорее всего, то был служебный роман.

Шла война, Еккельн только что возвратился с фронта. Распорядок дня жесткий, частые совещания, поездки в Берлин к Гиммлеру. Вряд ли у него было время на то, чтобы искать женщину на стороне. Да и где — на улице, в пивной или ресторане? Он генерал СС и не мог игнорировать — пусть и формальный — кодекс СС, запрещавший беспорядочные половые связи. Оставалось лишь обратить внимание на тех женщин, которые были рядом в его аппарате.

Эту догадку, высказанную мною в журнальном отрывке из будущей книги, подтвердил Маргер Вестерман. По его сведениям, Моника какое-то время пребывала в Риге вместе с начальником-любовником в должности его секретаря. Так что Рената приезжала в Ригу искать следы не только отца, но и матери тоже.

Со слов Ренаты, отношения между родителями хранились в тайне, они встречались каждый раз в другом месте. Из близких Моника открылась только своей матери.

Возможно, Моника подумывала об аборте. О нелегальном аборте. Несмотря на возможность уголовного преследования, многие из девушек в подобном положении на них решались (600 тысяч прекращенных беременностей в год). Это к ним обращался

«Лебенсборн», советуя не делать аборты, а отдавать своих детей на попечение государства. Иначе некому будет воевать. Ей на глаза могла попасться брошюра «Лебенсборна»: «Мать незаконнорожденного ребенка в наших глазах куда ценнее тех, кто из страха перед морализаторами решается на лишение жизни своего плода».

Юных девушек было в избытке, это молодых мужчин не доставало, ровесники были на фронте, а им постоянно напоминали об их долге перед Третьим рейхом. К концу войны, по планам Гитлера, население должно было вырасти с 80 до 120 миллионов. «Подари ребенка фюреру!» — под таким лозунгом немок призывали включиться в программу повышения рождаемости.

Виктору Клемпереру, автору опубликованных дневников того времени, «бросилось в глаза неимоверное количество беременных женщин… Раньше они скрывали, а теперь нарочито подчеркивают свою беременность. Они носят свои животы, как партийный значок». Думаю, в большинстве случаев речь шла о матерях-одиночках. Не случайно имперский министр юстиции разрешил незамужним женщинам именоваться фрау вместо фройляйн.

В Лигу немецких девушек вступали девочки в 14 лет, в том же возрасте, что мальчики — в гитлерюгенд. «Я сам не однажды слышал, как наставницы из лиги, как правило, малопривлекательные и незамужние, просвещали своих молоденьких подопечных относительно их морального и патриотического долга — рожать детей для гитлеровского рейха в браке, если это возможно, но коль скоро невозможно, то и вне оного». Это свидетельство американского журналиста Уильяма Ширера, в 1930-е годы корреспондента американского радио в Берлине.

Внебрачные дети

Идеология национал-социализма гласила, что долг немецких женщин — рожать расово полноценных детей. Но в Германии традиционно не приветствовалось рождение детей вне брака. Поэтому открыто поддерживать отказ от традиционной морали партия не могла.

Тайно — другое дело. К примеру, жена старшего товарища Еккельна по партии Мартина Бормана узнала об измене мужа от него самого. Сойдясь с актрисой Маней Беренс, тот не стал скрывать это от супруги: «Ты ведь знаешь мою волю! — пишет он 21 января 1944 года. — Не могла же Маня долго сопротивляться мне. Сейчас она моя, и я счастлив. Как ни странно, я чувствую себя дважды женатым мужчиной». Фрау Герда Борман в ответном письме не только не возражает, напротив, предлагает ввести институт «чрезвычайного брака», чтобы мужчина мог по закону иметь несколько жен. Нельзя, чтобы одинокие женщины не имели детей, но в случае с Беренс «все будет в порядке», «я тебя знаю». Герда предлагает план: она и Маня Беренс будут попеременно беременеть. Интересно, что в ее письмах Борману она не чуждается политики — требует от мужа скорейшего «окончательного решения еврейского вопроса».

Согласно мечтаниям Гиммлера, каждая женщина, которая к 30 годам не завела собственного ребенка, могла бы получить его в «Лебенсборне». А в качестве отца будущего потомства — выбрать себе одного из трех эсэсовцев. Но это были лишь планы, какими Гиммлер делился в узком кругу своих сподвижников.

Покуда же он ввел для всех неженатых членов СС процедуру получения официального разрешения на брак. «Разрешение на брак дается или нет единственно и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья. Будущее за нами» (из приказа рейхсфюрера СС).

Правда, встречались незамужние женщины, которые тоже хотели, чтобы будущее было за ними. От них иной раз поступали заявки такого рода, как найденное в архивных документах письмо некой Лизы-Марии, в июле 1944 года интересовавшейся у руководства «Лебенсборн», может ли она завести ребенка от какого-нибудь эсэсовского офицера. Не известно, добилась ли она своего, но факт — большинство отцов детей, рожденных по программе «Лебенсборн», были женатыми членами СС. Они старательно и, видимо, не без удовольствия следовали рекомендации Гиммлера распространять свое «арийское семя». Завидные женатые женихи, им не должно было быть отбоя от

невест. Для Гиммлера брак без детей не существовал как таковой, причем сами эсэсовцы должны были в идеале иметь многодетные семьи: «Наличие множества детей — отнюдь не личное дело отдельного человека, а долг по отношению к его предкам и нашему народу».

Гиммлер пошел еще дальше, в октябре 1939 года издав приказ, в котором были такие слова: «Высшим заданием для не состоящих в браке девушек и женщин является сохранение хорошей крови. Появление у них детей — это не ветреность, а самая глубокая нравственная серьезность матери, чьим детям суждено оказаться на поле боя, и только злой рок знает, вернутся ли они домой либо падут во имя Германии». Приказ рейхсфюрера подвергся жесткой критике со стороны представителей вермахта и Католической церкви, он вынужден был ссылаться на одобрение, полученное от Гитлера.

Судя по записям застольных бесед фюрера, тот к такого рода вещам относился одобрительно. «И пока нам недостает 2 миллионов человек, было бы лучше, чтобы незамужняя девушка имела ребенка, а не чахла, как старая дева… В противном случае она будет истеричкой или заболеет». Рассуждая о Тридцатилетней войне, Гитлер подчеркнул, что именно «благодаря незаконнорожденным детям нация взлетела вновь на прежние высоты».

Не так давно в государственном архиве Берлина обнаружилось около тысячи затерянных лебенсборнских дел и в них — те самые метрики. Они снабжались грифом особой секретности и хранились отдельно от обычных записей актов гражданского состояния. Имена отцов в найденных свидетельствах о рождении детей не записывались. Место рождения — «Лебенсборн», дата и час рождения, фамилия матери, в графе «отец» — прочерк. Правда, в метрике Ренаты нет прочерка, указаны оба родителя. В «Лебенсборне» сохранение тайны рождения не было обязательным условием, но каждая вторая мать внебрачного ребенка хотела воспользоваться предоставленной возможностью. Больше того, они были вправе в полицейских регистрационных документах указывать свое семейное положение как «вдова» или «разведена».

Моралист

Перелистывая немецкие газеты тех лет в поисках имени Еккельна, я обнаружил упоминание о нем в выпуске от 1 июня 1937 года *Frankfurter Zeitung*. В репортаже из Брауншвейга сообщалось, что 31 мая он выступил на собрании членов НСДАП города Брунсвик с критикой «моды на блондинок».

«Светлые волосы и голубые глаза еще не являются доказательством принадлежности к нордической расе, — поучал Еккельн собравшихся. — Девушка, собирающаяся выйти замуж за эсэсовца, должна полностью отвечать предъявляемым требованиям». Что же это за требования? Оказывается, эсэсовская невеста «должна быть обладательницей имперской спортивной медали. Многие люди, даже сегодня, не могут понять смысла этого требования. А суть его в том, что Германии нужны не те женщины, которые могут лишь красиво танцевать во время пятичасового чая, а те, кто может доказать хорошее состояние своего здоровья, принимая участие в занятиях спортом. Копье для метания и трамплин более полезны для поддержания здоровья, чем губная помада».

«Файв-о-клок» по-немецки — «чай и танцы» (*Tee und Tanz*), были важной частью времяпровождения молодых людей. Пятичасовой чай в Германии подразумевал еще и танцы, в том числе нежелательные с точки зрения нацистской идеологии. «Это можно было бы рассматривать как безобидное препровождение времени „приличными молодыми людьми“, если бы будоражащие, шумные и ничего не значащие пронзительные звуки не выдавались за „хорошую музыку“», — писала газета *Der Stürmer* 18 сентября 1937 года. Конечно, признавал автор установочной статьи, «легкая музыка не должна ограничиваться только использованием национальных, народных мелодий, она обязана изыскивать и развивать новые формы и мелодии в жанре народных песен и танцев. Легкая музыка нужна немецкому народу. Нельзя же слушать ежедневно только Бетховена, Баха или Генделя, да еще и непрерывно. Для этого люди ходят в концертные залы, а не в кафетерии». Но нельзя пойти на попятную перед «западным влиянием», ведь «существует громадная разница между просто усваиваемой легкой музыкой и грохотом барабанов, стиральных досок, гитар, коровьих колокольчиков, трещоток и других шумовых устройств».

Представьте, в нацистской Германии были свои стиляги. Даже война не мешала им собираться на танцы, носить вызывающую одежду и восхищаться «британским стилем». Зимой

1942 года об их вечеринках с просмотром американских фильмов стало известно Гиммлеру, и около 70 молодых людей из золотой молодежи Гамбурга арестовали и отправили в Равенсбрюк и Заксенхаузен.

«В их тесный круг не каждый попадал»

В «Лебенсборн» брали далеко не всех желающих. 56 % женщин, подавших заявления о приеме в «Лебенсборн», получали по тем или иным причинам отказ. Служащие Главного управления СС по вопросам расы и поселений подвергали будущих матерей самой строгой проверке. Составлялось множество бумаг: «наследственный лист», в котором отмечались все возможные наследственные болезни, «лист врачебного осмотра», анкета, в которой описывались подробности зачатия ребенка, личность отца, планировался ли брак с отцом-производителем (!). В специальной анкете был пункт о густоте волосяного покрова, ибо чем меньше на теле волос, тем больше оснований считать тело арийским. Оба родителя должны были быть арийского происхождения, здоровыми и не иметь судимостей. Предполагалось составление родословной, которая должна быть прослежена по возможности до 1 января 1800 года. Женщина также должна была дать подписку, что отцом ребенка действительно является заявленный мужчина.

Начиная с июля 1938 года в каждом из заведений «Лебенсборна» три раза в неделю для будущих матерей проводились политзанятия. Они слушали записи речей партийных руководителей, читали вслух главы из «Майн кампф», делали доклады по темам, предложенным эсэсовскими офицерами. Для многих девушек подобное времяпрепровождение едва ли могло представлять большой интерес. Но сверху спускались специальные программы: совместные чаепития, прослушивание выступлений фюрера по радио, народные песни, речи Геббельса; требовали от директоров регулярных отчетов. Матери расово полноценных детей должны иметь расовое, национал-социалистическое мировоззрение.

На стене висел портрет матери Гитлера, «самой прекрасной из всех немецких матерей». Патриотичные немецкие матери отмечали день ее рождения (12 августа) по особо торжественному ритуалу. В большом почете была еще одна женщина-мать — Магда Геббельс, жена и ближайшая сотрудница супруга по Министерству пропаганды. Всех своих шестерых детей она приказала убить перед тем, как покончить с собой в бункере вместе с фюрером[2].

Ренату, как и других детей «Лебенсборна», не крестили. Там существовал особый ритуал наречения именем, проводившийся офицером СС перед своеобразным алтарем, украшенным факелами, свастикой, флагами и портретом Гитлера. Называли

детей именами, как правило, древнегерманского происхождения, подчеркивающего арийскую кровь. Мать Ренаты от имени новорожденной дала клятву верности фюреру и рейху. Как она вспоминает, рядом с Ренатой лежал эсэсовский меч размером больше ребенка. Сохранились лебенсборнская брошь и документ с эсэсовской эмблемой и рунической надписью: «Каждая мать хорошей крови вносит священный вклад в наше дело».

Половина матерей оставляла здесь своих детей. Считалось, что они жертвуют их фюреру. Потом они попадали в приемные семьи — в качестве «подарка от фюрера». «Лебенсборн» гарантировал анонимность этого решения.

Впрочем, нередко в «Лебенсборн» приходили рожать жены эсэсовцев, используя программу как возможность попасть в комфортабельные родильные дома, проводя там всего лишь несколько дней. Эта практика стала популярной в годы войны — устроиться в «Лебенсборн» считалось большой удачей. Но в первые годы существования «Лебенсборна» эсэсовские жены опасались там появляться, дабы не быть заподозренными в принадлежности к матерям-одиночкам.

Жены офицеров СС претендовали на особое обхождение, часто требовали освободить их от работ по дому, предоставить персональную палату. Словом, никак не желали «уравниваться» с матерями-одиночками вопреки национал-социалистской идее о «народной общности». Руководитель программы Грегор Эбнер ответил на жалобу жены оберфюрера СС Дойшля, что не потерпит никаких привилегированных рожениц, даже если они являются женами высокопоставленных эсэсовцев. Его смелость объяснялась тем, что он еще до руководства первым домом «Лебенсборна» в Штайнхёринге был до 1933 года семейным врачом Гиммлера. На этот пост назначали только проверенных людей — впоследствии Эбнера сменил Макс Зольман, ветеран партии и участник «пивного путча» 1923 года[3].

Всего в немецких домах «Лебенсборна» по состоянию на 31 декабря 1939 года был рожден 1371 ребенок. Эбнер настаивал на том, чтобы такие дети в первую очередь передавались бездетным эсэсовским семьям. Они уже получили в свое время разрешение от рейхсфюрера СС на вступление в брак, теперь они должны были получить разрешение на усыновление ребенка. Он считал оправданным подвигать «эсэсовские пары на подобные жертвы… раз им отказано в радости рождения собственных детей, то по крайней мере они смогут за несколько лет провести бесценную воспитательную работу на пользу подрастающего поколения нашего народа».

Вообще-то офицеры СС не стремились воплощать в жизнь

идеи рейхсфюрера. Летом 1938 года Гиммлер выбрал 10 офицеров СС, которые в течение трех месяцев должны были усыновить детей из «Лебенсборна». Девять из десяти отказались выполнить приказ и сразу же подали рапорт об увольнении из СС. В 1939 году в среднем на одну рядовую эсэсовскую семью приходилось 1,1 ребенка, на семьи руководителей СС — 1,5.

Рената некоторое время с матерью, а потом до конца войны одна жила в доме «Лебенсборна». Вряд ли Еккельн хотел, чтобы его жена узнала, что у него есть внебрачный ребенок. Тем более что Рената появилась на свет почти одновременно с очередным его сыном.

Глава 7
«Окончательное решение»

«5 мая 1941 года я был вызван к Гиммлеру. Рейхсфюрер СС приказал мне выйти в отпуск, который длился до начала войны с Советским Союзом. Гиммлер сказал мне тогда, что скоро начнется война против Советского Союза и мне будет поручено очень важное задание».

Так Еккельн узнал об операции «Барбаросса». Он счел нужным упомянуть на допросе, что Гиммлер отправил его в отпуск, однако умолчал о том, какими были указания, касающиеся его будущего назначения. Не упомянул он и то, что давались эти указания в присутствии Гейдриха, а это многое могло бы объяснить. Скорее всего, речь шла об «окончательном решении еврейского вопроса».

Если кому-то надо объяснять, что такое «окончательное решение», поясню: этим эвфемизмом обозначалось массовое уничтожение еврейского населения Европы. Правда, точно не известно, действительно ли это выражение с момента своего возникновения имело именно этот смысл и получило ли оно столь широкое употребление в Третьем рейхе, как сейчас принято думать. Симон Визенталь уже в 1980-е годы обратился с письмом к бывшему гитлеровскому министру Альберту Шпееру с вопросом, когда тот впервые это выражение услышал. Шпеер ответил, что ни Гитлер, ни Гиммлер его не употребляли, и сам он услышал его только после войны. В документах оно встречается исключительно редко, мне попалось лишь однажды: в поручении Геринга Гейдриху от 31 июля 1941 года «предоставить план по окончательному решению еврейского вопроса». Ключевая роль в этом плане должна была принадлежать айнзатцгруппам — карательным соединениям, созданным по инициативе Гейдриха для уничтожения на оккупированных территориях «политических врагов рейха» — реальных и потенциальных.

Эскадроны смерти

Айнзатцгруппы, следовавшие за вермахтом, в свою очередь, состояли из айнзатцкоманд (иногда это слово переводят как оперативные команды) A, B, C и D, разделивших между собой фронт по географическому принципу. Их окружала полная секретность. Настолько полная, что брат Геринга Альберт, по его словам, впервые узнал о них от рейхсмаршала лишь летом 1942 года.

Согласно утвержденной Гейдрихом инструкции, подлежали уничтожению саботажники, партизаны и пропагандисты, а также враги по должности — партработники высшего и среднего звена и политкомиссары. В отдельную категорию жертв попадали «евреи в партийных и государственных учреждениях». Тем не менее айнзатцкоманды начали убивать всех евреев, невзирая на пол и возраст. Где бы они ни появлялись, с помощью местных информаторов евреи идентифицировались и отправлялись на сборные пункты. Затем их вели или везли на грузовиках к месту казни, где уже были приготовлены траншеи, либо жертвы должны были рыть себе могилы сами. Небольшие поселения евреев уничтожались сразу, в больших городах евреев отделяли от населения и загоняли в гетто. К концу 1941 года айнзатцгруппы отчитались об убийстве миллиона (!) человек, в основном — около 700 тысяч человек — евреев.

Между прочим, подбором кадров для них занимался не кто иной, как Штреккенбах, с мая 1940 года занимавший пост начальника 1-го управления (управление кадров) Главного управления имперской безопасности (РСХА). Послушаем его: «Мне стало известно о подготовке войны против Советского Союза в мае 1941 года, когда я получил задание составить список всех говоривших по-русски сотрудников полиции безопасности и СД. Одновременно мне было сообщено число требуемых оперативных групп».

Штреккенбах не только формировал айнзатцгруппы, но и инструктировал их командиров. На совещании в городе Претце он ознакомил их с привезенной из Берлина инструкцией, определяющей «круг особых задач айнзатцгрупп СС на территориях России». В мае 1941 года в школу пограничной полиции прибыли 2 тысячи человек из СД, гестапо и криминальной полиции. Все прекрасно понимали, по какой разнарядке их туда прислали. Придется убивать. Кого убивать, объяснили: главное — «еврейский вопрос».

На Нюрнбергском процессе группенфюрер СС Отто

Олендорф, начальник айнзатцгруппы D, свидетельствовал, что Гиммлер в беседе с ним накануне войны наказывал уничтожать всех евреев — и женщин, и детей. Вспомнил он и то совещание с участием Штреккенбаха.

«Эймен (обвинитель от США): Кто присутствовал на этом совещании?

Олендорф: Начальники оперативных групп и команд и от Главного управления имперской безопасности Штреккенбах, который передал приказы Гейдриха и Гиммлера».

Думаю, Штреккенбах ответственно подошел к отбору и распределению будущих убийц. Брал пример с Гиммлера, который был весьма озабочен вопросом нахождения подходящего исполнителя для каждого задания и так же придирчиво подбирал людей на ключевые посты в полицию и СС. Правда, в своих показаниях задним числом уверял, будто в те дни «считал, что использование полицейских на оккупированных территориях разлагает полицейский аппарат».

Айнзатцгруппы находились в своего рода двойном подчинении — прежде всего они подчинялись их отцу-основателю Гейдриху, но их действия координировались высшими фюрерами СС и полиции. Одному из них — Эриху фон дем Баху — на Нюрнбергском процессе был задан вопрос: «Какова была основная задача айнзатцгрупп?» Тот ответил прямо: «Уничтожение евреев, цыган и политических комиссаров».

«Маленькие гиммлеры»

«25 июня Гиммлер вызвал меня в Берлин и назначил руководителем СС и полиции при группе армий „А“ на Украине. С июня по октябрь 1941 года я руководил на Украине пехотной бригадой, формированиями СС и полицейским полком „Юг“». Давая показания на следствии, Еккельн старался как можно реже упоминать свою должность высшего фюрера СС и полиции.

Для координации деятельности полиции и СС на востоке Гиммлер учредил три дополнительные должности высших фюреров. За умиротворение в оперативном тылу отвечали: на севере России — группенфюрер СС Ганс-Адольф Прютцман, на юге России — обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн (в ноябре они поменялись местами), в Центральной России и Белоруссии — Эрих фон дем Бах. Их называли «маленькими гиммлерами». По общему признанию, Еккельн был среди них «самым энергичным, если речь заходила о быстром решении еврейского вопроса». А ведь в этой компании не было слабонервных. Впрочем, у фон дем Баха в какой-то момент нервы все же не выдержали. В 1942 году он слег от нервного истощения, не мог спать, мерещились расстрелы евреев. Немало времени провел в госпитале, а выздоровев, вернулся к тому же.

В отличие от Еккельна, Эрих фон дем Бах по происхождению аристократ. От рождения у него была другая фамилия — Зелевский. Западная Померания когда-то входила в состав древнего польского государства, и едва ли не любой померанский юнкер мог найти среди предков поляков. Спустя годы, отрекшись от имени своих предков, он стал именоваться фон дем Бах-Зелевски, а потом — просто фон дем Бах.

Как и Фридрих, Эрих пошел добровольцем на фронт Первой мировой, только в еще более раннем возрасте — в 15 лет, потомку благородного рода было сделано исключение. В 17 лет получил лейтенантские погоны, был награжден Железным крестом I и II степени. Когда Германия капитулировала и большинство офицеров оказалось выброшенным из армии, он оставался служить до 1924 года. С приходом Гитлера к власти его карьера шла параллельно карьере Еккельна.

Рейхсфюрер СС испытывал пиетет к аристократии, особенно к тем ее представителям, кто готов был ради партии предать свое сословие. В «ночь длинных ножей» Эрих фон дем Бах направил двух своих подчиненных в поместье одного из руководителей кавалерийских частей СА барона Антона фон Хохберг унд Бухвальда, где те застрелили его в собственной курительной

комнате, а после сказали его 17-летнему сыну: «Мы только что убили твоего отца, а теперь уходим с чувством выполненного долга».

…Принято думать, что ответственность за убийство евреев лежит исключительно на айнзатцгруппах. Между тем их численность была не столь уж велика — каждая равна батальону, до 800 человек, плюс техперсонал — водители, радисты, переводчики. Входившие в них 3 тысячи человек (правда, к концу 1941 года их состав вырос за счет коллаборационистов) сами ни за что не справились бы со своей задачей и не могли бы совершить столько убийств без помощи войск СС и сил полиции порядка и безопасности.

Еккельн сосредоточил в своих руках все полномочия, нужные для бесперебойного осуществления массовых убийств. В его ведении помимо айнзатцгрупп C и D (свыше 1500 человек), которые, правда, находились в двойном подчинении, были войска СС, полиция порядка и силы полиции безопасности. Прежде всего — полицейский полк «Юг» в составе трех полицейских батальонов общей численностью около 1700 человек. 22 июля 1941 года к этому полку добавилась 1-я мотопехотная бригада СС в составе двух полков СС численностью свыше 6 тысяч человек, в августе — еще два полицейских батальона. И полицейский полк, и подразделения бригады привлекались Еккельном к еврейским акциям.

Это уже не отборные убийцы из айнзатцкоманд. Обычные люди, рядовые сотрудники полиции. Перед войной полиция порядка сильно разрослась, в сентябре 1939 года она насчитывала 131 тысячу человек. С поступлением в нее молодые люди освобождались от армии (Гитлер отмежевался от положений Версальского договора и ввел обязательную воинскую повинность) и могли служить вблизи от дома, хотя и были на казарменном положении. С началом войны в «полицейскую армию» стали призывать резервистов. И это самое ужасное — было бы проще понять, если бы полицейские батальоны комплектовались из профессиональных убийц.

Убивать начали в Советском Союзе

Английский исследователь Холокоста Мартин Дин уверял меня, что не было единого «окончательного решения», что принималось оно по частям — с весны 1941-го до лета 1942-го — и исполнялось по частям, евреев убивали в разное время в течение всей войны. Намеки Гитлера, приказы Гиммлера, на локальном уровне — свои приказы, своя инициатива. На мой вопрос, а как же знаменитый немецкий орднунг, он напомнил о множестве параллельных полицейских ведомств, которые хотя и кооперировались, но в то же время соперничали друг с другом.

Похоже, и вправду все шло не только сверху вниз, но и снизу вверх. Как пишет британский историк Ричард Эванс, «не существовало точно сформулированного приказа; Гитлер устанавливал общие рамки действий, Гиммлер истолковывал их на свой лад, а офицеры СС на местах, ссылаясь на него, действовали по собственной инициативе».

Когда 22 июня 1941 года вермахт напал на Советский Союз, массовые убийства за линией фронта начались незамедлительно. Как это получилось, что вдруг начали убивать евреев, всех подряд?

Обычно принято ссылаться на печально известный «Приказ о комиссарах», подписанный 6 июня 1941 года Кейтелем. Но в нем ничего о евреях нет. Там — о комиссарах, это они «не признаются в качестве солдат; на них не распространяется действующая для военнопленных международно-правовая защита. После проведенной сортировки их надлежит уничтожить». Евреи появляются в принятой во исполнение приказа директиве начальника РСХА Гейдриха от 2 июля 1941 года. Между прочим, директива адресована высшим фюрерам СС и полиции безопасности в зоне военных действий на территории СССР: «Подлежат экзекуции… евреи — члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т. п.)».

Чуть позже «евреи — члены партии и занятые на государственной службе» подверглись расширительному толкованию, в их число были включены все евреи, включая женщин и детей, просто потому, что родились евреями.

Но это случилось не сразу. Первое время Еккельн на бумаге старался подвести своих жертв под указанные в приказе Гейдриха категории. Подмена понятий «комиссары» — «евреи» происходила постепенно.

25 июля Еккельн подписал «Оперативный приказ об акции по чистке в лесах южнее дороги Ровно — Звягель», где «долгое время держалась 124-я советская дивизия со своими значительными силами»: «Пленных комиссаров следует после краткого допроса доставлять мне для обстоятельного допроса фюрером СД моего штаба. С агентами-женщинами или евреями, которые предоставили себя в распоряжение Советов, следует обращаться надлежащим образом». Под «надлежащим образом» подразумевался расстрел.

Для проведения акции была назначена подчиненная Еккельну 1-я мотопехотная бригада СС. 31 июля Еккельн в радиограмме докладывал о завершении акции: «Расстреляны: 73 русских солдата, которые действовали как партизаны. 165 функционеров и прочих лиц, которые оказывали большевистской системе существенную поддержку (среди них четыре женщины). 1658 евреев, в том числе 59 женщин, которые оказывали большевистской системе существенную поддержку и выдавали украинское население большевистским властям».

«Саботаж»

5 июля по приказу Еккельна состоялась первая «акция по военному обычаю». Подчиненные ему полицейские части (полк «Юг») расстреляли в городе Владимир-Волынский 150 евреев. После завершения акции Еккельн поставил задачу охранять «ось связи ОКХ западнее линии Староконстантинов — Шепетовка». «Охрана» опять-таки фактически свелась к убийствам евреев. Силами 8-го полка СС 3 августа расстреляно 489 человек (302 мужчины и 187 женщин) — будто бы за саботаж. В своем отчете он изобразил убийство следующим образом: «В Староконстантинове, нынешней резиденции высшего фюрера СС и полиции и начальника тыловой войсковой области, после вступления немецких войск евреи были привлечены к чистке казарм… Во время работы евреи вели себя нагло и даже отказывались работать. Из около 1 тысячи привлеченных к полевым работам евреев на следующий день явилось только 70. Кроме того, были установлены акты саботажа в отношении уборочных машин. Еврейский совет старейшин даже распустил слух о наступлении русских, что евреи немедленно использовали как повод для того, чтобы публично угрожать и поносить украинцев. Наконец, было установлено, что евреи бойко торгуют похищенным скотом и товарами» (из «Донесения о событиях в СССР» № 59 от 21 августа 1941 года).

«Акты саботажа». Это слово часто употреблялось в немецких документах применительно к евреям. Почему? В предвоенной Германии существовало стойкое убеждение, что евреи явились причиной поражения в Первой мировой войне. Постепенно на этот странный вывод стали ссылаться как на общеизвестное обстоятельство. Эсэсовцы использовали его как повод к массовым расправам. Когда осенью 1941-го была сожжена парижская синагога, Гейдрих официально одобрил поджог «только в том смысле, что евреи в ответе за то, что в Европе разразилась Первая мировая война».

«Насколько бы мы усложнили для себя ситуацию, если бы в условиях бомбардировок, тягот и лишений войны у нас бы сегодня в каждом городе имелись евреи! Они выступали бы в качестве тайных саботажников, агитаторов, возмутителей спокойствия. Мы бы теперь, вероятно, дошли бы до уровня 1916–1917 годов, когда евреи все еще присутствовали в германском национальном организме». Это слова Гиммлера на совещании генералитета 4 октября 1943 года, приведенные американским обвинителем на Нюрнбергском процессе Уильямом Уолшем.

Помимо комиссаров и саботажников евреев ставили в один ряд с диверсантами. В тех областях, где дислоцировался 101-й Резервный полицейский батальон, выявление евреев и партизан практически не пересекалось. Однако от частого повторения слов о евреях и диверсантах в сознании солдат произошло замещение — они сами поверили в то, что речь идет об одних и тех же людях. Так обстояло дело по свидетельству Кристофера Браунинга, автора книги «Обычные мужчины», основанной на документах немецкого следствия, длившегося с 1962 по 1972 год, — протоколах допросов 210 полицейских, пятеро из которых были приговорены к различным срокам заключения.

…Первое время цифры в отчетах Еккельна были совсем скромные, никакого масштаба. Он лично руководил акцией в Шепетовке 28 июля, когда были расстреляны 800 евреев, в Староконстантинове 3 августа — 489 жертв. Другие достигли куда больших успехов. На что Гиммлер строго указал Еккельну 12 августа, когда тот прибыл к нему с докладом. Гиммлер посоветовал ему брать пример с кавалеристов. Полками действовавшей в Белоруссии кавалерийской бригады СС к этому моменту было расстреляно 13 788 «грабителей и солдат в штатском». Слово «грабители» никого не могло ввести в заблуждение — так в эсэсовских рапортах (к примеру, в донесении 2-го кавалерийского полка СС об итогах операции «Припять») именовались евреи.

В первые месяцы войны каратели в отчетах подводили еврейские жертвы под категории саботажников и партработников. Разумеется, то была очередная ложь, но именно она поначалу служила предлогом для убийства. В Берлине составителям отчетов доверяли. Вот что об одном из них, коллеге Еккельна, писал в собственноручных объяснениях на следствии Штреккенбах: «Фон дем Бах — честолюбивый, низкий человек… тщеславный, мнительный человек, от которого, как и от Далюге, была далека правда. Его сообщения всегда были преувеличены или даже измышлены, о чем знали все. Только в этом нельзя было убедить Гиммлера».

Потом уже никакие предлоги для убийств не требовались. Презюмировалось, что евреи подлежат уничтожению как пособники тех, кто оказывает оккупантам сопротивление. Все, включая детей, стариков и женщин. Уже никто не заморачивался поиском каких-либо доказательств принадлежности жертв к партизанам или подпольщикам. Говорили прямо, и «свидетельство о рождении автоматически становилось свидетельством о смерти» (Эли Визель).

Это было задолго до обсуждения в Ванзее мер по

«окончательному решению», до того, как заработали печи Освенцима. Так что к газовым печам привела не только страшная логика нацизма и безумные идеи Гитлера, но и усердие фанатиков и садистов из айнзатцгрупп и полицейских батальонов, действовавших на оккупированной советской территории. Именно там начался Холокост. Это был «Холокост от пуль».

Месть большевикам

И все же, если сопоставить два факта — отсутствие массовых убийств до 22 июня 1941 года и присутствие после, — остается вопрос: что же послужило поводом для их начала? Нацисты на протяжении восьми лет мучали евреев, дошли до того, что повесили на них желтые звезды и загнали в гетто, но все же не убивали. Дни открытых убийств наступили только после перехода советской границы. Почему так?

Возможно, потому, что именно тогда соединились две ненависти — к евреям и к коммунистам. Все нацистское руководство было убеждено: советским евреям имманентно присущ коммунизм, а основу сталинского господства составляет «еврейско-большевистская интеллигенция». Гитлер всегда впадал в безудержную ярость, едва речь заходила о большевизме, считал его формой «еврейского геноцида». Не вижу другой причины, почему Холокост в его самых страшных проявлениях начался в СССР.

Гейдрих говорил: «Иудейство породило большевизм, поэтому должно быть стерто с лица земли». «В генерал-губернаторстве (Польше. — *Л.С.*) в результате оставления евреев на прежних рабочих местах и на прежних местах проживания не возникло серьезных источников политической угрозы. Однако находящиеся в Остланде или заброшенные туда красной властью евреи, напротив, были носителями большевистских идей», — писал начальник айнзатцгруппы А Шталекер в докладной записке 6 августа 1941 года, мотивируя вывод о необходимости массовых убийств евреев на оккупированной территории СССР.

«Нам, унтер-офицерам и рядовым, было сказано, что РСХА отдало приказ „очистить от евреев“ всю местность, в которую мы приходили в России, — показывал на следствии в 1962 году обершарфюрер зондеркоманды 4а Эрнст Конзее. — Так как евреи внесли большой вклад в коммунистическую систему и в страдания украинского населения».

Стало быть, евреев надо было убивать потому, что они большевики. Иными словами — выскажу парадоксальную мысль — за то, что они совершили революцию в России. Получается, их постигла расплата за октябрь 1917-го. Та самая расплата, о необходимости которой столько сказано российскими шовинистами-антисемитами. Гитлер сделал их мечту былью. Не случайно именно на территории СССР было невиданное количество коллаборационистов, участвовавших в расправах над евреями, тут они с нацистами нашли друг друга. Нашли

повсеместно — в Киеве местные полицаи конвоировали колонны смертников в Бабий Яр, в Риге — в Румбулу, в Ростове — в Змиевскую балку. Эта мысль пока никем не отрефлексирована, а надо бы.

«Ну, с этой эмиграцией…»

А существовало ли вообще решение как таковое? Письменного приказа о поголовном уничтожении евреев никто никогда не видел. Ни один из главных помощников Гитлера в ходе послевоенных допросов не упоминал о его существовании. Некоторые историки полагают, что его и не было. В каком смысле не было? Не было в письменном виде? Или же вовсе не было?

На одном из секретных партийных совещаний в 1937 году фюрер заявил: «Все, что можно обсудить, записывать не нужно — никогда!» Может быть, «окончательное решение» поначалу было просто прозрачным намеком Гитлера, понятным тем, кому он был адресован? Ведь все они, и Гиммлер прежде всего, были морально к нему готовы, и дальнейшее уже зависело от их инициативы.

Похоже, на протяжении первых лет Третьего рейха никто в нацистском движении, включая и самого фюрера, не определил, каким будет решение «еврейского вопроса». Правда, одним из источников национал-социализма — наряду с «Майн кампф» — было «Письмо к солдату Гемлиху о сущности еврейского вопроса», написанное Гитлером 16 сентября 1919 года, когда он был послан армейским командованием в войска в качестве «офицера-воспитателя». Конечной целью правительства, говорилось в нем, должно стать «уничтожение всех евреев». Но к этой конечной цели он шел довольно долго.

«Еще во время борьбы за власть национал-социалистское руководство выдвинуло борьбу против евреев как главную проблему, — рассказывал Еккельн в судебном заседании. — … Изданием Нюрнбергских законов эта борьба получила свое законное подкрепление. Тогда не предполагалось евреев умертвлять. Но предполагалось их выселить в другие страны, в частности в Палестину».

Истребление началось не сразу, первоначально евреев изолировали в гетто, а относительно их дальнейшей судьбы имелись разные планы — вроде высылки на Мадагаскар. Никакого единого плана не было, нацисты изначально не представляли себе, что будут дальше делать, эскалация насилия начиналась постепенно.

Убивать начали в Советском Союзе, и вплоть до осени 1941 года только там евреи подвергались систематическому уничтожению. Относительно европейских евреев летом 1941-го еще существовали планы переселения. Еврейская эмиграция из оккупированной Европы была полностью запрещена только с 23 октября 1941 года.

«Наверное, спустя два месяца… или, может быть, через три месяца после начала войны с Советским Союзом меня вызвал Гейдрих, — рассказывал на следствии Эйхман. — Я явился. И он сказал мне: „Фюрер, ну, с этой эмиграцией…“» Но сначала совсем коротко: «Фюрер приказал физически уничтожить евреев».

Возможно, к тому, что Гитлер изменил свое мнение, был как-то причастен Розенберг. Вот что он записал в своем дневнике 12 сентября 1941 года: «Когда поступили сообщения, что Сталин приказал депортировать в Сибирь, то есть убить оставшиеся 400 тысяч поволжских немцев… я дал указание о разработке радиосообщения, адресованного России, Англии и США и гласящего, что если это массовое убийство будет осуществлено, Германия заставит поплатиться за это евреев Восточной Европы». Сталинский указ от 28 августа 1941 года именовался «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Розенберг решил, что «переселение» означает убийство — судил по себе и своим сообщникам.

Немецкий историк Мартин Брошат считает, что осенью 1941 года при депортации немецких евреев в Польшу и Прибалтику у местных властей появились проблемы с размещением такого количества людей, а в связи с замедлением продвижения вермахта вглубь России отправить евреев дальше на восток было невозможно. Гетто были перенаселены, тогда нацисты стали убивать прибывающих евреев, постепенно подобная практика развилась в программу всеобщего уничтожения.

Но в любом случае убивать евреев начали еще летом, за полгода до Ванзейской конференции, которую связывают с принятием «окончательного решения». К ее началу уже был убит первый миллион из шести. Стало быть, какое-то решение к тому моменту уже было, пусть оно и касалось только части евреев, имевших несчастье оказаться на оккупированной советской территории. Скорее всего, приказ был отдан в устной форме Гиммлером после нескольких секретных встреч с фюрером накануне операции «Барбаросса» или сразу после ее начала.

Новое свидетельство

А вот что обнаружилось в никогда не публиковавшихся материалах «дела Штреккенбаха».

«С началом похода на Россию мероприятия против евреев вошли новую стадию, — пишет Штреккенбах в своих пояснениях. — Был отдан приказ о широкой ликвидации евреев. Мне не совсем ясно, от кого исходила эта инициатива. По заявлению Гейдриха, об этом высказался сам фюрер на одном из совещаний: что он намеревался разрешить основательно вопрос о евреях в Европе, а ликвидация евреев во время войны не произведет большой сенсации во всем мире».

У Гитлера были все основания полагать, что новость об убийстве еврейского народа не станет сенсацией. Ведь в то время для евреев Европы, по словам Хаима Вейцмана (будущего президента Израиля), мир разделился надвое: на места, где они не могли жить, и места, куда они не могли попасть.

«Этот приказ, хотя и держался в секрете, вскоре стал повсюду известен и вызвал большое возбуждение, так как имелось много людей, которые были с ним не согласны». В других показаниях Штреккенбах уточняет: «Распространились слухи о приказе, что вызвало большое возмущение. Было много людей, которые нашли его бесчеловечным и неумным».

Ну, насчет несогласных — это художественное преувеличение, объяснимое местом написания этого текста — лубянской тюрьмой. А что касается остального, то это, скорее всего, правда.

Возможно, устное распоряжение о массовом уничтожении советских евреев было сделано накануне операции «Барбаросса» — вероятно, в середине июня 1941 года. На совещании у Гиммлера, куда пригласили Еккельна, Эриха фон дем Баха, Ганса-Адольфа Прютцмана и ряд других высокопоставленных чиновников СС. Об этом совещании Еккельн на следствии и суде, разумеется, умолчал.

Другой участник того совещания, Эрих фон дем Бах, давая показания на Нюрнбергском процессе, тоже ничего конкретного о нем не сказал. Подтвердил лишь, что «это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистического мировоззрения. Если десятилетиями проповедуют… что евреи вообще не являются людьми, — неминуем именно такой результат».

Протокол Ванзее

Случайно уцелела копия составленного Эйхманом протокола совещания в Ванзее (употребляемая обычно применительно к нему «конференция» — калька с немецкого). Протокол подвергся правке Гейдриха и Мюллера, тем не менее из него можно понять, что речь там шла об исполнении уже принятого решения, юридических деталях и логистике.

Между прочим, Штреккенбах в своих пояснениях следствию пишет, что шеф гестапо Мюллер «внутренне с насильственными актами в отношении евреев согласен не был, но, как и все, кто длительное время работал с Гиммлером и Гейдрихом, не был в состоянии изъявить открыто протест или оказать сопротивление, несмотря на всю свою твердость».

Участники Ванзейской конференции (их было 15) приглашались на виллу «Марлир» в Берлине к девяти утра, к завтраку, заседание же было назначено на 12. Рядовое служебное совещание, больше половины его участников — сотрудники разных министерств. В числе представителей с мест был один из подручных Еккельна — начальник полиции безопасности в Остланде Рудольф Ланге.

Основной докладчик Гейдрих сообщил, что «первоначальная политика вынуждения евреев к эмиграции за пределы рейха не оправдала себя». Разумеется, не по вине нацистов, а из-за «отказа всех потенциальных стран принимать еврейских беженцев и отсутствия у беженцев средств для эмиграции». Поэтому придется вместо этого «выселять их на восток, там годные к физическому труду будут работать на строительстве дорог, а остальные — должны быть уничтожены». «Было предложено множество возможных решений». Потом дебатировали вопрос, что делать с евреями, у кого один из родителей ариец или наполовину ариец.

В кулуарах собравшиеся говорили без околичностей, даже если использовали новый эвфемизм — «выселение евреев на восток». К «окончательному решению» не в последнюю очередь привела готовность этих людей на все, оно, это решение, уже давно легло им на душу. Так что не одна только логика развития режима привела к решению о тотальном убийстве евреев.

Началось же оно в тех районах СССР, где 25 июня 1941 года обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих Еккельн приступил к обязанностям высшего фюрера СС и полиции на юге России. Он, собственно, и начал Холокост в невиданных доселе масштабах. Как говорят, задал планку. Без Еккельна Холокост протекал бы иначе.

Глава 8
Высший фюрер Украины

Приняв к сведению критику Гиммлера, Еккельн очень скоро обогнал фон дем Баха по числу жертв: в первой половине августа 1941-го было расстреляно не больше 4 тысяч человек, а во второй — свыше 40 тысяч.

14 августа педантичный Гиммлер приказал высшим фюрерам СС и полиции отчитываться за каждый прожитый день. Эти коротковолновые шифрованные радиограммы шли на три адреса: прежде всего лично ему, затем начальнику полиции порядка Далюге и для сведения Гейдриху. В отчетах рейхсфюреру от 27, 28 и 29 августа Еккельн особо подчеркивал роль своей «штабной роты», участвовавшей в расстрелах наряду с полицейским батальоном.

Небывалый случай — у него была своя бригада палачей

Так называемая штабная рота, а фактически расстрельная команда — это был приданный штабу Еккельна караульный взвод во главе с лейтенантом полиции Фрицем Вольфом — около 35 человек. Кроме того, в его распоряжении был 45-й резервный полицейский батальон и солдаты, служившие при штабе шоферами и охранниками. Этих шоферов и охранников Еккельн также постоянно отряжал на расстрел евреев.

Штаб Еккельна состоял из 11 полицейских чиновников, врача и трех писарей. Одним из писарей был не кто иной, как наш старый знакомец Йоханнес Цинглер, появившийся в штабе Еккельна, натурально, не без его участия. С началом войны с СССР полицейский батальон, где служил Цинглер, был откомандирован в Украину. В Кривом Роге Еккельн вызвал Цинглера к себе лично. А когда тот отрапортовал о своем прибытии, издевательски заметил, что нисколько по нему не скучал.

«Для меня была унизительна эта ситуация, так как при этом присутствовали несколько человек, которые знали, что я раньше был оберфюрером СС… Потом Еккельн вытащил пистолет и положил на стол, сказав, что для меня было бы лучше, чтобы я сам сделал из этого вывод. Но поскольку я ни тогда, ни сейчас виноватым себя не чувствовал, я этого не сделал».

Еккельн, по словам Цинглера, поручил ему исполнять обязаности курьера «на территориях, где действовали партизаны». Ему пришлось ездить на выделенной машине-вездеходе с заданиями до четырех раз в неделю, «одному, без охраны».

Психология зла — 5

— Обергруппенфюрер любил манипулировать людьми. А делать это, как известно, куда легче, если они чем-либо скомпрометированы.

— Тут еще проявление комплекса неполноценности. Еккельн самоутверждался за счет Цинглера. Так бывает, когда руководитель чувствует, что он не вполне на своем месте. Ему недостаточно того, что у него чин выше, чем у окружающих. Надо еще, разного рода действиями унижая этих людей, каждый раз убеждать их и самого себя, что он выше. Доказывать, что он умнее. Нормальный генерал отлично знает, что он генерал. А этот — не уверен в себе. А вдруг они не понимают — надо показать себя. Легче всего это сделать, изгаляясь над подчиненными — «мордой об стол».

Уполномоченный

«Еккельн испортил отношения со всеми, с кем работал», — такие показания давал один из его ближайших помощников, оберштурмбанфюрер СС Герберт Дегенхардт на следствии в Людвигсбурге.

Дегенхардт был ключевой фигурой в штабе Еккельна. Он занимал пост «особого уполномоченного по борьбе с бандами и евреями». Вот в такой именно связке — «с бандами и евреями». Его имя встретилось мне в единственной книге о Еккельне, изданной в 2013 году в Брауншвейге. Однако в материалах Рижского процесса его нет. В вашингтонском музее Холокоста я попытался поискать упоминания о нем в архивных материалах. И, представьте, нашел — в копиях документов уголовного дела, возбужденного Центральным ведомством земельных управлений юстиции по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. Это ведомство, созданное в 1959 году, в 1960 году начало расследование расстрела евреев в Кривом Роге в 1941 году. Дело возбуждено по заявлению некоего доктора Тиля, директора фабрики из Бад-Гомбурга, в период службы в вермахте ставшего очевидцем этого злодеяния.

Из Кривого Рога ниточка потянулась к другим городам, где оставил кровавый след Еккельн: Бердичев, Каменец-Подольский — нет только Риги. Видно, немецкие прокуроры решили, что рижские злодеяния стали предметом рассмотрения советского суда и что можно к ним не возвращаться. Впрочем, мне так и не удалось выяснить, чем увенчалось это расследование, завершенное в 1971 году, — увы, большинство дел против нацистских преступников в ФРГ до суда не дошли.

Больше тысячи страниц документов на немецком, а я немецкого не знаю, в основном протоколы допросов. Пришлось выбирать те, в которых видел знакомые фамилии, тыкать в документы пальцем и просить помощи переводчика. Так я неожиданно обнаружил протокол допроса Штреккенбаха (его допрашивали уже после возвращения в ФРГ в феврале 1961-го), но больше всех меня интересовал, конечно же, «особый уполномоченный».

21 июня 1961 года на допросе в прокуратуре Ноймюнстера Герберт Дегенхардт рассказал о себе совсем немного. Родился в 1909 году в семье коммерсанта из Тюрингии, в 21 год вступил в партию, в 25 лет — в СС, за принадлежность к которой в 1948 году провел в тюрьме 10 месяцев. Как и многие другие нацистские палачи, прекрасный семьянин, отец троих детей…

На следствии Дегенхардт от всего отпирался: ничего не видел, ни в чем не участвовал. Свидетель Кунц утверждает, что он был правой рукой Еккельна? Неправда. И не знает он никакого Кунца. Возглавлял ли он отдел по борьбе с бандами и евреями? Да, возглавлял. Но только формально, параллельно с выполнением других задач. Да, состоял при Еккельне, начиная с Бердичева, где у того была резиденция. Но во время «акций» в Бердичеве выполнял другое задание Еккельна — уточнял, сколько евреев живет в среднем течении Днепра. Что Бердичев стал «свободным от евреев», узнал после…

На самом же деле именно Дегенхардт помог Еккельну разработать стандартный процесс, напоминавший действия айнзатцкоманд. Он выглядел следующим образом. Командиру полицейского полка или батальона отдавался устный приказ «прикончить всех евреев» в определенном районе или населенном пункте. Тот, в свою очередь, передавал приказ вниз, тоже устно. Подразделения узнавали об «акции» за день до ее проведения или вечером накануне, тогда же разбивались на группы, распределяя обязанности. Одна группа окружала деревню, вторая обыскивала дома, третья — искала евреев. Затем обязанности перераспределялись: одни полицейские конвоировали евреев к месту казни — противотанковому рву или заранее вырытой яме, — другие обеспечивали оцепление, третьи — прицеливались и передергивали затворы.

«Акция по военному обычаю»

Далюге однажды озаботился тем, что враг может перехватить и расшифровать отчеты расстрельщиков, и распорядился, чтобы радиограммы не содержали сведений, проходивших под грифом «Секретное дело рейха» («*Geheime Reichssache*»). Поэтому в дальнейших сообщениях Еккельн называл расстрел евреев «акцией по военному обычаю» (*Aktion nach Kriegsbrauch*).

Позже те первые убийства, происходившие задолго до газовых камер, стало принято называть «Холокостом от пуль». Когда говорят о Холокосте, имеют в виду Освенцим и газовые камеры. Но ведь с их помощью было убито немногим больше половины жертв нацизма. Остальные были расстреляны в ходе «децентрализованного Холокоста» (Венди Лоуер). Их не загоняли обманом в душевые, в них стреляли в упор, и это много говорит об их палачах.

Из радиограммы № 53 от 29 августа 1941 года: «… Штабная рота *HSSUPF „Россия — Юг“* закончила акцию под руководством обергруппенфюрера СС Еккельна в Каменце-Подольском… Штабная рота вновь расстреляла 7 тысяч евреев, вследствие чего общее количество евреев, ликвидированных в ходе акции в Каменце-Подольском, составило округленно 20 тысяч».

В акте Каменец-Подольской городской чрезвычайной комиссии от 27 мая 1944 года содержится цифра — 19 тысяч убитых. Харьковский ученый Александр Круглов уточнил эту цифру в немецких документах — жертв оказалось на 4,5 тысячи больше. Все они были убиты в Каменце-Подольском за четыре дня — с 26 по 29 августа 1941 года.

Откуда их столько оказалось в небольшом городе? Когда Венгрия стала союзницей Германии и получила дозволение аннексировать Подкарпатскую Русь — самую восточную область Чехословакии, — «не имеющие гражданства» евреи были изгнаны на восток, в оккупированную Украину. Большинство депортированных евреев — 15 тысяч — оказалось в районе Каменца-Подольского, захваченного венгерскими войсками.

Потом в город пришли немцы. Немцы не были готовы к такому наплыву переселенцев и потребовали прекратить депортацию, так как «не могут справиться со всеми этими евреями». Но венгры отказались забирать «своих» евреев. Тогда командующий оперативным тылом «Юг» генерал Роквес обратился к Еккельну: не мог бы тот «как-то помочь в решении возникшей проблемы»? Еккельн ответил на вопрос вопросом (риторическим): «Должен ли Рейх лишать своих солдат

пропитания?» И сам на него ответил, издав приказ о «ликвидации».

Приказа сверху убить «всех этих евреев» Еккельн не получал. Он самолично решил убить огромное количество людей. Чтобы выслужиться? Или за идею, за расистский культ ненависти? Гиммлеру удалось сколотить банду убежденных убийц, и в этой банде Еккельн был не просто одним из самых жестоких. Он был убийцей с инициативой.

Выскажу предположение еще об одной причине, двигавшей Еккельном. По просьбе Роквеса Еккельн лично прилетел в Каменец-Подольский. Представьте себе его впечатление от одного из красивейших городов Украины, буквально заполоненного плохо одетыми голодными людьми. Один их вид должен был оскорблять эстетические чувства эсэсовского генерала в красивой форме под кожаным плащом. Подтверждалось все то, о чем он читал у Юлиуса Штрейхера в *Der Stürmer*: «бесчисленные стада омерзительных евреев» Восточной Европы живут в «грязных норах». Подтверждалось и то, что он видел в псевдодокументальном фильме «Вечный жид» с кадрами, снятыми в варшавском гетто, где людей вынудили участвовать в отвратительных инсценировках — евреев снимали на скотобойнях, где они якобы совершают ритуальный забой скота[4]. «Они безобразны, трусливы и ходят стаями, они разносят болезни», — говорил закадровый голос. «Вечный жид», снятый под личным руководством Геббельса, вышел на экраны Германии в 1940 году.

Будто в подтверждение сказанного, в Каменец-Подольском гетто началась эпидемия дизентерии, что легко объяснимо — кормили депортированных исключительно сырой капустой. Их вместе с местными евреями венгры согнали в средневековый Старый город в петле скалистого каньона русла реки Смотрич. Венгерские беженцы то и дело пересекали реку по основам взорванного при отступлении моста и торговали припасенными сигаретами, чтобы обеспечить себе хоть какое-то пропитание.

Психология зла — 6

— Еккельн больше всего на свете любил порядок (в чем мы еще убедимся из дальнейшего повествования) и готов был ради него пожертвовать чужими жизнями. Насколько такое объяснение кровавой бойни справедливо?

— Да, Еккельн мог испытывать раздражение из-за нарушений установленных правил и считать их достаточным основанием для убийства. Словно разбойник Прокруст, обрубавший жертвам ноги по длине своего ложа. Аккуратность и любовь к порядку иногда приобретает болезненный характер, что свойственно патологическим педантам — ананкастам, их легко вывести из себя. Разумеется, это лишь повод (не причина). Накладываясь на общее отношение к евреям, смыкаясь с антисемитской установкой, он еще больше убеждал Еккельна в том, что евреи недостойны жить.

«Укладка сардин»

…Еккельн лично сделал необходимые приготовления, сам выбрал место за городом, куда пригнали жертв — как беженцев из Венгрии, так и местных евреев. Исполнителями акции Еккельн назначил свою штабную роту и 320-й полицейский батальон. В оцепление поставил силы украинской полиции вместе с подразделениями немецкой и венгерской армий — работы хватило всем.

Одним из первых эсэсовских начальников он стал оказывать давление на командиров полицейских батальонов и вермахта, привлекая их к зачистке мира от евреев. Какое-то время в Каменце-Подольском расстреливала только штабная рота. Затем для ускорения Еккельн приказал назначить стрелками солдат полицейского батальона, из-за чего у него был обмен резкостями с его командиром майором Даллом, не пожелавшим, чтобы подчиненные выполняли палаческие обязанности. Чем закончилась перепалка, неизвестно — скорее всего, кому-то из полицейских все же пришлось участвовать в расстреле.

Акция в Каменце-Подольском была не только самой массовой (на тот момент). Она отличалась от предшествующих еще одним — до нее расстреливали только евреев-мужчин, а тут вместе с ними убивали женщин и детей. После войны участвовавшие в бойне эсэсовцы давали показания об инструкциях Еккельна: убивать надо всех евреев — женщин, стариков, детей — и как можно больше.

«Отныне наши действия распространяются на все еврейское население. Без исключений». Когда Блобель в романе Лителла передал офицерам айнзатцкоманды приказ Еккельна, «присутствующие оцепенели; затем разом заговорили… Кальсен негодовал: „Штандартенфюрер, многие из нас женаты, у нас дети. Нельзя требовать от нас такого“. — „Господа, — Блобель говорил тихо, но решительно, — речь идет о приказе нашего фюрера, Адольфа Гитлера. Мы национал-социалисты и служим в СС, и мы подчинимся… Вы должны противостоять искушению проявить человечность“».

В ходе каменец-подольской казни, вероятно, впервые применялся излюбленный метод Еккельна, названный им «укладкой сардин»: слой за слоем жертвы ложились в яму лицом вниз, после чего их убивали выстрелом в затылок.

Сохранилось свидетельство одного из членов штаба Еккельна — обершарфюрера СС Германа Крюгера: «Мне, Люшену, Ведекинду и неизвестному мне полицейскому Еккельн приказал

сойти в яму. К нам постоянно направляли евреев. Часть из них должны были лечь, а других убивали выстрелом в затылок в стоячем положении. Это были мужчины, женщины и дети, но я расстреливал только мужчин. Никаких задержек не было. Я часто вылезал из ямы, так как мои нервы больше не выдерживали, и пытался уклониться. Однако мне снова и снова приказывали возвращаться в яму. В общей сложности я там стрелял один или два часа. Потом мы были заменены полицейской командой. Если меня спросят, сколько евреев я застрелил за это время, я не смогу точно сказать. Возможно, 50 или 100. Я не знаю… В первый день казнь продолжалась с 10 часов утра до 16 часов пополудни. Вечером я и мои товарищи были крайне разбиты и полностью нервно истощены… На следующий день казнь снова началась в 10 часов».

Они еще жаловались! Им, видите ли, было нелегко. «Если кто и достоин сострадания, так это мы, исполнители, — говорил в Нюрнберге фон дем Бах, тот, кто лечился от психического расстройства, вызванного участием в массовых расправах. — Психологически нам было гораздо тяжелее, чем тем, кого мы выводили на расстрел».

«Больной человек»

Сам Еккельн трижды был там, на «Пороховых складах». По свидетельствам соучастников, он пускал по кругу бутылки с водкой и науськивал стрелков. Показывая на хорошо одетого мужчину в толпе жертв, говорил: «Это типичный еврей, который должен быть уничтожен, чтобы мы, немцы, могли жить».

Как высший чин, он не обязан был там быть. И тем не менее постоянно находился «на переднем крае» и сам стремился все организовать и скоординировать. Присутствие начальства мобилизует солдат и офицеров…

В мирное время садистов осаживают, а времена переломов — для них раздолье. Однако Еккельн не признавал себя садистом: «В принципе я был против любых садистских действий» — так он ответит в суде на вопрос прокурора.

Получается, убийство для него — чисто управленческая задача. Примерно в том же уверял журналистку Гитту Серени бывший комендант Собибора и Треблинки Франц Штангль, у которого она взяла интервью в тюрьме в 1970 году. Он не испытывал особой ненависти к евреям и не был тем, кто получает удовольствие при виде страданий других людей. Однако он посвятил себя этой работе с жестокой неукоснительностью. Такая вот служебная мораль.

И все-таки всего этим не объяснишь. Всех так учили, все хотели сделать карьеру. Но эти — проявляли особую активность и не просто стали первыми учениками, а по жестокости давно превзошли своих учителей.

Жестокость Еккельна была настолько широко известна, что многие сомневались в его психическом здоровье. «Всеобщее мнение: Еккельн — больной человек», — говорил следователю Дегенхардт. Он также привел слова «авторитетного доктора Штайнхойзера»: тот считал, что Еккельн страдал прогрессивным параличом и что врожденный порок развития мозга у его младшего сына — тому подтверждение.

Психология зла — 7

Из Википедии можно узнать, что прогрессивный паралич, или болезнь Бейля, — «психоорганическое заболевание сифилитического происхождения. Характерно изменение личности с утратой свойственных больному этических норм поведения, теряются такт, чувство стыдливости, снижается критика к своему поведению… На фоне эйфоричного настроения у них эпизодически могут возникать кратковременные вспышки гнева, сменяющиеся „царским“ благодушием». Вроде все сходится.

— Так вот в чем дело? — спросил я у Сергея Ениколопова. Ответ психолога меня разочаровал.

— Сейчас не ставят такой диагноз. Это 100 лет назад он был популярен. Ну, примерно как у нас в советское время, не разбираясь, широко диагностировали вялотекущую шизофрению. Но даже если у Еккельна и были психические отклонения, агрессивность — это скорее черта характера.

— Но что за люди, не дожидаясь приказов из Центра, брали на себя такую инициативу? Больные? Садисты? Много ли среди людей таких — способных легко убивать?

— Садизм очень трудно диагностировать и исследовать. В отчетах и мемуарах преступники обычно не пишут, что причинение другим вреда было для них источником радости. Садизм совпадает с враждебной агрессией — поведением, возникающим из чувства гнева по отношению к врагу. Сколько их? Могу сказать, что это всегда меньшинство. Исследования показывают, что 5–6 % насильственных преступников находили удовольствие в страданиях жертвы и получали от этого удовлетворение. С большей вероятностью убийцами становятся психопаты с посттравматическим синдромом — прошедшие войну, к примеру. Они ищут пути выхода агрессии.

Стало быть, нельзя сказать, что Еккельн был обыкновенным садистом. Да ведь и комендант Освенцима Рудольф Хёсс не был садистом, просто делал то, чего сам ждал от своих людей, — следовал приказам фюрера, поэтому должен был вести за собой, не проявлять слабость, быть положительным примером для подчиненных. К тому же, как он пишет в автобиографии, «основы программы уничтожения евреев казались мне верными».

Обычные убийцы

Это начальники. А рядовые? Этих рядовых было совсем немало — речь идет примерно о 50 тысячах немцев, убивших миллион (!) человек. Непосредственно в казнях принимали участие примерно 2 тысячи эсэсовских офицеров и до 50 тысяч карателей из резервных полицейских батальонов и Ваффен-СС. Бороться с чувством вины помогала идеология. «Интеллектуальные палачи прятались под дымовой завесой этики и идеализма. Менее образованные воспринимали идеологию на личностном уровне, обрушивая свой гнев на жертву» (Майкл Манн). Это ведь евреи, как вещал Гитлер, развязали войну.

После войны они объясняли свои действия тем, что у них не было выбора — выполняли приказ. Но, насколько мне известно, западногерманская прокуратура после изучения множества документов не смогла найти ни единого случая, когда отказ исполнять приказ поставил под угрозу жизнь и здоровье получившего такой приказ. Это обстоятельство стало частым аргументом обвинения в судах. Ни на одном судебном процессе ни один обвиняемый не смог привести доказательств, что за отказ убивать безоружных людей его действительно ожидало суровое наказание. И не только полицейским оно не грозило. Даже в айнзатцкомандах, бывало, кто-то отказывался убивать женщин и детей — их, как правило, без особых последствий возвращали в свое ведомство.

По самым скромным оценкам, личный состав 101-го Резервного полицейского батальона участвовал в расстреле 38 тысяч человек. «Обычные мужчины» — напомню, так называется книга, откуда взята эта цифра. Они были обычными жителями Гамбурга, отцами семейств пролетарского или мелкобуржуазного происхождения: 63 % — из рабочих, в основном неквалифицированных, прекративших свое образование в 14–15 лет после окончания народной школы; 35 % — из среднего класса, практически все — наемные работники, три четверти в сфере продаж, четверть — на государственной службе. Средний возраст — 39 лет. Единственное, что отличало их от среднестатистического немца, — высокий процент членов НСДАП среди низшего состава батальона (25 %). При этом почти никто из них до этого не принимал участия в боях, их злодейства нельзя списать на ожесточение солдат, переживших ужасы войны.

13 июля 1942 года батальон был брошен на расстрел 1,5 тысячи евреев. 12 человек отказались от выполнения задания и отошли в сторону, сдав оружие. Чем они спустя годы

мотивировали свой отказ? Один, в прошлом коммунист, был против национал-социализма как такового. Другой, садовник из Гамбурга, был против антисемитизма, так как из-за истребления евреев потерял львиную долю клиентов. Иные были заражены антисемитской пропагандой, как и большая часть немцев, но стрелять рука все же не поднялась.

Остальные, укладывая жертв лицом вниз, расстреливали группу за группой вплоть до наступления темноты. Разумеется, с перерывом на обед. Отказавшиеся от участия в расстреле наказаны не были.

Психология зла — 8

При каких обстоятельствах люди, которых никак нельзя назвать садистами, поддерживают зло? На этот раз в поисках ответов попробую обратиться не к психологии, а к философии, ведь философия, по Бердяеву, — не что иное, как искусство понимания.

В книге, которая так и называется — «Философия зла», Ларс Свендсен приводит пять его, зла, составляющих.

1. Формирование образа врага. При его наличии один и тот же поступок — убийство людей, например, — можно преподнести по-разному.

2. Дистанцирование, то есть создание по возможности большей дистанции между собственными действиями — скажем, принятием решений где-то в конторе — и людьми, которые страдают в результате осуществления этих действий.

3. Разделение труда: каждый субъект выполняет лишь небольшую часть работы, никто не чувствует ответственности. Полицейский арестовывает евреев, железнодорожник организует перевозку, охранник ведет заключенных в газовые камеры.

4. Наращивание: резкого изменения в системе ценностей не происходит, она меняется постепенно. Так за относительно короткий срок можно прийти к новой системе ценностей, которая будет кардинально отличаться от той, что была изначально.

5. Социализация: человек помещается в общество, в котором определенные поступки, обычно осуждаемые, в один миг становятся нормой.

Почему?

Почему их было только 12 из 500? Тех, кто не стрелял. Кристофер Браунинг полагает, что поведением большинства руководил конформизм, стремление не выделяться из группы. Отказаться от задания — значило выделиться, показать себя трусом.

Для понимания их поведения, по мнению Браунинга, лучше всего подходит эксперимент Филиппа Зимбардо. Напомню: группу, состоящую из 24 молодых мужчин, поделили случайным образом на «заключенных» и «охранников». Безо всякого предупреждения «заключенные» были арестованы настоящими полицейскими, участвовавшими в этой стадии эксперимента, у них взяли отпечатки пальцев и привезли в условную тюрьму, «обвинив» в вооруженном ограблении. Однако эксперимент быстро вышел из-под контроля и, будучи рассчитанным на две недели, через шесть дней был прекращен. Что же случилось? Несколько охранников проявили себя как садисты, особенно ночью, когда им казалось, что видеокамеры выключены.

Треть выборки Зимбардо показала себя жестокими тюремщиками, средняя группа — «жесткими, но справедливыми»: они придерживались правил игры и не свирепствовали над «заключенными». И только два человека (20 %) оказались «хорошими тюремщиками», которые не наказывали «заключенных», а по возможности помогали им. Структура, сформировавшаяся в 101-м резервном батальоне, аналогична: ядро батальона — те, кто добровольно вызывался участвовать в «охоте на евреев», большинство полицейских исполняли приказы, но не искали возможности убивать, и только маленькая группа отказалась от участия в расстрелах.

Поведение целого батальона… Если почти 500 обычных горожан враз смогли стать убийцами, то для какой группы людей можно исключить такую возможность? Любой коллектив оказывает давление на поведение входящего в него индивида — везде люди стремятся сделать карьеру, в любом обществе есть шовинистические настроения…

Ну хорошо, поначалу они не могли знать, что наказание за отказ выполнять жуткие задания не будет суровым. И тот, кто следовал приказу убивать женщин, детей и стариков, пребывал в полной уверенности, что у него нет выбора. Ну а потом, когда выяснилось, что отказ ненаказуем? А потом появилась… привычка. Обычные убийцы признавались, что вначале испытывали сильный физический и эмоциональный стресс, но с

каждым следующим убийством напряжение отпускало, а жертвы перестали казаться людьми и стали восприниматься какой-то однородной массой.

«…У меня нет склонности убивать беззащитных людей, пусть даже и евреев», — писал в своем дневнике австриец из айнзатцкоманды, а до того гестаповец из Вены Феликс Ландау. В дневнике он постоянно обращается к возлюбленной. Описывает очередной расстрел — и без перехода: «А пока спокойной ночи, зайка моя». Запись от 12 июля 1941 года: «Удивительно, но меня это совершенно перестало трогать. Я не чувствую жалости, вообще ничего не чувствую».

Психология зла — 9

— «Укладка сардин» — это очень рационально. Как насильнику удается купировать эмоции, совершая зло?

— С точки зрения жертвы чудовищность преступления является центральной проблемой — поскольку собственное страдание невозможно игнорировать. Но для насильника жертвы — не люди, они для него ничто. Особенно в случае так называемого «культурного насилия». Это когда благодаря идеологии прямое и структурное насилие начинает восприниматься как справедливое или по крайней мере не дурное дело. Ведь насилие в ряде случаев легитимируется — например, если убивать ради себя — преступление, то убивать во имя страны или нации — геройство. Преступник почти всегда в момент совершения преступления считает свои действия справедливыми. То, что у нормального человека вызывает ужас и отторжение, у этих — холодная констатация. Насильники не переносят на себя боль жертв.

— Как такое вообще возможно — убивать беззащитных?

— Это результат идеологической манипуляции сознанием: какая-то группа людей объявляется виновной в каком-то запредельном зле, поэтому любое насилие над ними выглядит справедливой расплатой за все плохое, что они сделали.

Глава 9
От Бердичева до Бабьего Яра

«Еврейская столица» — так антисемиты называли Бердичев. До войны там жили 30 тысяч евреев — половина всего населения города. Треть из них успела эвакуироваться до оккупации. Остальных загнали в гетто.

Еккельн приехал в Бердичев, свою временную резиденцию, 26 августа. Спустя четыре дня по его приказу из гетто вывели 3 тысячи человек. Молодых, полных сил. Они прошли по пыльному городу, беспечные, уверенные, что идут на работу. Горожане, провожая их взглядами, тоже не подозревали, что происходит.

«Немцы и предатели-полицейские предложили 1500 молодых людей отправиться на сельскохозяйственные работы, — рассказывал со слов очевидцев Василий Гроссман в „Черной книге“. — …Палачи умело подготовили казнь, настолько тонко, что никто из обреченных до самых последних минут не подозревал о готовящемся убийстве. Им подробно объяснили, где они будут работать, как их разобьют на группы, когда и где им выдадут лопаты и прочие орудия труда. Им даже намекнули, что по окончании работ каждому будет разрешено взять немного картошки для стариков, оставшихся в гетто. И те, кто остался в гетто, так и не узнали в недолгие оставшиеся им дни жизни судьбу, постигшую молодых людей. „Где ваш сын?“ — спрашивали у того или другого старика. „Пошел копать картошку“, — был общий ответ стариков…»

Так ликвидировали молодежь, способную оказать сопротивление. Расстрел состоялся в присутствии не только Еккельна, но и его старого друга Курта Далюге.

1 сентября за обедом с новоназначенным начальством полиции порядка на Украине Еккельн хвастался успехами и раздавал инструкции на будущее: к полицейским батальонам для использования в акциях обращаться устно, следов не оставлять…

«Большая акция»

15 сентября расстреляли оставшихся в гетто женщин, стариков и детей. Убивала «штабная рота» Еккельна — ну и полицейские, конечно.

Читаем дальше Гроссмана. «Картина этого движения тысячных толп женщин, детей, старух, стариков на казнь была столь ужасна, что и поныне очевидцы, рассказывая и вспоминая, бледнеют и плачут. Жена священника Гурина, живущая с мужем в доме, расположенном на той улице, по которой гнали на казнь, увидев эти тысячи женщин и детей, взывавших о помощи, узнав среди них десятки знакомых, помешалась и в течение нескольких месяцев находилась в состоянии душевного потрясения.

Но одновременно находились темные преступные люди, извлекавшие материальные выгоды из великого несчастья, жадные до наживы, готовые обогатиться за счет невинных жертв. Полицейские, члены их семей, любовницы немецких солдат бросались в опустевшие квартиры грабить. На глазах живых мертвецов тащили они платья, подушки, перины; некоторые проходили сквозь оцепление и снимали платки, вязаные шерстяные кофточки с женщин и девушек, ждущих казни.

Весь день длилось это чудовищное избиение невинных и беспомощных, весь день лилась кровь. Ямы были полны крови, глинистая почва не впитывала ее, кровь выступала за края, огромными лужами стояла на земле, текла ручейками, скапливалась в низменных местах. Раненые, падая в ямы, гибли не от выстрелов эсэсовцев, а, захлебываясь, тонули в крови, наполнявшей ямы. Сапоги палачей промокли от крови.

Старики громко молились, не теряя веру в бога даже в эти страшные часы, отмеченные властью дьявола. В этот день, 15 сентября 1941 года, на поле, вблизи бердичевского аэродрома, были убиты 12 тысяч человек. Подавляющее большинство убитых — это женщины, девушки, дети, старухи и старики».

Эстафета смерти

От «еврейской столицы» эстафета смерти двинулась дальше: 19 сентября 45-й полицейский батальон провел «большую акцию» в Виннице. Полегло 10 тысяч человек. Как и в Бердичеве, сначала 13 сентября расстреляли молодежь — около тысячи человек.

Затем — Днепропетровск. «Из приблизительно 100 тысяч евреев, живших в Днепропетровске, — отмечается в „Донесении о событиях в СССР“ № 135 от 19 ноября 1941 года, — примерно 70 тысяч бежали перед вступлением в город немецких войск. Из оставшихся 30 тысяч приблизительно 10 тысяч были расстреляны 13.10.1941 командой высшего фюрера СС и полиции».

2 октября из Житомира, где у него была резиденция, в Бердичев прилетел Гиммлер, и они вместе с Еккельном отправились по местам расстрелов. Затем высокого гостя повезли на экскурсию в Киев, который гитлеровские историки объявили древнегерманским городом Кирофо. Осмотрев Бабий Яр (спустя неделю после того, что там сотворили), Гиммлер высказал Еккельну новые замечания. Методы проведения акций, по мнению Гиммлера, стоило усовершенствовать. Но результат его все-таки впечатлил — цифры были внушительные.

Никто не хотел убивать?

Тонули в крови дети, и при этом они видели себя порядочными людьми, исполнявшими нечеловечески тяжелую, но необходимую человечеству работу. Делали большое дело, избавляли мир от паразитов… Не следует недооценивать человеческую способность к самооправданию — к построению рационализаций, которые должны выставить самое чудовищное зло как что-то достойное, даже жертвенное со стороны убийц, что-то, что надо «выдержать до конца и остаться при этом порядочными людьми». И никакого осознания собственной ответственности за происходящее. Как внушал им Гиммлер, ответственность лежала не на них, а на нем, ну еще на фюрере.

«Я получил приказ и должен был его исполнить — это уже слова Рудольфа Хёсса. — Надо уничтожать евреев или нет — я не смел рассуждать об этом самостоятельно, ведь я не мог знать всего». Насчет «незнания всего» — еще одно придуманное себе оправдание.

Вероятно, не все хотели быть палачами. Были и те, кто возражал Гиммлеру. Но речь шла исключительно о несогласии с методами.

Штреккенбах в своих показаниях на следствии всячески открещивался от причастности к карателям. Больше того, объяснял свой уход с высокой должности в войска СС расхождениями с линией партии. Правда, это случилось спустя целый год после начала деятельности айнзатцкоманд, когда смертоносная эстафета была передана выстроенным за это время лагерям смерти.

В июле 1942-го Штреккенбах встретился с Гиммлером в его резиденции в Житомире. На этой встрече он якобы сказал рейхсфюреру, что «для разрешения еврейского вопроса было достаточно Нюрнбергских законов, пусть на то и потребовалось бы около 50 лет». И будто бы привел целое обоснование своего отличного от партии мнения: «Если нас не удерживает от использования средневековых методов достигнутая нами культура и цивилизация, то по крайней мере этому должно воспрепятствовать наше благоразумие, так как нет смысла в ликвидации небольшой части евреев, пока в остальном мире их большое количество, и они имеют достаточный авторитет, чтобы повлиять на общественное мнение».

Его аргументы (если они в самом деле были высказаны) не возымели действия. «После этого Гиммлер был со мною особенно резок и заявил мне: эти решения имеют историческое значение,

которого мне не понять. Кроме того, я слишком мягок, чтобы понять эту жестокость… Гиммлер отпустил меня очень немилостиво. С этого момента я больше не был у него на докладе».

Правда, другой пленный эсэсовский генерал — Фридрих Панцингер, тоже находясь в советской тюрьме, в своих показаниях опровергал коллегу. По его словам, причинами ухода Штреккенбаха не были политические разногласия с Гиммлером, иначе он так быстро не продвинулся бы до командира дивизии. И в самом деле, перейдя на службу в войска СС 31 декабря 1942 года в звании обер-лейтенанта, после трехмесячной подготовки в танковой школе в Вюнсдорфе весной 1943 года он стал командиром противотанкового дивизиона СС, а спустя еще три месяца уже в генеральском чине командовал кавалерийской дивизией СС.

Да и прошлое Штрекенбаха заставляет сомневаться в его либерализме. Еще до войны за начальником гамбургского гестапо закрепилась репутация человека безжалостного. В 1939 году он на какое-то время возглавил айнзатцгруппу, орудовавшую в Польше. Там его подчиненные живьем сожгли группу евреев в здании синагоги в городке Дынув.

Справедливости ради скажу, что были среди немецких офицеров и те немногие, кто по-настоящему не был согласен с творившимся ужасом. Назову капитана вермахта Вильма Хозенфельда, ставшего прототипом героя фильма Романа Полански «Пианист». Ровесник Еккельна, он тоже был участником Первой мировой, тоже награжден Железным крестом, тоже приветствовал приход Гитлера к власти и вступил в НСДАП. Вот только в письмах с фронта жене (как и у Еккельна, по имени Аннемари) писал совсем другое: «Я чувствую, что ношу форму преступников». И в своем дневнике: «Мы навлекли на себя вечное проклятие, и мы будем вечно покрыты позором… у каждого из нас есть доля вины». Он спасал евреев из концлагерей, прятал их под чужими именами на руководимом им стадионе в Варшаве, доставал поддельные документы. Осенью 1944-го он наткнулся в заброшенном доме в гетто на умиравшего от голода еврея, оказавшегося популярным в предвоенной Польше пианистом Владиславом Шпильманом. Хозенфельд спрятал его и тайком приносил еду и зимнюю одежду — до тех пор, пока немцы не покинули город.

В январе 1945 года попал в советский плен, получил свои пять лет лагерей. Жена отыскала спасенных им евреев, они, в том числе и Шпильман, узнавший имя своего спасителя, написали письмо советским властям в его защиту — не помогло. В 1952

году, после семи лет заключения, Хозенфельд был найден лагерной охраной мертвым. В отличие от «несогласного» Штреккенбаха, умершего в своей постели четверть века спустя, похоронен в братской могиле.

Глава 10
Дорога без возврата

«Над Бабьим Яром памятников нет. Крутой обрыв, как грубое надгробье». В 1961 году, когда Евгений Евтушенко писал эти крамольные строки, памятников убитым киевским евреям и вправду не было. За 20 лет с момента трагедии никто не удосужился его поставить. Еще 15 лет понадобилось, чтобы возвести монумент — не евреям, конечно, это слово было непроизносимым — «расстрелянным советским гражданам».

Никто не хотел вспоминать об объявлениях на листках серой оберточной бумаги, расклеенных по всему городу: «Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской (возле кладбищ)». И о том, как в тот несчастный день, холодный и дождливый, с утра через весь город в сторону кладбищ тянулись люди с чемоданами, узлами и колясками, со скарбом на спине.

Число убитых составило 33 771 человек. И это только за два дня — 29 и 30 сентября, а ведь евреев продолжали убивать и после — тех, кто спрятался. Всего две недели понадобились оккупантам, чтобы всех выявить, — добровольных помощников среди киевлян хватало.

В этом проклятом месте убивали еще целых два года. Каждое новое убийство — подпольщиков ли, партизан, военнопленных — так или иначе «мотивировалось». Евреев же, как когда-то отметил Виктор Некрасов, убивали только за то, что они были евреями.

Вот уже 75 лет минуло. Над Бабьим Яром поднялись новые памятники, среди них и еврейская менора, и кресты в память погибших православных священников, и даже украинских националистов, вообще-то Холокост поддержавших, — такова уж в сопредельной стране новая политкорректность.

А вот самого Бабьего Яра давно нет. Над ним лежат наслоения песка и отходы расположенного по соседству кирпичного завода. После войны овраг перегородили земляным валом. В 1961 году дамбу снесло, образовавшийся селевой поток оставил под собой соседний район, вновь на том же месте погибли люди. Позже овраг засыпали вновь.

Эти слои песка и земли никуда не денешь. Но почему бы не попробовать снять наслоения лжи с истории злодеяния? Скажете, все давно известно? Как бы не так, вокруг Бабьего Яра лежат завалы чудовищной лжи.

Странная игра

Через пять дней после взятия немцами Киева, 24 сентября 1941 года, в два часа дня прогремел мощный взрыв в помещении «Детского мира» на углу Крещатика и Прорезной. Туда население города — вначале согласно постановлению Совнаркома от 25 июня 1941 года, потом по приказу оккупационной власти — сдавало радиоприемники. От детонации сработало взрывное устройство в соседнем здании — гостинице «Спартак», где размещалась немецкая комендатура. Жертвами взрывов оказались около 300 немцев, количество погибших киевлян никто не подсчитывал. В тот день было ветрено, и пожар быстро распространился по городу. От большей части Крещатика — одной из красивейших улиц предвоенной Восточной Европы — остались руины. От его символа, здания Городской думы со шпилем, когда-то увенчанным скульптурным изображением покровителя Киева архистратига Михаила, замененным в советское время пятиконечной звездой, сохранились лишь стены. В ответ на диверсию оккупационные власти немедленно приступили к подготовке массового убийства.

«Комендант Киева сначала подозревал саботаж со стороны населения, пока мы не захватили план подрыва, — рассказывал 4 июня 1946 года на Нюрнбергском процессе начальник оперативного штаба вермахта генерал-полковник Альфред Йодль. — Этот план подрыва, включавший 50 или 60 объектов Киева, которые уже давно были подготовлены к взрыву, как немедленно показало расследование саперов, был правильным… Оригинальный план подрыва я лично держал в руках». Известно, что уже после массового убийства 17 октября 1941 года во время телефонного разговора Гиммлера с начальником гестапо Мюллером речь шла и об обнаруженном плане. В тот же день Гиммлер направил Еккельну радиограмму с указанием явиться с планом минирования города к рейхскомиссару Украины. Вероятно, Йодлю этот план передал Гиммлер, а тому — Еккельн.

Может, комендант Киева генерал Эберхардт заодно с Еккельном и подозревали население, но обвинили в саботаже одну только его часть — евреев. Каких таких евреев — оставшихся в городе стариков, женщин и детей? Казалось бы, при чем тут евреи? Но при всей нелепости обвинения расчет был точен, для берлинских чинов оно могло выглядеть убедительно. Ну, как же: всем известно, из-за чего немцы проиграли Первую мировую — из-за еврейского саботажа, конечно. И другое известно: евреи и коммунисты — одно и то же. Порой и те, кто

сочинял, сами начинали верить в собственные выдумки.

Два пишем, три на ум пошло — еврейская версия подрыва Крещатика была выгодна не только армейскому, но и полицейскому руководству, то есть Еккельну. Как иначе снять с себя ответственность за промахи своих разведслужб, за размещение штабов в непроверенных зданиях, да и просто изобразить активность в ответ на диверсию? А к моменту обнаружения плана минирования Киева вопрос о правдоподобии поклепа уже никого не волновал.

До сих пор точно не известно, кто и как заложил взрывчатку и привел ее в действие. В исторической литературе есть лишь невнятные упоминания о действовавших на Юго-Западном фронте 80 саперах-минерах особого назначения, которыми командовал полковник Старинов, 50 из которых что-то делали перед отступлением в Киеве. Советская пропаганда и во время войны, и после изображала взрыв Крещатика как очередное варварство фашистов.

Понятно, когда отступающая армия взрывает мосты, заводы, арсеналы. В Киеве же взрывали мирный квартал, сердце города с жилыми домами, магазинами, гостиницами и театрами. А почему бы нет? Не случайно в первый военный год столь часто поминали Кутузова и московский пожар 1812 года. При сносе в середине нулевых старого здания гостиницы «Москва» в подвале обнаружили забытые запасы взрывчатки (больше тонны тротила), оставленные в 1941-м на случай сдачи столицы. Как и в Киеве, их могли взорвать с помощью радиомин.

Советская власть не только приписала взрывы немцам, но и в отношении жертв трагедии совершила незаметный подлог, заменив рукой Молотова евреев на мирных советских граждан в «Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях и зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Киеве».

Странная игра двух пропагандистских аппаратов: немецкий — отождествлял советскую власть с евреями, советский — будто демонстративно показывал, что их судьба ее нисколько не волнует. Почему так поступали нацисты, понятно: так они притворялись, что воюют не с русским или украинским народом, а с евреями, якобы захватившими над ними власть. Но в чем смысл советских умолчаний?

«Большевики упорно обходили молчанием наши операции: в своих радиосводках они… ни разу не упомянули евреев. „Непонятно, — добавил Геннике, — если действительно евреи имеют такое влияние в Коммунистической партии, им бы следовало прилагать больше усилий ради своих единоверцев“. —

„Они хитрые, — возразил доктор фон Шевен, офицер айнзатцгруппы. — Если бы они открыто покровительствовали своим, то оказали бы услугу нашей пропаганде, что совершенно не в их интересах… Они приносят в жертву братьев своих меньших, чтобы сохранить власть“. — „Вы, бесспорно, правы“, — согласился Геннике. Я улыбнулся про себя, с горечью подумав, что мы, как в Средневековье, выстраивали силлогизмы, умозаключения, подтверждающие друг друга. И полученные выводы вели нас по дороге без возврата».

В приведенной цитате из романа «Благоволительницы» Джона Лителла реконструирован ход мысли эсэсовских офицеров — соучастников Бабьего Яра. Они повторяют пропагандистские клише и тем самым доводят их до абсурда, понятного даже им самим.

А ведь и в самом деле советская власть страшно боялась оказать услугу немецкой пропаганде. Ведь на другой стороне фронта изображение СССР как «иудейско-коммунистического царства» могло найти живой отклик. И, похоже, находило — на поверхность вышел бытовой антисемитизм, замешенный на антисоветских настроениях людей, пострадавших от советской власти. «Антисемитизм сделал своим правилом изобличать ассимилированную часть еврейства в тайных национальных и религиозных устремлениях, а органическую часть еврейства, занимающуюся ремеслами, физическим трудом, делать ответственной за тех, кто участвует в революции», — писал в романе «Жизнь и судьба» Василий Гроссман.

Другим народам, тем же славянам, нацизм сулил неважные перспективы, но евреи подлежали тотальному уничтожению. И хотя Красная армия евреев от него спасла, советской власти меньше всего хотелось предстать в роли их защитников, чтобы «суеверные и голодные» не заподозрили ее в симпатии к тем, кого молва приписывала ей как своих.

История Бабьего Яра — не только о насилии, она еще и о лжи, об этой дороге без возврата. Ибо, как писал Солженицын, насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием.

Кому выгодно?

Ходили слухи о евреях-поджигателях с канистрами наперевес, которых, правда, никто не видел. Для простодушных все это звучало вполне убедительно, так как ложилось на подготовленную антисемитской пропагандой почву. «В Киеве… взрывы мин происходят один за другим. Город горит уже восемь дней, все это дело рук евреев», — 28 сентября 1941 года писал домой из Киева ефрейтор 296-й пехотной дивизии. Но и здравомыслящие еще оставались. Начальник разведотдела 6-й армии майор Рудольф Пальтцо 27 июля 1965 года на допросе признался: «Я считаю неправдоподобным, что евреи устроили этот пожар».

Оберштурмфюрер СС Август Хефнер, возглавлявший передовой отряд зондеркоманды 4а, в послевоенных показаниях описал свою встречу с генерал-майором Куртом Эберхардом, случившуюся примерно на второй или третий день пожара в Киеве: «Он кратко заявил мне о саботаже со стороны евреев и сказал, что отдал приказ немедленно публично повесить примерно 60 евреев, что в настоящее время происходит… Имею ли я полномочия расстрелять евреев, спросил он меня затем. В соответствии с правдой я дал утвердительный ответ на вопрос».

Затем между ними разгорелся спор о том, кто именно будет убивать евреев. Хефнер уверял, что не в состоянии технически это сделать из-за того, что у него мало людей, тогда как у него самого есть два батальона. «На это Эберхардт заявил, что согласно приказу „Барбаросса“ он все необходимое должен делать и сделает, но расстреливать должна согласно категорическому приказу оперативная команда. Он велит собрать евреев, выкопать ямы, даст боеприпасы, поставит караул у моих зданий и т. д. Если же я не начну немедленно выполнять приказ, он предаст меня военно-полевому суду». Чувствуется, что Эберхард, до войны видный эсэсовец, говорил со знанием дела.

Перелистывая тысячу с лишним страниц материалов людвигсбургского расследования, я наткнулся на показания Оскара Криста, связного боевой группы полковника Юлиуса Коретти. На следующий день после взрывов на Крещатике Крист получил приказ встретить в аэропорту «какого-то генерала СС». Это был Еккельн. Еккельн приказал доставить его к «однорукому генералу» — Курту Эберхарду, военному коменданту Киева.

Эберхард стоял на улице перед горящим почтамтом. К нему подошел Еккельн, а Крист остался стоять поодаль, не выпуская из поля зрения двух генералов, поглощенных зрелищем. Мизансцена

привлекла внимание немецкого кинооператора, снимавшего киевскую хронику. Через некоторое время, отбыв в отпуск в Висбаден, Крист увидел эту сцену в кинотеатре, в новостном выпуске *Wochenschau*.

По-видимому, это было 25 сентября. В тот день полицейский полк «Юг» вместе с 45-м и 303-м полицейскими батальонами передислоцировался в Киев, туда же прибыла часть штаба Еккельна. 26 сентября, после прибытия в город основных сил СД и полиции, состоялось совещание с участием Курта Эберхарда, шефа айнзатцгруппы С бригадефюрера СС Отто Раша и командира зондеркоманды 4а штандартенфюрера СС Пауля Блобеля. На совещании обсуждались детали предстоящей «акции возмездия». Исполнителем был назначен Блобель.

Не известно, кому принадлежала ключевая роль в принятии рокового решения, кому первому пришла в голову мысль свалить свои промахи на «еврейский саботаж». Но 2 октября 1941 года, встречая в Киеве прибывшего с инспекцией Гиммлера, Еккельн доложил ему, что это он организовал самую крупную «еврейскую гросс-акцию».

Вероятно, приказ о массовых казнях был одобрен командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Рейхенау, важную роль в карьере которого сыграла его близость к нацистам. «Вермахт приветствует эти меры и просит о радикальных действиях», — докладывал в РСХА Отто Раш, начальник айнзатцгруппы С.

Долой сомнения

В следующие два дня перед акцией состоялись еще два совещания, 27 сентября — в узком кругу, 28-го — в широком.

На следующий день по всему городу были расклеены объявления на серой оберточной бумаге. Это было обращение к «жидам города Киева» на русском, украинском и немецком языках. «С помощью стенных объявлений еврейское население было призвано к переселению, — говорилось в донесении айнзатцгруппы С о событиях в СССР № 128 от 3 ноября 1941 года. — …Нашлось свыше 30 тысяч евреев, которые вследствие в высшей степени искусной организации до последнего момента перед казнью еще верили в свое переселение».

Метод, заключавшийся в том, чтобы призвать жертв к сотрудничеству, понудить их откликнуться на приглашение своих врагов, был изобретен Эйхманом. «Я сомневался в успехе этого маневра; позади был Луцк, и слухи об участи, ожидающей евреев, просочились через линию фронта; чем дальше мы продвигались на восток, тем меньше становилось евреев, теперь они бежали с Красной армией до нашего наступления» — так размышления эсэсовского офицера в преддверии Бабьего Яра реконструирует Лителл. С другой стороны, советская власть не считала нужным специально предупреждать евреев о том, что именно им угрожает на оккупированной территории.

Людей пришло больше, чем рассчитывали. Обнаружилась нехватка конвоиров для проведения их к месту казни.

Романы дают нам попытки заглянуть в головы тех, кто творит невероятные вещи. Документы лишь констатируют факты: «В Киеве, — говорится в „Донесении о событиях в СССР“ № 101 от 2 октября 1941 года, — зондеркоманда 4а в сотрудничестве со штабом группы и двумя командами полицейского полка „Юг“ 29 и 30.09.1941 казнила 33 771 еврея».

Нехватка персонала

Еккельн был повсюду, решая проблемы по мере их поступления. Не хватало расстрельщиков. Он позвонил командиру полицейского полка «Юг» Рене Розенбауэру и приказал 303-му полицейскому батальону принять участие в расстрелах. Командир батальона штурмбанфюрер Ганнибал отказался выполнять грязную работу, поэтому его солдат использовали для оцепления, за исключением тех 11, которые добровольно участвовали в расстрелах. Еккельн по телефону пожаловался на Ганнибала Розенбауэру и потребовал другое полицейское формирование. Розенбауэр исполнил, хотя и божился потом, что его подчиненные участвовали только в кордоне, отделяющем евреев от городской толпы.

Как правило, привычка к беспрекословному подчинению быстро разрешала подобные недоразумения. По справедливому замечанию историка Ивана Ковтуна, «нежелание офицеров участвовать в казнях было всего лишь минутной слабостью, которая мгновенно проходила, как только звучала команда встать в строй, и тогда уже никто ничего не говорил, а послушно нажимал на курок».

Насчет детей

Из показаний Рене Розенбауэра от 5 марта 1969 года: «Я еще припоминаю, что одна женщина из колонны подскочила к нам и сказала, что она не еврейка, ее ребенок во время игры с еврейскими детьми был забран вместе с ними, и она хотела бы найти своего ребенка. Один из эсэсовцев тогда сказал, что ребенок уже расстрелян. На это Еккельн сказал эсэсовцу, что женщину нужно увести. Я еще услышал, что он шепнул ему, что женщина должна быть расстреляна, чтобы она ничего не могла рассказать».

Еще недавно решения насчет детей не так легко принимались. За месяц до этого, в конце августа, в городе Белая Церковь зондеркоманда расстреляла евреев, после чего представители вермахта обнаружили в одном из домов 90 детей, от младенцев до пяти-шестилетних, которых охраняла украинская полиция. Их плач был слышен на соседних улицах. Оберштурмфюрер СС Август Хефнер после войны давал показания о том, как он «получил от Пауля Блобеля приказ расстрелять детей и возражал, что солдаты войск СС — молодые люди, как же они это сделают, когда у них у самих маленькие дети… Этот спор длился примерно 10 минут. Я предложил, чтобы детей расстреливала украинская полиция. Так и сделали».

Для расстрела киевских евреев 45-й батальон сформировал три экзекуционные команды, а зондеркоманда 4а — одну. Хотя состав менялся, можно предположить, что 45-й батальон расстрелял около 20 тысяч евреев, а зондеркоманда 4а — около 14 тысяч. Подчиненные Еккельна убили куда больше, нежели айнзатцкоманда. Насчет детей у них сомнений не было.

«Организация труда»

29–30 сентября 1941 года 45-й полицейский батальон вместе с украинской вспомогательной полицией конвоировал колонну.

Все происходило деловито, по рационализаторскому почину Еккельна. Место казни охранялось внешним и внутренним оцеплением, чтобы предотвратить побеги. По прибытии люди еще на улице должны были сдать багаж — только после этого они понимали, что их ждет. Затем они направлялись на сборные пункты, где сдавали деньги и ценности. Так как обыск занимал слишком много времени, жертвы сами «должны были раздеться и голыми идти в яму. Одежду обыскивали украинцы в поисках драгоценностей, которые должны быть сданы команде… Они шли в яму, ложились и были застрелены. В овраге находилось много людей с автоматами, которые производили казнь. По краям оврага стояли постовые, так что бежать было практически невозможно» (из показаний обершарфюрера зондеркоманды 4а Эрнста Конзее 28 февраля 1962 года).

Сопротивление бесполезно. Оставалось только уйти из жизни с достоинством. «Были расстреляны многие тысячи евреев. Все они шли на смерть спокойно. Не было криков и воплей» (из показаний 19 ноября 1965 года полицейского 9-го резервного полицейского батальона Антона Лауэра). «…Жертвы с удивительным самообладанием и спокойствием сходили в ров. Они должны были ложиться лицом вниз на трупы расстрелянных ранее, в то время как стрелки убивали в затылок целые семьи. В это невозможно поверить». Во все это и в самом деле невозможно поверить, но материалы подписанного 2 февраля 1970 года обвинительного заключения регенсбургской прокуратуры по «делу Розенбауэра, Бессера и Кройцера» не оставляют сомнений.

А вот еще цитата из этого документа: «…Спустя 8–14 дней после этих ужасных событий обвиняемые Розенбауэр, Бессер и Кройцер, а также другие члены подразделения приняли участие в товарищеской вечеринке в Киеве, которую устроил Еккельн для участников акции и которая преследовала цель настроить участвовавших в акции людей на другие мысли. Еккельн по этому поводу произнес речь, в которой он пытался оправдать массовые убийства и благодарил действующих лиц за содействие».

Банкеты смерти

«Мы тогда пили очень много шнапса — чтобы как следует выдержать все это отвратительное дело», — это вновь полицейский Лауэр.

Шнапс лился рекой, потому что был очень нужен. Чернорабочим смерти — чтобы делать свою «работу» и не помнить, в чем она заключалась. Бригадирам шнапс нужен был после «работы» — чтобы спать. А для тех, кому спать ничего не мешало, алкоголь становился наградой за тяжелую «работу». После криков детей без этого никуда.

Айнзатцгруппы принимали на грудь как до, так и после акций, алкоголь становился допингом, добавлявшим жестокости. А то и во время: в Каменце-Подольском некоторые «трудяги» утирали кровавые брызги, выпивали и с новыми силами возвращались к убийствам.

Их трудовые будни скрашивались новообретенными праздниками — появился обычай отмечать круглые числа, которых достигало количество убитых. Один из первых банкетов смерти состоялся 12 июля 1941 года в Белостоке после уничтожения гетто. То была пивная вечеринка. Вскоре это стало обычаем: на востоке в полицейских батальонах стали традиционными ежемесячные вечеринки с хорошей выпивкой и музыкой, часто после массовых экзекуций.

Когда в минской полиции безопасности кто-то сильно напивался, коллеги понимали, что произошло еще одно массовое убийство. Алкоголиком был ее начальник Эдуард Штраух.

Внутри Третьего рейха с алкоголиками и дегенератами велась нещадная борьба, тогда как на оккупированной территории пороки не просто прощались, а поощрялись. Во время войны производство алкоголя в Германии резко сократилось, но во многих регионах Восточной Европы, особенно в Белоруссии, в свободном доступе был самогон.

По инструкции Гиммлера, употребление горячительного полагалось участникам акций после массовых экзекуций. На практике же командиры сами решали, когда давать «спецрацион».

Думаю, каждому пьющему и даже изредка выпивающему мужчине известно радостное чувство предвкушения выпивки. Так что эта система облегчала последующие убийства, поскольку их участники начинали связывать акции с предвкушаемой коллективной пьянкой.

Алкоголь стал своего рода духовной скрепой. Он скреплял товарищеские узы убийц. Те же, кто отказывался пить,

сталкивались с давлением окружающих, их могли начать коллективно третировать.

Штандартенфюрер СС Пауль Блобель регулярно снимал напряжение после акций — «чтобы не чувствовать вину». А после Бабьего Яра и вовсе стал уходить в запои. В 1942 году по этой причине его отозвали с фронта.

Год спустя Блобелю поручили другую, не менее ответственную работу — секретную операцию по эксгумации и сожжению тел убитых евреев.

«В июне 1942 года группенфюрер Мюллер поручил мне уничтожить следы экзекуций, производившихся айнзатцгруппами на востоке, — давал показания Блобель на Нюрнбергском процессе. — …Этот приказ был совершенно секретным, и группенфюрер Мюллер дал указание, чтобы из-за строжайшей секретности по этому делу не велось никакой переписки… В августе 1943 года я лично наблюдал за сожжением тел в общей могиле под Киевом. Могила была около 55 метров длиной, 3 метра шириной и 2,5 метра глубиной. После того, как верхний слой был снят, трупы были политы горючим материалом и подожжены. Прошло около двух дней, пока могила прогорела до дна. Я лично удостоверился, что прогорело все, до самого дна. После этого могила была засыпана, и так почти все следы были заметены».

А вот как Лоран Бине живописует труды Блобеля на ниве смерти: «Надо сказать, мертвецы из Бабьего Яра не дают себя так уж легко забыть, земля, которой их засыпали, живая: комья ее прыгают вверх, как пробки от шампанского, она дымится, из-под нее вырываются пузырьки газа, образующегося при разложении тел. Запах ужасный. Блобель, разразившись идиотским смехом, объясняет своим гостям: „Вот они где — 30 тысяч моих евреев!“ — и широким жестом словно бы обнимает яр, похожий на огромный урчащий и булькающий живот. Если так будет продолжаться, мертвецы Бабьего Яра его доконают. Он уже на пределе, и он едет в Берлин, чтобы попросить лично Гейдриха перевести его в другое место».

Блобель еще успеет поработать с Еккельном в Риге (об этом позже) и будет приговорен к смертной казни американским военным судом по делу об айнзатцгруппах в том же Нюрнберге. Его повесят вместе с соратниками по массовым убийствам 7 июня 1951 года. Эберхарду тоже шнапс не поможет: 8 сентября 1947 года в Штутгарте, в американском плену, он покончит жизнь самоубийством.

Глава 11
Желание фюрера

«Я освобождаю Вас от должности высшего фюрера СС и полиции на юге России и назначаю высшим фюрером СС и полиции на севере России. За Вашу отличную деятельность я выражаю Вам свою сердечную благодарность и свое особое признание». Из распоряжения Гиммлера от 31 октября 1941 года.

«Отличная работа» выразилась в 150 тысячах трупов, которые оставили после себя подчиненные ему подразделения на Украине. Если к этому числу добавить 125 тысяч человек (в основном евреев), уничтоженных к моменту его перевода в Прибалтику айнзатцгруппами C и D, то общее количество жертв Еккельна вырастет до 275 тысяч человек. Перед отъездом Еккельн подготовил для своего преемника (их поменяли с Прютцманом) своеобразное наставление. Он советовал ему «проводить необходимые акции по военному обычаю в соответствии с инструкциями в устной форме». Его совет неукоснительно выполнялся, расстрелы евреев на Украине продолжились и после перевода Еккельна к новому месту службы.

На ночном допросе 14 декабря 1945 года следователь спрашивал, какие указания Еккельн получил на Принцальбрехтштрассе. Тот на вопрос не ответил, сказал лишь, что Гиммлер сообщил ему о назначении начальником сил СС и полиции Остланда.

— Известно, что вы получили и другие указания Гиммлера. Почему вы об этом умалчиваете?

— Гиммлер сказал, что работу в Остланде я должен поставить так, чтобы на всей территории Прибалтики и Белоруссии был полный покой, и что евреи, находящиеся в Остланде, должны быть уничтожены все до единого.

Забегая вперед, скажу, что с поставленной задачей Еккельн успешно справился. Когда 13 октября 1944 года в Ригу вошла Красная армия, в городе оставалось около двух сотен чудом спасшихся евреев.

Час Розенберга

«Розенберг, теперь настал ваш час!» — слова фюрера на совещании 16 июля 1941 года, где было объявлено о его назначении рейхсминистром оккупированных восточных территорий, Альфред Розенберг записал в дневник.

Оккупированная территория СССР делилась на две зоны. В первую входила полоса от линии фронта до тыловых границ групп армий. Во вторую — тыл оккупированной советской территории. Вся остальная занятая вермахтом зона, разделенная на имперские комиссариаты, была под властью гражданского управления.

Все эти земли и делили на июльском совещании у фюрера. Тогда же было принято решение о введении института рейхскомиссаров, подчиненных новому имперскому Министерству по делам оккупированных восточных территорий. Спорили — каждый из вождей рейха хотел продвинуть своего человека.

Но главный спор разгорелся у Розенберга с Гиммлером, считавшим его теоретиком и пустым мечтателем. Гиммлер внес предложение сделать высших фюреров СС и полиции постоянными заместителями рейхскомиссаров. «Предложение, — с гордостью записал в свой дневник Розенберг, — было вычеркнуто фюрером в соответствии с моим обоснованием».

Между ними и дальше, по словам Розенберга, продолжалось «недопонимание» и даже «стычки в связи с посягательствами Гиммлера, который любыми средствами пытается утолить присущую ему жажду власти, пусть и закулисной».

Тем не менее рейхсфюрер СС добился права через «высших фюреров» «отдавать директивы рейхскомиссарам по вопросам обеспечения политической безопасности». Так возникло своего рода двоевластие. Нет ни малейших сомнений в том, что высшие фюреры СС и полиции были главными организаторами нацистского террора на оккупированных территориях. Но и Розенберг с его рейхскомиссарами тоже несут ответственность за все, что там происходило, — сотрудники рейхскомиссариатов участвовали во всех совещаниях, на которых принимались роковые решения.

На июльском совещании у фюрера ломались копья по поводу кандидатур в рейхскомиссары — шла борьба за влияние. Геринг предложил Коха на пост рейхскомиссара Остланда, куда вошли Литва, Латвия, Эстония и северные области Белоруссии. Но его кандидатура не прошла. Этот пост занял Генрих Лозе. Высшим

фюрером СС и полиции в Остланде был назначен Ганс Адольф Прютцман, обергруппенфюрер СС и полицейский генерал, будущий организатор «Вервольфа».

Кох был послан рейхскомиссаром на Украину. Так после драки на партийном съезде 1936 года вновь сошлись, пусть и ненадолго, их с Еккельном пути.

«После того как Гиммлер посетил Украину, он вызвал меня в Берлин, куда я прибыл… с докладом, и определил, что я должен возглавить служебный аппарат высшего фюрера СС и полиции в Остланде», — говорил Еккельн на суде.

Следствие и суд, разумеется, интересовало, чем объяснялась кратковременность пребывания Еккельна на Украине. Как он объяснил, «не нашел общего языка» с рейхскомиссаром Украины гауляйтером Эрихом Кохом, и тот добился его перевода. Видимо, в тот самый приезд Гиммлера в Киев.

В это легко поверить — вряд ли Кох мог забыть тот инцидент в Нюрнберге. К тому же Кох имел репутацию человека грубого, в руководстве НСДАП его прозвали «второй Сталин». И у Еккельна характер был не из легких — два медведя в одной берлоге. Его сотрудники, допрошенные в ходе людвигсбургского следствия, все как один говорили о его дурном нраве, о том, как у самых близких ему подчиненных постепенно испортились с ним отношения. Тот же Дегенхардт: «Еккельн среди нас имел очень плохую репутацию, чего нельзя сказать о его преемнике Прютцмане». А ведь Прютцман был тоже не ангел, хотя Штреккенбах и называет его «изворотливым и ловким».

Рижское гетто. Начало

Немцев в Прибалтике ждали. Подпольные группы в первые дни войны обстреливали отступавших красноармейцев. Ригу немцы заняли 1 июля 1941 года и были встречены с цветами и хлебом-солью, народными гуляниями и шествиями в национальных костюмах с германскими и латвийскими флагами. Только евреи в этот день боялись выходить на улицу.

Уже 2 июля объявили о регистрации всех рижских евреев. До 1 августа в городе зарегистрировались 24 625 евреев — 10 тысяч успели эвакуироваться. В паспорт зарегистрированным ставился продолговатый штамп с надписью «*žīds*» («жид»). С этого момента евреи обязаны были носить на груди слева желтую шестиконечную звезду диаметром 10 сантиметров.

В латвийских паспортах не было графы «национальность», а в новых советских — была, но не все новые граждане СССР успели поменять паспорт. Поэтому «активисты» обходили дома в поисках евреев, а дворники показывали им двери еврейских квартир[5].

Что их ждало дальше? На оккупированных нацистами территориях до начала войны с СССР евреев отправляли в гетто и использовали как даровую рабсилу. Рейхскомиссар Остланда Генрих Лозе не собирался ничего менять. Он хотел организовать в Риге гетто, как в генерал-губернаторстве, то бишь Польше. Однако у него возникла оппозиция в лице бригадефюрера СС Вальтера Шталекера. Вместе с силами вермахта в Латвию вошла и возглавляемая им айнзатцгруппа А в составе 900 человек. Он-то и возражал против политики Лозе, считая, что она противоречит инструкциям, полученным айнзатцгруппой. Ведь в Польше от евреев не было серьезной опасности, в отличие от их соплеменников в Остланде — «сторонников большевистской идеи».

Шталекер — еще один интеллектуал-антисемит, доктор права, изучавший юриспруденцию в Тюбингенском университете в начале 1920-х. Именно в это время установились его контакты с другими будущими командирами айнзатцгрупп и зондеркоманд. Академическая молодежь, как ни странно, в те годы активно поддерживала нацистов. Гёттингенский университет стал оплотом национал-социалистической партии, местное отделение штурмовых отрядов (СА) насчитывало немало студентов, и во время выборов национал-социалисты набирали в Гёттингене больший процент голосов, чем в среднем по стране.

«Саботаж и террористические действия могут ожидаться… именно от евреев, которые используют любую возможность для

создания беспорядка, — писал Шталекер в меморандуме от 6 августа 1941 года. — Острая нужда в умиротворении восточной территории делает необходимым устранение всех возможных источников беспорядка».

До поры аргументы Шталекера не принимались в расчет. Покуда в Остланд не прибыл новый высший фюрер СС и полиции — Еккельн. Предыдущий — Прютцман — хотя и несет ответственность за первые расстрелы евреев в июле 1941 года в окрестностях Риги — в Бикерниекском лесу, поддерживал намерение Лозе создать гетто.

13 августа 1941 года под грифом «Совершенно секретно» Лозе подписал «Временные директивы по обращению с евреями на территории рейхскомиссариата Остланд». Евреям запрещалось все: «Пользоваться тротуарами, общественным транспортом, автомобилями. Пользоваться местами и заведениями отдыха (курорты и плавательные бассейны, парки и парковые зоны, игровые и спортивные площадки). Посещать театры, кинотеатры, библиотеки и музеи. Посещать школы любого типа». Их имущество подлежало конфискации (за исключением того, общая стоимость которого не превышала 100 рейхсмарок). Устанавливался запрет на профессии: врачи-евреи и дантисты-евреи могли принимать только евреев, евреям-аптекарям и евреям-ветеринарам практика запрещалась вовсе.

Это было только начало. Потом было создано гетто, под которое выделили 12 кварталов в Московском форштадте, неевреев (7 тысяч) оттуда переселили, а туда загнали вчетверо больше людей. При переселении туда разрешалось взять с собой один стул на человека, одну кровать на двоих, один стол и один платяной шкаф на семью. Для организации рабсилы Рижский департамент труда образовал специальное управление труда евреев. В семь утра надзиратели уводили колонны к местам работы и в шесть вечера приводили обратно. Работодатели должны были перечислять деньги на счет гетто: оккупанты рассматривали гетто как самофинансируемое и весьма прибыльное предприятие.

Рижских евреев оставили жить, их жизнь продолжалась, пусть и в нечеловеческих условиях. Еккельн ее оборвал.

«Самоочищение» Риги

«Задачей полиции безопасности является стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стремлению нужного направления, — писал Шталекер в своем донесении в Берлин в октябре 1941 года. — …Путем оказания влияния на латышскую вспомогательную полицию удалось организовать еврейский погром, во время которого было разрушено несколько синагог и убито 400 евреев». 400 человек (литовские евреи-беженцы) погибли в одной только синагоге — Большой Хоральной на улице Гоголя, все были заживо сожжены.

В ходе «самоочищения» только в Риге и ее окрестностях за два первых месяца оккупации так называемыми «национальными партизанами» были убиты 6378 евреев (по данным Григория Смирина). Еврейские погромы прокатились в начале войны по всей Прибалтике, на всех территориях, куда незадолго до того по согласованию с Гитлером пришла советская власть. При поощрении и науськивании со стороны айнзатцгрупп. Сами они просто не смогли бы справиться с поставленной задачей, даже с помощью полицейских батальонов. Тогда-то и было принято решение использовать местное население в реализации программы уничтожения.

В сознании людей удачно совместились немецкие пропагандистские установки и бытовой антисемитизм. Да еще миф о засилье евреев в органах госбезопасности, возникший из-за того, что после прихода в Латвию Красной армии бесправные еще недавно евреи стали заметны, заняв немало должностей в новом госаппарате.

На протяжении столетий главным врагом в латышской народной среде считался немец, но за год советской власти у людей изменились представления о добре и зле. Особенно после того, что случилось за неделю до начала войны. В ночь с 13 на 14 июня 1941 года 15 424 человек, или 0,79 % населения Латвии, разбудили, дали меньше часа на сборы и депортировали в отдаленные районы Советского Союза. Не известно, кто из пронацистского подполья попал в списки высылаемых и попал ли вообще. Зато евреи, 1771 человек — при доле 4,8 % в общей численности населения Латвии, — составляли 11,7 % всех депортированных (по данным Александра Дюкова). В основном это были евреи из Риги.

Через три недели пришли немцы. И счет за депортацию был предъявлен евреям — сразу же начались еврейские погромы и разрушение синагог. Особенно отличились юные члены «команды

Арайса» — студенты и старшеклассники. Среди них были члены семей депортированных. Белой июньской ночью за неделю до войны они гуляли по городу, не подозревая, что их родителей солдаты заталкивали в грузовики для отправки в Сибирь.

1 июля 1941 года, в день захвата Риги гитлеровскими войсками, здание НКВД (в прошлом — префектуры) было занято одним из отрядов «латышских партизан», которым командовал 31-летний юрист, в прошлом полицейский Виктор Арайс. В тот же день туда явился командир айнзатцгруппы А Вальтер Шталекер. В составе его свиты в роли переводчика оказался Ганс Дреслер, соученик Арайса по елгавской гимназии. Свидетельствуя на процессе Арайса в Гамбурге в 1979 году, Дреслер рассказал о том, как в префектуре кто-то внезапно бросился ему навстречу с объятьями и поцелуями. Это стало началом стремительной карьеры Арайса в СД — меньше чем за год он дослужился до майора. Собственно, он всегда был карьеристом. Виктор пробивался с трудом, вырос без отца, тот в 1914 году ушел на мировую войну и вернулся только после революции, когда сыну было четыре года, через Китай, привез с собой китаянку. После армии поступил в университет, закончил его уже при советской власти.

На гамбургском процессе Арайс поведал о своей вере в коммунизм: «Я получил диплом как советский юрист. Я считал, что это хорошо, и начал верить в то, что большевизм — наилучший строй». Но немецкие учреждения советский диплом не признавали, и в 1944 году он вновь сдал экзамены и получил новый диплом, по-видимому, уже с верой в нацизм. С этой верой он и его команда в 1941 году убивали евреев по всей Латвии.

«Команде Арайса», названной так по имени командира[6], дали статус отделения вспомогательной полиции. На опубликованный призыв добровольно в нее записываться для борьбы с «темными элементами» откликнулись многие, в большинстве — национал-патриотически настроенная молодежь. Они-то, эти юноши с горящими взорами, в те дни и занимались ночными налетами на квартиры евреев, подожгли Большую Хоральную синагогу.

Особняк на улице Вальдемара

В первую ночь оккупации 28-летнюю Эллу разбудил звонок в дверь. На лестничной клетке стояла группа вооруженных юнцов 16–17 лет во главе с их молодым соседом. Прежде он всегда церемонно здоровался, снимая шляпу. В эту ночь его было не узнать. Сосед объявил, что мужа забирают на работу. «Я видела, что Пинхас старается побороть страх перед неизвестным и держаться бодро. Мы оба пытались в тот миг скрыть нахлынувшее предчувствие, что это навсегда… Больше я его никогда не видела». Лишь после войны узнала, что Пинхаса Медалье, как и многих других молодых евреев, способных оказать палачам сопротивление, в ту же ночь расстреляли.

…Минувшим летом в Риге я подошел к трехэтажному особняку на улице Вальдемара, ныне занимаемому каким-то банком. В этом доме в досоветский период жил еврейский банкир Шмульян, а в июле 1941-го расположилась «команда Арайса». В августе во дворе этого дома Эллу разлучили с матерью. Из-за нее, между прочим, они с мужем в последний момент отказались эвакуироваться — та плохо себя чувствовала. Из этого двора ее увезли на расстрел вместе с другими стариками. А Эллу оставили в застенках особняка.

«…Главари „Перконкрустса“ (среди сообщников Арайса было немало перконкрустовцев — членов националистического антисемитского союза с символом в виде свастики. — *Л.С.*) затеяли к ночи у себя наверху очередную попойку. Раздавались крики и хохот — там шло буйное веселье. Это не предвещало ничего хорошего. Так прошла пара часов. Вдруг открылась дверь, и вошел полицай. В одной руке у него был электрический фонарик, в другой он держал пистолет. Мутным взглядом обведя всех нас, неподвижно застывших на полу, он высветил девушку с краю, поднял дулом ее голову и потащил с места:

— Ну, ты, давай, живо наверх!

Мольбы, слезы…

— Прекратить шум! — заорал он хрипло. — Будете орать и чваниться, тут же пристрелю, суки! Всех перепробуем!..

Грязно выругавшись, он схватил девушку и выволок за дверь.

…Поволокли еще одну, потом третью, четвертую, пятую… Вскоре они стали возвращаться — в синяках, кровоподтеках, рваной одежде, измученные, истерзанные. Ни на кого не глядя, плача, ничком ложились на пол. Им на смену тут же забирали других. Потом все стихло.

…Настало утро. Нас вывели во двор и отделили восьмерых,

которых ночью насиловали пьяные бандиты. Подкатила машина, им приказали туда влезть. В сопровождении нескольких перконкрустовцев девушек увезли на расстрел. Боясь, что немцы их обвинят в осквернении „чистоты арийской расы“, они поспешили скрыть в земле следы ночной оргии… Нас, четверых оставшихся, к полудню повели работать на кухню. С тех пор кухня стала нашим постоянным местом работы…»

Эллу спас охранник, спрятал ее в туалете. По его словам, она напоминала его жену. После месяца работы в особняке на улице Вальдемара Элла Медалье оказалась в гетто и поступила на работу санитаркой в еврейскую больницу.

Психология зла — 10

— О зверствах перконкрустовцев что можно сказать… Молодости свойственна жестокость. Это иррациональное в человеке, а у молодых нет сдерживающих элементов. Идентичность еще не сформирована, открыта возможность превратиться во что угодно. Гормональная буря, потребность в подростковом самоутверждении плюс осознание своей безнаказанности, поощрение жестокости со стороны старших — и вот вам юный садист. Одно дело, когда подростку все-таки влетает за свойственные возрасту бесчинства, и совершенно другое — когда среда их поощряет.

Еще есть такой феномен. Дети репрессированных родителей под влиянием пропаганды воспринимали нацистскую организацию как новую семью. Гитлер воспринимался как отец или как старший брат. Тогда жестокость оправдывалась местью за брата.

— А что касается взрослых?

— Садизм «есть превращение немощи в иллюзию всемогущества», дающую ощущение абсолютной власти над другим существом. Так находила выход агрессия в отношении женщин, которые не стали бы доступными в иной ситуации. В условиях разрешенного террора для убийц и насильников характерно участие в коллективных действиях, сопровождаемых чрезвычайной жестокостью.

— А вера Виктора Арайса то в коммунизм, то в нацизм? Это что, обыкновенное лицемерие?

— Не обязательно. Скорее всего, Арайс относился к тем, для кого важно выстроить стройную картину мира. Любая структурная идеология позволяет ему ее выстроить. Когда она рушится, такие люди начинают вести себя неадекватно. Им подойдет любая идеология, имеющая четкую структуру, поэтому они легко переходят из одной идеологии в другую. Это свойство характера. Если брать более близкие к нам примеры, то вспомните, какое число партработников после перестройки в поиске стройной картины мира обратилось к религии, сколько ярых антикоммунистов возникло из бывших коммунистов.

Недоплатили

Когда Еккельна на суде спросили о стерилизации мужчин-евреев, он ответил, что ему об этом ничего не известно. Законы Третьего рейха и в самом деле, насколько я знаю, не предписывали кастрации евреев.

Заинтересовавшись, чем был вызван этот странный вопрос, я стал копаться в материалах дела, покуда не обнаружил историю Оскара Плявениекса, фельдшера из Курменской волости. По «делу Еккельна» он допрашивался как свидетель, но и ему самому 9 января 1945 года было предъявлено обвинение. В том, что «в период немецкой оккупации города Бауска занимался массовой стерилизацией еврейского населения, сам лично стерилизовал 32 человека, в том числе до 10 человек детей в возрасте от 10 до 15 лет».

Как такое вообще могло случиться? Кому пришла в голову дикая идея кастрировать бауских евреев? Похоже, кому-то из местных. Оккупационная власть вмешалась позже, отдав приказ о расстреле всех, включая подвергшихся операции.

В июле 1941 года Оскара вызвали в город Бауск к уездному врачу доктору Штейнхарду. «Последний мне рассказал, что есть распоряжение полицейских органов стерилизовать евреев и что принято решение к этой операции привлечь меня… И когда я стал возражать, мотивируя тем, что подобных операций я никогда не проводил и практики в этой части совершенно не имею, Штейнхард мне ответил, что ничего страшного здесь нет, он меня научит, как делать подобные операции, и дело у нас пойдет». После чего фельдшер Плявениекс провел 34 (!) операции, еще 22 — доктор Штейнхард. А потом…

«В первых числах августа ко мне пришел шуцман Циммерман и передал ключи от поликлиники, сказав при этом, что там уже никого нет, так как сегодня ночью всех находившихся там евреев вывезли в лес и расстреляли, в том числе и детей в возрасте от восьми лет и старше, которые были нами стерилизованы».

В своих показаниях следователю Плявениекс сокрушался: «На это способны только фашистские мерзавцы. Я в этом случае оказался активным проводником столь гнусной политики фашистской Германии, которую осуществляли на временно оккупированной территории немецкие власти и их ближайшие соратники немецко-латышские националисты».

В 1941-м он сокрушался совсем о другом — о недополученных деньгах за «проделанную работу». Доктор сказал, что «за проделанную работу могу получить деньги и

возвращаться по месту жительства в Курменскую волость». Я написал записку в городскую управу о выдаче мне причитавшейся компенсации. В записке сказано: «Прошу выплатить за 26 стерилизованных евреев такую-то сумму». На вопрос следователя, почему только за 26, если он сделал 34 операции, он ответил: «Городская управа мне уплатила только за стерилизацию городских жителей, за лиц, проживающих не в черте города Бауска, я вознаграждение не получил». Обиженный такой несправедливостью, он с этой запиской отправился к начальнику уездной полиции, тот наложил визу, и в управе ему выдали «в немецкой валюте в переводе на советские деньги 940 рублей».

На Рижский процесс Плявениекса не вызывали, отправили отбывать наказание по его делу. Что же касается доктора Александра Штейнхарда, то он удрал с немцами, после войны сумел перебраться в США и там больше 20 лет занимался врачебной практикой.

…Насколько мне известно, в Бауске нет памятника погибшим евреям. Зато есть установленный в 2012 году монумент «в честь защитников города против второй оккупации Советским Союзом» — латышских карателей из 23-го, 319-го и 322-го полицейских батальонов. Открыв его, мэр города Валдис Вейпс пообещал, что за памятником будут присматривать школьники.

«У подножия пьедестала — ручаюсь — каждое утро будут появляться цветы». Это цитата из стихотворения Иосифа Бродского. Того, которое заканчивается словами: «Поставим памятник лжи».

Глава 12
«Таков мой приказ»

Еккельн переехал в Ригу 5 ноября 1941 года. Для размещения своего персонала он выбрал Рыцарский дом — здание бывшего латышского сейма и будущего латвийского парламента. Аппарат высшего фюрера СС и полиции в Остланде и на севере России насчитывал полсотни сотрудников. Им предстояло заниматься решением задач, связанных с предстоящей депортацией евреев из рейха в Прибалтику. К тому моменту Гитлер решил как можно быстрее очистить рейх от евреев, для их размещения требовалось освободить Рижское гетто.

Подготовка

Напутствуя Еккельна, Гиммлер сказал: «Хотя еврейский вопрос в Остланде в основном решен, но в Риге еще не ликвидировано еврейское гетто, и мне необходимо будет всех евреев, содержащихся в нем, уничтожить. Даже если Лозе будет противодействовать, вы все равно ликвидируете всех и скажете ему, что это мой приказ…» И еще: «Скажите этому Лозе, что таков мой приказ, а значит, и желание фюрера».

Справиться с упертым Лозе оказалось удивительно легко: узнав, что Гиммлер осведомлен о его намерении противостоять ликвидации гетто, тот стал горячо уверять Еккельна, что никогда против этого не возражал, даже и не думал возражать…

20 или 21 ноября 14 сотрудников штаба Еккельна, специально направленных за пределы латвийской столицы, нашли неподалеку от железнодорожной станции Румбула на линии Рига — Даугавпилс приглянувшееся им местечко. На пригорке, в 250 метрах от станции, в лесополосе, в песчаном грунте, облегчавшем задачу в заморозки, были вырыты ямы. Руководство земляными работами Еккельн поручил унтерштурмфюреру СС Эриху Гемикеру. 300 советских военнопленных под надзором немцев и местных полицаев изваяли эти шесть фигурных углублений, напоминавших перевернутые пирамиды. На одной из стен каждой ямы был оборудован спуск. Их общая вместимость позволяла уложить 28 тысяч трупов.

Лозе все-таки попытался предотвратить расстрелы. 15 ноября он послал запрос в министерство Розенберга: должны ли учитываться интересы экономики, когда речь идет о судьбе еврейского населения? Но Розенберг поставил этот вопрос перед Гитлером с опозданием, 14 декабря, то есть уже после уничтожения Рижского гетто. Тот ответил, что это евреи развязали войну и в последствиях они должны винить только себя. 18 декабря Лозе получил ответ из министерства: экономические соображения не должны влиять на решение еврейского вопроса.

27 ноября в северной части гетто четыре квартала обнесли колючей проволокой. Этот забор ограничивал Малое гетто, фактически трудовой лагерь, туда перемещались трудоспособные мужчины. Остальных якобы должны были отправить в другое место на более легкие работы. Малое гетто позволило избежать смерти в румбульских акциях примерно 5 тысячам рижских евреев, главным образом мужчинам в возрасте от 16 до 60 лет.

Впрочем, ненадолго. Около 2 тысяч узников Малого гетто покоятся в общей могиле на Старом еврейском кладбище. Правда, в 1960 году все надгробия были снесены и на их месте разбит Парк коммунистических бригад, который сейчас, разумеется, называется как-то иначе.

Первые жертвы

29 ноября во второй половине дня в конференц-зале Рыцарского дома Еккельн созвал собрание офицеров, на котором информировал их о предстоящей ликвидации гетто. В тот же день местным полицаям было приказано быть готовыми на следующее утро конвоировать евреев к станции Румбула. Полицаям был дан приказ расстреливать всех, кто отстанет от колонны либо попытается бежать.

Но первыми жертвами стали евреи из рейха. Поздно вечером того же дня в Ригу прибыл состав, доставивший около тысячи берлинских евреев, в большинстве своем ветеранов Первой мировой, награжденных за храбрость. Их полагалось направить в Терезиенштадт, в особый показательный лагерь, куда согласно указаниям СС до сих пор высылали евреев-орденоносцев. Поезд отвели на запасный путь. Приказа убивать не было, решение принял Еккельн самолично. Он просто не знал, что с ними делать, ведь гетто еще не успели расчистить от рижан. Ранним утром 30 ноября вагоны освободили от живого груза, и берлинцев погнали к ямам в Румбуле.

Когда Гиммлер узнал, что берлинских евреев привезли в Ригу, он, зная характер Еккельна и прогнозируя его действия, попытался предотвратить их расстрел, отдав соответствующий приказ Гейдриху. Но — не успел. Вероятно, его указание вовремя не дошло до Еккельна. Тем не менее Гиммлер отнес действия подчиненного к «политически необдуманным поступкам». 1 декабря он связался с Еккельном: «С евреями, которых переселили в область Остланд, следует обращаться соответственно только после моего личного распоряжения, отданного Главному управлению имперской безопасности. Я буду наказывать за нарушение моих приказов и за все односторонние акты». Однако не наказал. Сработал — на сей раз самым страшным образом — вечный принцип любой административной вертикали: «перебдеть всегда лучше, чем недобдеть».

Синий автобус

В 6 часов утра 30 ноября около 1700 человек из полиции порядка, СД и латышской вспомогательной полиции шли от блока к блоку, от дома к дому, будили евреев и выгоняли на улицу. Перед «акцией» рижские полицейские были материально простимулированы — им предоставили возможность приобрести за копейки «жидовские вещи».

Тех, кто отказывался выходить, расстреливали на месте. Колонны по тысяче человек, пятеро в каждом ряду, выводились через проходы в ограде с интервалом примерно в полчаса. Каждую колонну охраняли около 50 полицаев с карабинами наизготовку. Больных, калек и стариков везли в синих автобусах.

«В 1938–1939 годах Рига закупила большое количество современных автобусов у английской фирмы „Лейланд“ и немецкой „Заурер“… Часть этих автобусов была отдана летом 1941 года „команде Виктора Арайса“… Каждый понедельник утром „команда Арайса“, все наполовину пьяные, выезжала вооруженная и с ящиками водки из рижской префектуры на „работу“ на периферию и давала там свои кровавые „гастроли“… „Команда Арайса“ к осени 1941 года практически очистила Латвию от евреев — они оставались только в Риге» (из воспоминаний Абрахама Шпунгина). Сколько мирных жителей расстреляло подразделение Арайса, мы не знаем, но приблизительные подсчеты американского историка Андриевса Эзергайлиса показывают, что никак не менее 30 тысяч. В 1942 году Арайса с его командой переводят на восток для борьбы с партизанами, а иногда и для участия во фронтовых операциях.

Первая колонна рижских евреев достигла Румбулы в девять утра. На поляне у кромки леса стояли деревянные ящики для их поклажи. При дальнейшем прохождении сквозь строй заставляли раздеваться — полностью или до нижнего белья. Многие до самой ямы прятали на теле драгоценности, ради которых их и раздевали. В кольце оцепления снова стояли ящики, куда обреченные бросали все, что донесли до ямы. Поняв, что будет дальше, многие рвали перед ямой деньги и бросали в снег.

Эти кошмарные детали — из показаний одного из участников «отряда Арайса» Арнольда Лаукерса, капитана латвийской буржуазной армии, в том же звании зачисленного в Красную армию, а в августе 1941 года добровольно вступившего в «команду Арайса». В день расстрела в Румбуле он был распорядителем продовольствия и прибыл туда с продуктами и водкой для начальствующего состава. Немцы и полицаи из

местных, участвовавшие в акциях, то и дело принимали на грудь. Рядовые полицаи получали пол-литра, офицеры — литр водки ежедневно. К вечеру благодаря алкоголю и наступлению темноты стрельба уже не могла быть достаточно меткой.

Каждой жертве полагалась одна пуля. Маленьким детям пули не полагалось — их укладывали в яму живыми.

На допросе 14 декабря 1945 года Еккельн отвечал на вопрос: «Кто являлся непосредственным исполнителем этого злодеяния?»

— Расстреливали евреев 10 или 12 немецких солдат из СД, фамилий их я не знаю. Полицейские гнали к ямам. Сам три раза присутствовал на расстрелах.

На самом деле Еккельн отрядил на «акцию» сотрудников своего штаба. И лично их контролировал. В их числе был и известный нам оберфюрер СС Йоханнес Цинглер, вслед за Еккельном переведенный в Ригу. Там он поначалу продолжал исполнять обязанности курьера, а позже стал заведовать гаражом. 29 ноября Еккельн вызвал Цинглера к себе и сказал, что тот должен будет принять участие в расстрелах евреев и таким образом проявить себя («показать, чего он стоит»). Цинглер в ответ попросил отправить его на фронт, чтобы проявить себя там. Но Еккельн в ответ заметил, что Цинглер при нем состоит не как обычный солдат, а как человек на испытательном сроке. И добавил, что если Цинглер хочет увидеть еще раз свою семью, то должен выполнять его приказы.

В первый день румбульских расстрелов было убито около 14 тысяч человек. День был осенний, холодный и короткий. Исполнители акции не успели уничтожить всех до наступления темноты. Казнь оставшихся 13 тысяч пришлось отложить.

«Наконец пришло время, когда почти все нации Европы научились распознавать своего общего врага — жида, — писала газета „*Тевия*“ („Отчизна“) на следующий день, 1 декабря 1941 года. — Почти все народы Европы начали войну против этого врага как на полях сражений, так и в деле внутреннего строительства. И для нас, латышей, пришел этот миг. Появились уже первые бойцы на полях сражений, за ними последуют и другие». У статьи под названием «Борьба против жидовства» был автор — Янис Мартинсонс, у газеты, главной латышской газеты времен немецкой оккупации, редактор — Павел Ковалевскис, автор изданной в 1942 году книги «Страшный год» — о событиях 1939 года, которыми будто бы оправдывались злодеяния националистов.

…Почти никого из нацистских пропагандистов не настигло возмездие. Исключением был осужденный на Нюрнбергском процессе редактор газеты *Der Stürmer* Юлиус Штрейхер. Правда,

был один случай другого рода, о котором есть смысл рассказать. Хотя бы потому, что в этой истории важную роль играют сардины, обычные сардины — такая вот смертельная рифма.

Премьер-министр коллаборационистского кабинета в Праге Алоис Элиаш, поставлявший разведданные чехословацкому правительству в изгнании, однажды пригласил к себе наиболее одиозных пронацистских журналистов-чехов. В день встречи 18 сентября 1941 года по дороге на работу премьер зашел в магазин деликатесов «У Липперта» и купил дюжину «хлебичков с сардинками». В Коловратском дворце он уединился, достал из портфеля шприцы и ввел в бутерброды яд, принесенный ему накануне доктором Паточкой из Карлова университета. После чего вышел к журналистам, угостил их деликатесом и начал непринужденно говорить об успехах немецкого оружия на Восточном фронте… От яда в сардинах умер редактор журнала «Чешское слово» Карел Лажновский (остальные выжили), Гейдрих устроил ему пышные похороны. Алоис Элиаш был расстрелян оккупантами.

«Гиммлер остался доволен»

По гетто прошел слух, что евреи, уведенные 30 ноября, живы и содержатся в каком-то концлагере. Поэтому 8 декабря, когда кому-то велели собираться, узники были спокойны. С собой разрешалось взять поклажу весом в 20 килограммов. Эти вещи на место доставит грузовая машина — так было сказано людям.

30 ноября и 8 декабря 1941 года в Румбуле было расстреляно 27 800 человек, считая и тех 942 еврея из Германии, убитых сразу по прибытии. Этим данным можно верить, они взяты из отчета начальника полиции безопасности и СД в Латвии Рудольфа Ланге, одного из тех молодых убийц-интеллектуалов, о которых мы говорили, — 30-летнего доктора права, в прошлом сотрудника берлинского гестапо, а в будущем участника Ванзейской конференции. Правда, в это число не вошло около 300 советских военнопленных, расстрелянных за то, что их использовали на земляных работах.

О том, как это было, мы знаем из показаний соучастников убийства — латышских полицейских. 27 октября 1944 года в НКВД допрашивался Адольф Лазда, конвоировавший евреев к расстрелу. «Это делалось очень быстро, как по конвейеру. Одни только оставляли вещи, как другие уже раздевались, а третьи расстреливались. Так нашу колонну в тысячу человек расстреляли в течение часа или полутора часов… В яме ходили трое немцев с автоматами в руках с засученными рукавами гимнастерок. Они ходили по трупам окровавленные, как мясники на бойне, и без перерыва стреляли. Они не стреляли только тогда, когда меняли автоматные обоймы… Как вели себя люди перед расстрелом? Мы, полицейские, даже удивлялись. Не было ни крика, ни шума — только дети плакали да старики шептали свои молитвы. Очень храбро вели себя евреи перед расстрелом».

В ноябре 1944-го давала показания Чрезвычайной государственной комиссии чудом выжившая во второй «акции» Фрида Михельсон. «Воспользовавшись моментом, я бросилась на землю лицом в снег и замерла. Немного спустя слышу, как надо мной говорят по-латышски: „Кто здесь лежит?“ — „Наверное, мертвая“, — отвечает громко второй голос». Найдя три теплые кофты, немного сахара и белую сорочку для маскировки на снегу, Фрида выбралась из-под укрытия. И начались ее скитания по окрестным хуторам — кто-то не пускал, кто-то пускал, но только на одну ночь, — пока наконец не наткнулась на адвентистов седьмого дня, для которых спасение евреев было делом даже не абстрактных святости и чести, а чем-то само собой

разумеющимся. Эта «сеть» — Берзиньши, Песле и Вилюмсоны — и спасла ее жизнь до прихода Красной армии, когда уже ей, Фриде, пришлось заступиться за своих спасителей.

После завершения «акции» Еккельн послал Гиммлеру сообщение телеграфом: Рижское гетто ликвидировано. Потом при личной встрече в том же декабре доложил это же устно. «Гиммлер остался доволен».

Забегу вперед. В январе 1945 года Петра Крупникова пригласили в кабинет к следователю для помощи в переводе. Там сидел Еккельн и рассказывал о громадной пьянке, которая состоялась после «акции» в Рыцарском доме. По его словам, все были совершенно пьяны. Какой-то генерал сломал ногу, перепрыгивая через лежащее перед ним препятствие…

Руководитель производства

Почему Еккельн присутствовал при казнях? Это ведь не входило в его обязанности. Другие-то этого не делали, не брали, так сказать, работу на дом. Еккельн же, словно клерк, уставший от бумажной суеты и отправившийся на охоту, вырывался на оперативный простор немного пострелять. Вот только не по зайцам, а по людям. А может, воображал себя руководителем производства, приходившим проверить, как исполнен заказ мастером, вносящим последний штрих перед сдачей заказчику. Будучи дилетантом — его же не учили в полицейской школе, — стремился вникнуть во все детали, как это часто бывает с дилетантами.

На допросе 27 января 1946 года Еккельн признал, что трижды сам участвовал в расстрелах евреев.

— Мне пришлось присутствовать.

— С какой целью?

— Если я даю приказ, то проверяю. Задание тяжелое… Чтобы показать пример, пришлось быть в первых рядах.

Как вспоминает Крупников, Еккельн на допросах ссылался на то, что, как начальник, считал себя обязанным присутствовать на расстрелах, поскольку «подчиненные испытывали психологические трудности».

«Когда я в декабре 1941 года в Летцине доложил Гиммлеру устно о выполнении его приказа о расстреле евреев из Рижского гетто, Гиммлер мне сказал: „Расстрел — это очень сложная операция. Для того чтобы расстреливать, надо иметь людей, которые расстреливают. На этих людей расстрелы действуют очень нехорошо“».

Гиммлер судил по себе. В августе 1941 года он прибыл в Минск с инспекторской проверкой. По записям в дневнике сопровождавшего его фон дем Баха, Гиммлер получил от увиденного расстрела нервное потрясение. Расстреливали 100 человек. Увидев среди жертв юношу-блондина с голубыми глазами, Гиммлер поинтересовался его родителями и, уточнив их происхождение, сказал: «Ничем помочь не могу». Во время казни на рейхсфюрера брызнула кровь двух убитых молодых девушек, и он упал в обморок.

Именно тогда он приказал группенфюреру СС Артуру Небе разработать «более гуманные методы убийства, чем расстрел». Ему не случайно было это поручено, Артур Небе был известным гуманистом. В 1939 году сыграл важную роль в «операции Т-4», названной так по адресу своего главного берлинского бюро на

улице Тиргартенштрассе, 4, — бывшей еврейской виллы, конфискованной нацистами[7]. «Программа эвтаназии», как она еще называлась, началась со смертельных инъекций неизлечимо больным детям — их было убито около 5 тысяч; затем распространилась на десятки тысяч взрослых с психическими заболеваниями. Впоследствии технология умерщвления газом была признана наиболее эффективным способом и для «окончательного решения». В 1941 году возглавляемой им айнзатцгруппой В на территории Белоруссии были по старинке расстреляны 46 тысяч человек.

«В январе 1942 года на встрече в Берлине Гиммлер сказал, что еще не решил, каким способом уничтожать евреев — расстреливать или загнать в какое-нибудь болото и утопить. Со своей стороны, я посоветовал расстреливать. Гиммлер сказал, что он это все продумает». (Из протокола допроса Еккельна от 14 декабря 1945 года.)

Похоже, топить евреев в болотах было у Гиммлера навязчивой идеей. Еще в августе 1941 года во время инспекционной поездки в район Припятских болот он распорядился, чтобы «все евреи-мужчины были расстреляны, а женщины загнаны в болота».

Как выяснилось из донесения 2-го кавалерийского полка 1-й кавалерийской бригады СС «О ходе операции „Припять“», «попытка загонять женщин и детей на болота не имела успеха. Болота не были настолько глубокими, чтобы там тонуть». Тем не менее, говорится далее в донесении, «моральное состояние личного состава очень хорошее». Ну, раз не было возможности загнать еврейских женщин в трясину, оставалось только расстрелять их: «Расстреляно 6526 человек. Из них 6450 грабителей (так в документах СС именовали евреев. — *Л.С.*), остальные 76 — красноармейцы и коммунисты».

Несколько раз Еккельн сам организовал акции по поиску евреев, прятавшихся в лесных и болотистых районах рейхскомиссариата. Летом 1942 года в ходе операции «Болотная лихорадка» отряды СД с подразделениями войск СС и полиции убили свыше 10 тысяч человек. Проезжая через Барановичи, где 8 тысяч евреев были загнаны в гетто, Еккельн приказал: «Шесть из них должны исчезнуть!»

«Гуманисты»

По Ханне Арендт, Гиммлер «довел разрыв между личным и общественным, между профессией и семьей до того, что даже внутри себя уже не способен был обнаружить связь меж тем и другим. Если профессия заставляет его убивать людей, то он не считает себя убийцей как раз потому, что делает это не из склонности, а лишь в силу профессии. Сам-то он и мухи не обидит». Еккельн мог обидеть кого угодно. Возможно, потому Гиммлер и обсуждал способы убийства именно с ним.

Еккельн: Гиммлер сказал, что лучшим способом ликвидации людей является применение газовых автомашин, изготовленных в Германии по его приказанию.

— В Остланде применялись газовые машины-душегубки?

— Да, применялись для истребления евреев.

(Из материалов допроса Еккельна от 21 декабря 1945 года.)

Конструктор душегубок доктор Беккер, предлагавший усовершенствовать технологию умерщвления, казался самому себе прямо-таки гуманистом. Ведь благодаря его рекомендациям смерть жертв наступала быстрее. Известно, что по оккупированной территории СССР разъезжало 15 машин-душегубок, в них могло погибнуть до 250 тысяч человек. Кстати сказать, такого рода «гуманисты» встречались не только в Германии. В Москве в 1937 году приговоренных к казни возили в фургонах с введенными внутрь выхлопными трубами[8].

Представьте, Еккельн был против применения машин-душегубок по причине «негуманности» этого метода казни. И потому не хотел отказываться от уже проверенных методов массового уничтожения — расстрелов. Как Еккельн сообщил следователю, он слышал от доктора Ланге, что попадающие в такие машины «через пять минут начинают сильно кричать и бить кулаками по стенке». К тому же у душегубок небольшая пропускная способность, он так и сказал — «небольшая пропускная способность». От Ланге ему стало известно, что убиваемых там сильно тошнит, и после каждого рейса смерти приходится проделывать «неприятную и грязную работу по очистке машин».

Между прочим, под схожим с Ланге именем — Рудольф Ланг — после капитуляции гитлеровской Германии скрывался комендант Освенцима Рудольф Хёсс. Это же имя дал своему герою автор романа «Смерть — мое ремесло» (1952) Робер Мерль, написавший вымышленные мемуары начальника фабрики смерти. Герой романа старается как можно лучше выполнить ту «нудную

работу», которую ему поручили, и думает над тем, как усовершенствовать газовые камеры, сколько нужно печей, чтобы сжигать трупы. Пробует на заключенных газ «Циклон-Б». Прежде он использовался в Германии для уничтожения насекомых и грызунов. Да, от этого газа люди мучаются перед смертью, зато он быстрее убивает — достаточно килограммовой коробки, чтобы за 10 минут уничтожить «200 единиц».

Рудольф Ланг: «Вначале было очень тяжело, затем постепенно у меня атрофировались всякие чувства. Я считал, что это необходимость. Иначе я не мог бы продолжать, понимаете? Я всегда думал о евреях термином „единицы“. И никогда не думал о них как о людях».

В ноябре 1941 года «Циклон-Б» был привезен в Ригу, и Еккельн встретился с доктором Бруно Тешем, одним из руководителей производившей его фирмы «Теш и Штабенов». К тому моменту было признано, что массовые расстрелы — «большое испытание» для солдат, в них участвующих, и расстрелы постепенно заменялись мобильными газовыми камерами. По информации из радиограмм немецкой полиции, которую перехватила и расшифровала британская разведка, в Риге или в ее окрестностях планировали построить лагерь смерти со стационарными газовыми камерами. Но так и не построили. Построили в Польше.

Почему об этом задумались так поздно, уже в разгар массовых убийств? Видно, вначале в детали не вникали. Просто поручили айнзатцгруппам и полицейским полкам расстреливать и даже не сказали, из какого оружия. Проблемы решались по мере поступления.

Психология зла — 11

— Еккельн беспокоился о солдатах-расстрельщиках, их страданиях. Страдания жертв вовсе не брались в расчет.

— О жертвах они не задумывались вовсе. Не для того же они перешли к использованию газовых камер, чтобы облегчить страдания жертв. Да, думали о себе. Использование газовых камер снимает с тебя ответственность. Газовая камера не столь травмирующе действует на палачей. Если ты, конечно, не садист и не заглядываешь в окошечко.

— Садистов среди них тоже хватало, расстрелы были прямо-таки разгулом садистов. Насколько обоснованно было его беспокойство за остальных?

— Естественно, это было испытанием для эсэсовских солдат, в особенности если речь шла о расстреле женщин и детей. Психиатр, имевший дело с немецкими солдатами, назначенными расстреливать гражданских жителей, оценил, что 20 % солдат испытывали депрессию, нарушения сна, другие — жаловались на рвоту и другие желудочно-кишечные нарушения. Исследование ветеранов вьетнамской войны показало, что 30 % из них страдали от проблем, вызванных их собственными насильственными действиями.

«Славная страница нашей истории»

«Я хочу поговорить здесь с вами со всей откровенностью об очень серьезном деле, — такими словами спустя два года, 4 октября 1943 года, в Познани Гиммлер обратился к соратникам, эсэсовцам из айнзатцгрупп. — Между собой мы будем говорить совершенно откровенно, но публично никогда не будем упоминать об этом… Я сейчас имею в виду эвакуацию евреев, истребление еврейского народа».

К этому моменту была уничтожена большая часть из 6 миллионов убитых. Слушавшие Гиммлера в зале люди знали, о чем им говорят.

Он продолжал: «„Еврейский народ будет искоренен“, — говорит каждый член нашей партии. И это вполне понятно, ибо записано в нашей программе. Искоренение евреев, истребление их — мы делаем это. И вот они приходят — 80 миллионов честных немцев, и у каждого есть свой порядочный еврей. Конечно, все другие — свиньи, но данный еврей — первосортный еврей. Ни один из тех, кто так говорит, не видел и не переживал этого. Большинство из вас знает, что такое 100 трупов, лежащих рядом, или 500, или 1 тысяча лежащих трупов. Выдержать такое до конца и притом, за исключением отдельных случаев проявления человеческой слабости, остаться порядочными людьми — вот что закаляло нас. Это славная страница нашей истории, которая не написана и никогда не будет написана».

«Выдержать такое до конца…» Сам-то Гиммлер не мог. Откуда ж тогда такой проникновенный тон и разговор со знанием дела? Оказалось, эта часть речи Гиммлера является не чем иным, как плагиатом. Как обнаружила Елена Сьянова, рейхсфюрер позаимствовал ее у погибшего к тому моменту еккельновского друга и покровителя Теодора Эйке из его «лекции для рыцарей», предназначенной для курсов «повышения квалификации» эсэсовцев.

Палач с нарицательным именем

Одним из тех, кто мог слушать речь Гиммлера в Познани, был субъект, чье имя в том же 1943 году стало нарицательным: «Пусть знают кристманы, герцы, кровавые палачи из зондеркоманды СС 10а, что им не уйти от расплаты», — это дикторский текст из документального фильма о проведенном в Краснодаре первом в истории судебном процессе над нацистами.

Доктор права Курт Кристман — оберштурмбанфюрер СС, организатор массовых казней в Краснодаре, Ейске, Новороссийске. В 1967 году, 16-летним, я узнал о нем из книги Льва Гинзбурга «Бездна», и это имя надолго застряло в моей памяти. И в июле 1943-го во время Краснодарского процесса, и когда я читал о нем, Кристман был на свободе. Только 19 декабря 1980 года суд присяжных земельного суда в Мюнхене отправил его в тюрьму за военные преступления.

У Кристмана была сходная с Еккельном черта, отмеченная, как сказано в «Бездне», «одним человеком, хорошо знавшим „дело Кристмана“». Вот как этот человек (очевидно, сотрудник КГБ, знакомивший Льва Гинзбурга с материалами дела в архиве) объяснял «личное участие Кристмана почти во всех расстрелах и повешениях: казнь ему была дорога как завершение разработанной и осуществленной по его разработке операции, и, как истинный творец операции, он наслаждался конечным ее результатом».

Недавно мне на глаза попал судебный приговор (его осудили к 10 годам тюрьмы), из которого я узнал, что Кристман стал палачом по собственной воле, напросившись из тыла в айнзатцкоманду. Он руководил гестапо в Зальцбурге, а обычно туда направляли по разнарядке полицейских рангом пониже.

«Хотя обвиняемый не имел военной подготовки, он, тем не менее, выразил Гейдриху, с которым встретился на полицейском первенстве по лыжам весной 1942 года, желание быть направленным на Восточный фронт, — говорится в приговоре по „делу Кристмана“. — …Из честолюбия и карьерных соображений он стремился получить также военные награды. Особенно он хотел иметь Железный крест I степени, который он как руководитель гестапо в Зальцбурге получить не мог». В июле того же года Мюллер вызвал Кристмана в Берлин и сообщил о назначении начальником зондеркоманды СС 10а. Когда он был ее начальником, «с помощью газового автомобиля было проведено несколько, по крайней мере две казни, количество жертв каждый раз составляло минимум 30 человек. В одной из них обвиняемый

лично руководил акцией по газации».

Отто Олендорф, напротив, стремился как можно дольше оттянуть исполнение приказа о его переводе в айнзатцгруппу, его даже коллеги обвиняли в малодушии. Так что не все туда стремились, но в убийц превратились все. Некоторые — не сразу, постепенно. Многие поначалу не знали, что от них потребуют убивать.

По словам Штреккенбаха, в течение 1942 года 7 тысяч сотрудников полиции безопасности направили на оккупированные территории — так Гиммлер хотел усилить свое влияние на оккупационную администрацию. Практика прошлых войн такого не знала. По мнению Штреккенбаха, это «разлагало полицейский аппарат».

Глава 13
«Те, кто не забыл»

75 лет назад, вечером 29 ноября 1941 года, из Рижского гетто выехал шикарный автомобиль, в багажнике которого затаилась молодая красивая женщина. За рулем сидел мужчина в кожаной куртке с эсэсовскими нашивками. Его лицо было известно каждому рижанину, то был едва ли не самый известный человек в Латвии, героический летчик, чей портрет не сходил со страниц газет. Эта узнаваемость позже сыграла с Гербертом Цукурсом злую шутку.

В ту кровавую ночь члены латышской вспомогательной полиции шли от дома к дому, будили евреев и выгоняли на улицу. Тех, кто отказывался выходить, расстреливали на месте. Узников гетто заставляли строиться в колонны по тысяче человек, пятеро в каждом ряду, и утром с интервалом в полчаса выводили через проходы в ограде умирать в Румбулу. За два дня на станции с этим названием были расстреляны почти все рижские евреи общим числом около 27 тысяч. Спаслись совсем немногие, в их числе Мириам Кайцнер, та женщина из автомобиля. После войны она жила в Бразилии. Там же, где Герберт Цукурс — до дня своей смерти в 1965 году от руки агента МОССАДа в Монтевидео.

Споры о Цукурсе не смолкают в Латвии много лет. Сам слышал, как с пеной у рта доказывали: одни — что он был национальным героем, другие — что кровавым палачом. Одни ссылались на показания свидетелей, как Цукурс лично убивал отставших от колонны стариков и отнимал младенцев у матерей, другие все отрицали, упирая на то, что он был всего лишь завгаром в полиции и ничем таким заниматься не мог. Одни уже в наши дни выпускали памятные почтовые конверты с его изображением и ставили мюзикл «Цукурс. Герберт Цукурс», другие — на подступах к театру в Лиепае (где одна из улиц названа именем «героя») пугали нарядную публику разбросанными по асфальту окровавленными куклами с желтыми звездами Давида.

Я не стал бы встревать в спор, кабы не один документ, недавно полученный из Бразилии и любезно переданный мне куратором музея «Евреи Латвии» Маргером Вестерманом, бывшим узником Рижского гетто. Это запись показаний Мириам Кайцнер, данных ею 14 августа 1950 года в Рио-де-Жанейро в доме по улице Ду-Рузариу, 77. «В подтверждение подлинности всех изложенных фактов» составлен протокол, подписанный

самой Мириам и удостоверенный председателем юридической комиссии Федерации еврейских общин Израэлем Школьниковым. Документ, признаюсь, довольно-таки невнятный. Переводчик с португальского Денис Родионов жаловался мне на небрежность составителей протокола — те явно не ориентировались в европейских реалиях. Но других свидетельств уникальной истории пока не найдено, да и это — покуда не публиковалось.

Доброволец

«Нижеподписавшаяся г-жа Мириам Кайцнер, уроженка Латвии, незамужняя, проживающая в столице (в 1950 году еще Рио. — *Л.С.*), торговка, без какого-либо примененного к ней насилия или принуждения сообщила следующее».

Мириам родилась в городе Берзпилс 1 апреля 1920 года в семье владельцев магазина. В 1939 году, «после оккупации ее страны» (имеется в виду присоединение Латвии к СССР. — *Л.С.*), из коммерсантов родители превратились в работников торговли в своем бывшем предприятии, национализированном русскими. С начала войны Мириам не имела о них никаких известий. Скорее всего, они погибли.

Когда пришли немцы, ее как еврейку уволили из офиса обувной фабрики. Спустя несколько недель Мириам была схвачена немецкими властями и помещена в отдел гестапо на улице Вальдемара, 19. При аресте ей разрешили взять с собой только документы и небольшое количество денег, которые впоследствии отобрали… Так сказано в протоколе.

Как уже известно читателю, трехэтажный особняк на улице Вальдемара был занят «командой Арайса». Одним из первых вступивших туда добровольцев был Герберт Цукурс.

Это было в июле 1941 года, когда арайсовцы организовывали погромы и жгли Хоральную синагогу. О пожаре синагоги на улице Гоголя, как сказано в протоколе, Мириам ничего не было известно. Она, впрочем, «знала, что все синагоги должны были сгореть, но тут уж ничего не изменишь». Не помнила она и об осквернении рижского кладбища (о чем ее тоже спрашивали)[9].

Мириам вообще не очень охотно давала пояснения. Не распространялась она особо и о своем пребывании в особняке на улице Вальдемара. Читатель помнит, что творилось там в июльские дни 1941 года. Показания чудом спасшейся Эллы Медалье об изнасилованиях в том доме приведены в приговоре гамбургского суда, назначившего Виктору Арайсу в 1979 году пожизненное заключение.

В показаниях Эллы Медалье по его делу упоминается еще одно имя. «Кроме Арайса я еще знала Цукурса. Я о нем знала еще до войны из газет, которые прославляли известного латвийского летчика».

А Цукурс у него шофер

Герберт Цукурс был одним из первых летчиков, осуществлявших дальние международные перелеты. В национального героя он превратился после перелета из Латвии в Гамбию. Место назначения было выбрано неслучайно — в те годы была распространена теория о связи Латвии с Гамбией, где некогда находилась колония Курляндского герцогства. Потом — перелеты на самостоятельно собранном самолете «Три звезды» в Японию и Китай. Маленький самолет Цукурса был выставлен в рижском Военном музее, куда, только чтобы поглядеть на него, выстраивалась длинная очередь.

Его называли латвийским Линдбергом (кстати, Чарльз Линдберг был поклонником Гитлера). Не знаю, переименовали ли его в недолгий советский предвоенный период в латышского Чкалова, но ему сохранили все привилегии и даже пригласили как известного авиаконструктора для обмена опытом в Конструкторское бюро Яковлева.

Подобно автору «Маленького принца», он был еще и писателем: его корреспонденции пользовались читательским успехом, а в 1937 году на их основе возник роман «Между землей и солнцем». Правда, финансировавший его полеты крупный латвийский предприниматель был одновременно издателем публиковавшего Цукурса журнала, и, как говорили, короткие телеграммы «с борта самолета» преображали в художественный текст опытные журналисты.

С началом войны параллели его биографии и Сент-Экзюпери завершаются. Что же заставило сменить судьбу пилота-пионера на добровольную службу Третьему рейху? По версии историка Андриевса Эзергайлиса, то мог быть страх перед арестом за лояльность советской власти. Он пользовался у нее если не почетом, то по крайней мере уважением. Ходили слухи, что из Москвы Цукурс вернулся завербованным агентом, не зря же он так расхваливал советскую авиатехнику.

И, наконец, после прихода немцев Цукурсу надо было на что-то жить, кормить семью. Должность заведующего гаражом, предложенная ему Арайсом, — совсем не плохая, завгар в то время — совсем не то, что в наши дни. Возможно, его уговаривали.

«Виктора Арайса никто не знал в лицо, — говорил мне Маргер Вестерман. — Кем он был до войны, простым полицейским? А тут вышел из тени, а вместе с ним — летчик, герой Герберт Цукурс». Не просто вместе с ним — все должны

обратить внимание, кто у него шофер.

Может, было в нем что-то такое, что толкнуло в команду погромщиков? Не мог же он не понимать, в какую компанию попал. О развлечениях новых сослуживцев Цукурса есть в воспоминаниях Фриды Михельсон: «Убеленных сединами бородатых старцев под дулами пистолетов заставляли облачаться в тфилин и талес, плясать и распевать советские песни. Девушек и молодых женщин заставляли раздеваться догола у всех на глазах… Евреев гоняли вверх-вниз по лестнице без остановок, осыпая ударами, пока пожилые и слабые не падали замертво».

Квартира Шапиро

Вернемся к Мириам. В доме на улице Вальдемара, называемом ею «отделом гестапо», ей поручили подметать прилегающую территорию. Во дворе Мириам встретила проходившего мимо г-на Цукурса, которого она знала не только по газетам, но и лично. Он жил по соседству, приходил выступать в ее гимназию. Увидев Мириам, Цукурс подошел и начал разговор, выразив беспокойство о ее судьбе. (С чего бы ему вдруг обеспокоиться ее судьбой? Скорее всего, девушка просто ему приглянулась. — *Л.С.*)

Через некоторое время г-н Цукурс приказал Мириам выйти за ворота и идти вперед, не оглядываясь по сторонам. Сам он пошел за нею и, когда они немного отошли, потребовал, чтобы та направилась в дом, где он проживал, по адресу улица Заубес, 4. «Приказал», «потребовал» — такими словами Мириам описывала эту прогулку в 1950 году. Чем она завершилась, в протоколе умалчивается.

От Цукурса она узнала, что квартира досталась ему от прежних жителей — семьи Шапиро, у которой он ее реквизировал. В ответ на вопрос комиссии, имелись ли у Цукурса полномочия реквизировать чужое имущество, Мириам ответила, что, по всей видимости, да, имелись. (Каков вопрос — таков ответ. — *Л.С.*) Еще Цукурс рассказал Мириам, что Шапиро уже не было в живых, а его супруга была арестована. Оставшегося же в живых одного из сыновей Шапиро он держал при себе в качестве прислуги. Мириам довелось видеть этого парня, который приносил для Цукурса вещи и еду. Его звали Абрам Шапиро.

Это имя мне было знакомо. В музее «Евреи Латвии» сохранилось свидетельство Абрама Шапиро, в 1941 году 16-летнего юноши: «Герберт Цукурс пришел в нашу квартиру, приказал нам убираться и ютиться этажом ниже у соседей. Ему понравилась наша квартира, и он хотел в ней обустроить себе апартаменты. Так он и поступил через несколько дней, оставив себе всю нашу мебель и абсолютно все ценное. Нам было разрешено взять с собой только несколько вещей; только „необходимое“. Нам было сказано, что надо оставаться внизу у соседей до дальнейших указаний». Потом отец был арестован и расстрелян, и не помогло «удостоверение участника борьбы за свободу», а его самого Цукурс по доброте душевной взял на работу в гараж «команды Арайса» по известному читателю адресу Вальдемара, 19. И еще: «Цукурс знал, что я играю на пианино, и в один вечер приказал прийти в квартиру, где мне надо было

играть всю ночь». В те дни в их бывшей квартире поселилась некая еврейская девушка.

Вернемся к протоколу. Попав в этот дом, Мириам была помещена в комнату для прислуги. Цукурс поручил ей заниматься уборкой и приготовлением пищи. С приготовленной ею едой он отправлялся на службу. Вполне вероятно, этим дело не ограничивалось. Во всяком случае, домработница, да еще на нелегальном положении, могла обращаться к хозяину с личными просьбами.

Однажды Мириам попросила воспользоваться его связями, чтобы вернуть чемодан с ее вещами, оставшийся в доме семьи Левиных, откуда ее забрали в дом на улице Вальдемара. Они вдвоем отправились туда, Цукурс потребовал у охраны (видно, никаких Левиных там больше не было) открыть ему дверь и выдать чемодан. Ему подчинились, никто никаких вопросов не задавал.

Спустя какое-то время г-н Цукурс сообщил ей, что она не может больше проживать с ним под одной крышей и что ей необходимо переехать в гетто. Это, по-видимому, случилось в последних числах октября, к тому моменту все 30 тысяч рижских евреев с взятым из дому минимальным скарбом переселились в выделенные для них 12 кварталов Московского форштадта. 25 октября забор вокруг гетто был достроен, и ворота окончательно захлопнулись. Внешняя охрана была поручена латышской вспомогательной полиции.

Цукурс не просто сдал ее в гетто, а лично перевез «в дом еврейской семьи, с которой поддерживал дружественные отношения». Это была семья Макса Блуменау, который как уважаемый человек, ветеран борьбы за независимость Латвии стал членом юденрата. Вероятно, благодаря его положению Мириам не отправили трудиться за пределы гетто, где, по ее словам, «девушки вынуждены были заниматься грязной работой и нередко подвергались унижениям».

Цукурс выставил девушку, конечно же, из страха перед возможным доносом. Но и долго жить без нее не смог и, узнав о предстоящем уничтожении гетто, решил спасти от неминуемой гибели, назначенной на 30 ноября. За несколько часов до запланированной «большой акции» в комнате, где жила семья Блуменау, появился «одетый в кожаную куртку с нашивками СС Цукурс в сопровождении других гестаповцев». Он незаметно дал знак обитателям не подавать виду, что те с ним знакомы.

Гости велели им явиться в полицию, где их предупредили, что скоро будут отправлены в неизвестное место и каждый может взять с собой по 20 килограммов багажа. Мириам провела в

полиции ночь. Наутро очень рано пришел Цукурс и вывел ее оттуда, указав место, где остановится «Кадиллак» светло-зеленого цвета с большим багажным отделением, в котором Мириам было велено спрятаться. Цукурс отвез ее на улицу Заубез, где она провела ночь. Как и с кем, в протоколе не уточняется, да в этом и нет необходимости.

Румбула

Когда уже в Рио ей стало известно об обвинениях, выдвигаемых в адрес Цукурса, Мириам, как сказано в протоколе, была «шокирована». О каких обвинениях шла речь? Вероятно, о тех, что содержались в книге Макса Кауфмана «*Die Vernichtung der Juden Lettads*» («Уничтожение евреев в Латвии»), изданной в Мюнхене в 1947 году. В протоколе сказано, что Мириам читала эту книгу, но только в фрагментах, которые выделил Цукурс. Я читал эту книгу полностью и думаю, вряд ли он показал ей то место, где говорилось о нем самом: «Одетый в кожаное пальто с большим наганом на боку с машины слез латышский палач Цукурс».

Макс Кауфман, узник гетто и нескольких концлагерей, переживший смерть жены и сына, убитого комендантом гетто Рошманом, собрал в своей книге свидетельства выживших. После ее издания он организовал в Вене общественный комитет расследования нацистских преступлений в балтийских странах. Этот комитет упомянут в протоколе, вероятно, Мириам и опрашивали по его просьбе.

Пару лет назад латвийское правительство обратилось по дипломатическим каналам в Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне с просьбой подтвердить, действительно ли Цукурс лично совершал военные преступления. Из музея ответили, что располагают сведениями лишь о его службе в «команде Арайса». Будучи в Вашингтоне, я поискал имя Цукурса в архивных материалах музея и нашел показания его сослуживцев, допрошенных советскими органами госбезопасности в 1945–1946 годах. Все члены «команды Арайса», согласно показаниям из архива КГБ Латвии, подтверждали, что Цукурс служил в ней, но — ничего конкретного.

Но, повторю, есть воспоминания выживших узников (из числа переведенных в Малое гетто трудоспособных мужчин) об участии Цукурса в издевательствах и расправах. Они довольно-таки путаные, некоторые и вовсе недостоверны, например, будто Цукурс отдал приказ сжечь синагогу, а его тогда и в Риге-то не было. Объясняется просто — он был единственным узнаваемым всеми лицом среди полицейских, его фамилия была единственной, которую могли назвать обитатели гетто. Поэтому я и не останавливаюсь на душераздирающих подробностях, приводимых его обличителями.

Но он был в Румбуле во время расстрела. Мог застрелить кого-то по пути туда. Бесспорно его участие в мародерстве. «Как

сегодня, я помню один из дней между 30 ноября и 8 декабря, — вспоминал один из выживших узников Александр Бергман. — Меня и десяток других „отрезанных“ повели в северную, уже пустую часть гетто, где нас ожидала одетая в тулупы группа латышских полицейских. Было очень холодно, это была самая суровая зима в моей жизни. Мороз в эти дни достигал минус 30 и ниже. Нам разъяснили, что нам следует пойти по квартирам указанных домов, обыскать их и найденные ценности — золото, серебро, меховые вещи — принести ожидающим нас полицейским, которые вернутся через несколько часов. На столе стояли тарелки с недоеденной едой, постели были не застланы, одежда разбросана»[10].

Вещами, свезенными после расстрелов 30 ноября и 8 декабря, был заполнен целиком весь второй ангар рижского Центрального рынка. Эти ангары для дирижаблей, построенные еще в Первую мировую войну, все еще стоят на берегу Даугавы. Бумажные деньги и банковские векселя рассортировывались по пакетам и отправлялись в Немецкий коммерческий банк в Риге, какие-то вещи отправляли в Германию по линии «Зимней помощи». Потом торговали тем, что осталось. Возможность первыми приобрести «жидовские вещи» предоставили «команде Арайса». Но кто-то из них уже успел поживиться сразу после расстрелов. Арайсовцы рыскали по опустевшим квартирам Большого гетто в поисках оставленных евреями сколько-нибудь ценных вещей.

Продолжаю рассказ Бергмана: «Вечером пришла группа полицейских. Выяснилось, что все же улов их был не так уж мал. Не стесняясь нас, они расстегивали негнущиеся тулупы и наматывали под шинели вокруг тела лисьи меха… Командовал полицейскими человек среднего роста в офицерской шинели». Это был Цукурс, Герберт Цукурс.

Не многовато ли для завгара — командовать, ногой открывать дверь в охраняемый дом, откровенно нарушать оккупационные законы? Тут одно из двух: либо ему было многое дозволено, что вряд ли, для немцев он не был никаким героем, либо, что скорее всего, он сам себя таким ощущал, изображая сверхчеловека. «Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. И потому он ищет женщину, как самую опасную игрушку». Так говорил Заратустра.

Долгая дорога в Рио

Утром 1 декабря Мириам снова села в тот же автомобиль и отправилась в загородный дом Цукурса неподалеку от города Букайши, полученный им от правительства в качестве награды летчику-спортсмену после перелета в Африку. Благодаря стараниям супруги Цукурса Мириам спрятали так, что даже дети не знали о ее присутствии. В ответ на вопрос, как это было возможно — спрятаться так, чтобы никто ее не заметил, она ответила, что дом был очень большой, жила она в комнате, о существовании которой никто не ведал. Оттуда Мириам никогда не выходила, еду ей носила жена Цукурса. О переполнявших ее чувствах остается только догадываться — не могла же она не подозревать молодую женщину в связи с собственным мужем.

Так продолжалось около девяти месяцев. Когда находиться в этом положении стало совсем уж невыносимым, Цукурсы представили ее как учителя английского и немецкого языков. Так Мириам стала гувернанткой по имени Мара. Вот каким практичным человеком оказался летчик, переквалифицировавшийся в полицейские. Что, конечно, не отменяет его храбрости — риск, что на него донесут, был совсем не мал.

Цукурс ни на минуту не отходил от роли, так сказать, первого парня. В течение трех лет оккупации скрывать еврейку, подделывать документы — он, возможно, ощущал себя ницшеанским сверхчеловеком, которому все сходит с рук. И любовная связь при живой жене, скорее всего, связана не столько с цинизмом, сколько с тем же чувством. Следуя совету Заратустры, он не стыдился своей безнравственности.

В конце 1944 года, незадолго до освобождения Риги, вместе со всем семейством она отправилась в Германию. В это время у нее уже был поддельный паспорт, добытый Цукурсом. Мириам ничего не сказала под протокол, было ли то ее желанием. Возможно, Цукурс, как человек предусмотрительный, увозил «свою еврейку» с тем, чтобы предъявить как своего рода алиби. А может, просто не в силах был с нею расстаться.

В течение всей поездки Цукурс носил, по ее словам, «форму гестаповца СС» и снял ее только в Берлине, где его направили на работу на авиационный завод уже в качестве гражданского лица. Мириам пошла работать туда же чернорабочей.

1 апреля 1945 года, в день рождения Мириам, когда еще не было никакой ясности, кто — русские или союзники — возьмут Берлин, Цукурс вывез своих подопечных на запад, поближе к

американцам. В американской зоне его было заподозрили в сотрудничестве с немцами, но Мириам добилась встречи с американским военным комендантом, рассказала о себе и своем спасении, и больше Цукурса не трогали.

Цукурс повез их к французской границе. Передвигались «на машине с прицепом, в котором находилось много вещей из его дома, которые он периодически продавал». Мириам известно, что достать бензин было непросто, но они за несколько недель доехали до Марселя, где поселились в разрушенной гостинице на берегу моря.

На сей раз летчик превратился в лодочника. Стал перевозить пассажиров на лодке-катамаране с ножным приводом. Помогло знание французского. Элла Медалье вспоминает, как в дни ее пребывания в доме на Вальдемара «Цукурс всегда спрашивал, говорит ли кто-нибудь из вновь прибывших по-французски. Узнав однажды, что среди нас есть молодая учительница, жившая когда-то во Франции, он частенько приходил к ней шлифовать французское произношение. Это, однако, не помешало ему позже отправить свою собеседницу на смерть — в яму с остальными». Думаю, выжившая узница гетто несколько преувеличивает роль Цукурса, вряд ли он мог самолично кого-то отправить на смерть, хотя в то время все могло быть.

В Марселе Мириам «продолжала оставаться при Цукурсе». Но ее взяла под свою опеку Ассоциация взаимопомощи евреев-эмигрантов, где ей посоветовали отправиться в Южную Америку. Довольно-таки странный совет, рассказ о котором вновь сеет сомнение в искренности ее показаний — зачем ей было туда ехать? Тем более что к тому моменту Цукурс уже побывал у бразильского консула, после чего продал «катамаран, автомобиль, ковер и другие ценные вещи» и приобрел билеты в Рио-де-Жанейро.

Из протокола вообще многое непонятно. Возможно, люди, ее опрашивавшие, не желали вникать до конца в ее запутанную историю, явно недосказанную. Но Мириам и сама темнила, выгораживая Цукурса. Испытывая чувство вины, чего-то недоговаривала. Не сказала ни слова о том, чем Цукурс занимался после 1941 года. А ведь он не всю войну был завгаром.

«Цукурс на службу в СД поступил раньше меня. Он проходил службу в должности командира батальона „команды Арайса“ в звании гауптштурмфюрера. Приметы — около 45 лет, среднего роста, плотного телосложения, лицо продолговатое, подбородок прямой, массивный, волосы темно-русые» (из протокола допроса Яниса Бренциса, служившего в СД и осужденного 31 марта 1947 года к расстрелу). Комбат — это уже не завгар. Причем «команда

Арайса» злодействовала на протяжении всей войны. Есть свидетельство еще одного из его сослуживцев, что Цукурс в апреле 1942 года расстреливал советских партизан на станции Насва в Псковской области. 4 августа 1944 года газета Ventas Balss (выходящая по сей день) писала о назначении капитана Цукурса заместителем генерального директора полиции порядка.

В свободное от работы время он писал для оккупационных газет корреспонденции о подвигах латышских частей в боях с Красной армией. Мне рассказывали, что его сын привез в Латвию собранную Цукурсом обширную коллекцию вырезок с газетными публикациями его статей и тех, где он упоминался. Тщеславие ему было явно присуще.

…Уже в марте 1946 года Мириам вместе с семейством Цукурса сошла с трапа судна «Мыс Доброй Надежды» в Рио-де-Жанейро. Здесь их пути разошлись, на пароходе она подружилась с семьей Чапковских и первый год в Бразилии прожила с ними.

Мириам, тем не менее, продолжала периодически «общаться с Цукурсом». По-видимому, время от времени ей приходилось давать показания в его защиту. Правда, когда его стали обвинять в военных преступлениях, «это очень усложнило их общение. В этот момент она обнаружила в нем его антисемитизм».

Был ли он антисемитом? Вряд ли. Евреи окружали его с самого детства. Отец был владельцем механической мастерской, ставшей учебной базой для еврейского ремесленного училища в Лиепае. Сам он после поездки на автомобиле в Палестину в 1937 году выступал в рижском еврейском клубе, где послушать его собрался полный зал.

Спустя всего четыре года председатель клуба адвокат Исаак Зингель погиб в первые дни оккупации. Когда Арайс с сообщниками захватил рижскую префектуру и начал издеваться над попавшими под руку евреями, он под смех погромщиков посмел заявить о противозаконности их действий и о нарушаемых ими каких-то там международных конвенциях.

Я читал два свидетельства о выступлении Цукурса в еврейском клубе. По воспоминаниям историка Иоэля Вайнберга, о сионистской идее он говорил с изумлением, если не восторгом. По рассказу Шолома Коблякова, Цукурс ругал кибуцы — там разврат (кто бы говорил!), мужчины живут с женщинами коллективно, дети воспитываются в отрыве от матерей, которые их почти не видят, никто не знает, кто отец какого ребенка… Скорее всего, оба свидетельства правдивы.

«Мои занятия с ним я рассматривал как честь». В 1937 году Кобляков, тогда студент Латвийского университета, подтягивал Цукурса по математике. К тому моменту его восстановили в

армии, откуда в 1926 году уволили за «действия, позорящие честь офицера». Он решил проехать на своем одноместном самолете по примыкающей к аэродрому улице, оставив за собой след в виде разбитых окон. Почти шесть лет ему пришлось крутить баранку в такси, и только после знаменитых перелетов его восстановили на службе. И даже направили в университет подучиться. По словам репетитора, «Цукурс был человеком ограниченным, недалеким, грубым, а карьера вскружила ему голову». В их частных беседах Цукурс говорил, что «латыши не нуждаются в евреях, и если они все уедут, сами прекрасно справятся». Но и Палестина, по его мнению, была не лучшим для евреев местом — «арабы рано или поздно сбросят евреев в море».

…Так что это вообще было? Почему Цукурс, рискуя собой и близкими, спасал Мириам Кайцнер? Что это, история любви? Или Мириам была для Цукурса всего лишь страховым полисом? Как ни странно, я не стал бы исключать первую версию. Кабы не чувство, вряд ли он пошел бы на такие риски. В те годы человек в погонах гауптштурмфюрера имел возможность обладать любым количеством женщин. И то, что случилось, — потрясающее доказательство того, что, каким бы негодяем кто ни был, и он подвластен великому таинству любви, которая — одна — способна его хоть в какой-то мере очеловечить.

Впрочем, пропев этот гимн любви, скажу еще вот что. Сам человек, а вовсе не кто-то другой, подсознательно хочет выписать себе за свои грехи индульгенцию. Возможно, жажда прощения, пусть и полученного от самого себя, тоже сыграла свою роль в поступке Цукурса. Да, помог одной еврейке спастись, но не мог же он не принимать участия в расправах над ее соплеменниками, не мог.

Смерть в Монтевидео

СССР, не имевший после 1947 года дипломатических отношений с Бразилией, якобы сделал запрос через посольство Польши о выдаче Цукурса, но в экстрадиции отказали, Цукурс доказал бразильской прокуратуре, что всего лишь отвечал в полиции за транспорт. Этот эпизод, считающийся общеизвестным и повторяемый во всех публикациях о Цукурсе, как выяснилось, к реальности отношения не имеет.

Польский историк Хуберт Куберский недавно обнаружил в архиве польского МИДа переписку по этому поводу и любезно прислал мне скопированные им документы. Нота 517/34 от 25 января 1952 года, в ней посольство ПНР в Москве обратилось в МИД СССР с просьбой о предоставлении «материалов, подтверждающих преступную деятельность Цукурса». Просьба мотивировалась тем, что «Федерация еврейских обществ Рио-де-Жанейро ходатайствовала перед Министерством юстиции Бразилии о высылке военного преступника Цукурса». Но поскольку федерация не располагает изобличающими его документами, она попросила польское посольство истребовать их из СССР. «Кампания по его разоблачению и высылке поддерживается всеми прогрессивными организациями страны, в том числе Коммунистической партией Бразилии», — говорилось в ноте. Но этот, казалось бы, беспроигрышный аргумент не сработал. Ответ, датированный 19 июля 1952 года, гласил: «МИД СССР имеет честь сообщить, что компетентные советские органы не располагают соответствующими материалами о Герберте Цукурсе, которые могли бы быть переданы Федерации еврейских общин в Рио-де-Жанейро». Почему для формального ответа понадобилось целых полгода? Что это, обычная бюрократическая процедура или нежелание?

…Цукурс, разумеется, никак не мог играть ведущую роль в уничтожении евреев Латвии. Но его известность привела к тому, что ему эту роль многие приписывали и потому жаждали возмездия. Его нашли мертвым 23 февраля 1965 года в соседнем Уругвае, он был застрелен двумя выстрелами в голову в пригороде Монтевидео. На тело положили записку с упоминанием 30 тысяч убитых рижских евреев за подписью: «Те, кто не забыл». По официальной версии, Цукурс был убит на 65-м году жизни чудом уцелевшим евреем из Рижского гетто, в котором он потерял всю семью.

Впрочем, как выяснилось, дело обстояло несколько иначе. В феврале 1965 года в Сан-Паулу, где Цукурс открыл летную школу

и турфирму, с ним познакомился австрийский бизнесмен Антон Кюнцле и легко вошел к нему в доверие, представившись лейтенантом вермахта, раненным на Восточном фронте. Цукурс прокатил его на своем гидроплане над сельвой, и тот предложил инвестировать в местный турбизнес. Надеясь заработать, Цукурс отправился на очередную встречу с ним в столицу Уругвая. Там, на вилле, арендованной МОССАДом, его ждали сотрудники израильской разведки во главе с Кюнцле — Яковом Мейдаром, принимавшим участие в поимке Адольфа Эйхмана. В ходе завязавшейся драки он попытался выхватить пистолет, но не успел.

Можно допустить, что предполагалось его похищение и последующий суд в Израиле, но что-то пошло не так. Однако, как выяснилось из изданной в 2012 году книги израильских журналистов Йоси Мельмана и Дана Равива «*Spies Against Armageddon*» («Шпионы против Армагеддона»), с самого начала планировалось именно убийство. В 1964 году тогдашний директор МОССАДа Меир Амит дал указание разыскать и уничтожить Цукурса. С его слов, в новом судебном процессе не было необходимости, любой такой процесс показался бы ничтожным по сравнению с «делом Эйхмана». К тому же в Западной Европе стали уклоняться от задержания нацистов-преступников. Ликвидируя Цукурса, Израиль давал понять европейским правительствам, что если они сами не займутся ими, есть те, кто сделает это за них другими методами. И, представьте, это дало эффект — правительство ФРГ отказалось от планов свернуть судебные преследования нацистских преступников.

Цукурс похоронен в Бразилии. Правда, его почитатели ратуют за перезахоронение праха на Братском кладбище в Риге. Что касается Мириам, то о ее дальнейшей жизни и, вероятно, смерти мне ничего не известно.

Глава 14
«Акция закончена»

«Если у человечества еще нет лекарства от рака; если оно пока не осваивает Марс, если оно все еще не в силах победить голод и найти новые источники энергии, то это только потому, что те еврейские гении, которые должны были совершить все эти открытия, сгорели в печах Освенцима» (Эли Визель). Среди убитых узников Рижского гетто было 267 врачей, в их числе профессор Владимир Минц, в 1918 году оперировавший после покушения Ленина, сотни инженеров и ремесленников, торговцев и музыкантов, включая знаменитого скрипача Адольфа Меца, часто гастролировавшего в Европе.

Евреи, жившие до войны в Риге, и сами были европейцами. До меня это дошло только после того, как довелось поговорить с двумя выжившими узниками Рижского гетто — Валентиной Фреймане (в Берлине) и Маргером Вестерманом (в Риге). Им, понятно, за 90, но как же они следят за собой, как прекрасно одеты, как свободно говорят на нескольких языках и, представьте, вполне работоспособны! Честно скажу: уровень культуры встречавшихся мне прежде их ровесников, уроженцев местечек, был иным. Общей была судьба…

Ошибка Еккельна

Продолжу рассказ чудом выжившей во время второй «акции» Эллы Медалье (урожденной Гутман).

30 ноября она долго стояла в длинной, уходящей вдаль нескончаемой колонне евреев с узлами в руках, но до нее очередь не дошла, Элла попала в число «отложенных». Ее черед пришел 8 декабря 1941 года. Среди тех, кто гнал их к могиле, ей встречались знакомые лица — те самые, с улицы Вальдемара.

«На меня уставился главный палач Арайс. Лицо его было по-животному обезображено, звериным оскалом вывернуты губы, он носился от одной группы к другой, был страшно пьян от водки и безумен от крови. У меня вырвался рыдающий крик: „Я не еврейка!“ Меня всю лихорадило. Арайс небрежно отмахнулся и заорал: „Здесь все жиды! Сегодня должна литься жидовская кровь!“

Я побежала к немцам… Навстречу мне вышел из ряда какой-то важный, холеный эсэсовец, вероятно, предводитель акции. В нескольких шагах от него я выпалила на немецком: „Я не еврейка!“ — „Каким образом ты здесь оказалась?!“ — крикнул он. „Мой муж был евреем!“ — „Если врешь, девка, застрелим тебя завтра“. — „Нет! Нет!“ — Я замотала головой и заплакала… Эсэсовец скороговоркой приказал что-то шуцманам, мне принесли чье-то пальто».

Эллу отвели к машине, где сидели еще три женщины, утверждавшие то же, что и она. «Ждали мы недолго. Сгущались сумерки. В лесу все реже раздавался треск выстрелов, и наконец совсем стихло. Все кончилось. Доносились выкрики коротких команд. Палачи стали разъезжаться. Открылась дверь машины, и за руль сел Цукурс… Он включил свет и осмотрел всех нас. На какой-то миг он уставился на меня, наверное, опознал. Я вся сжалась от страха, вспомнив реплику, брошенную им однажды на кухне в их штабе: „Вы же совсем не похожи на еврейку, жили бы где-нибудь в городе, как все нормальные люди, или бы подались в деревню!“ …Но на этот раз Цукурс ничего не сказал, он включил мотор, и машина тронулась. Не знаю, почему он меня не выдал, может, пресытился кровью за длинный день непрерывных убийств».

Привезли к резиденции Еккельна в Старом городе. Допрашивал их сам Еккельн. Увидев белокурую Эллу, он решил, что она «истинная арийка», и отпустил ее.

…Честно говоря, рассказ Эллы Медалье вызвал у меня некоторые сомнения. Иногда выжившие излагали историю своего

спасения с такими чудесными подробностями, которые были далеки от реалий.

Ну, допустим, выдать себя за латышку у нее могло получиться. Блондинка, окончившая латышскую гимназию и педагогические курсы, она работала учительницей латышского языка в еврейской школе (в латышских школах евреи до прихода Красной армии не могли преподавать). Но как это ее, одну из многих тысяч жертв, привезли к высшему фюреру СС и полиции всего Остланда? Это ведь все равно что к Гитлеру или Гиммлеру… Как такое могло случиться?

В 1965 году еврейский активист, молодой инженер Давид Зильберман разыскал 52-летнюю Эллу Медалье и записал ее воспоминания. Из этих записей он составил книгу, которая долгое время ходила в рижском самиздате и была издана только в США, куда он потом эмигрировал. Мы познакомились с ним в Риге, где он каждый год проводит один летний месяц. Давид прекрасно помнит свою собеседницу полувековой давности и то, как она волновалась, рассказывая. Но это, конечно, ничего не доказывает.

Представьте, я нашел полное подтверждение ее рассказа. В материалах германского центрального ведомства земельных управлений юстиции по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. В документах уже упоминавшегося мною уголовного дела, читая которое я искал знакомые фамилии и, тыкая в документы пальцем, просил помощи переводчика.

Так вот, 21 июня 1961 года на допросе в прокуратуре бывший оберштурмбанфюрер СС Герберт Дегенхардт упомянул один запомнившийся ему эпизод. 8 декабря 1941 года в Румбуле одна из жертв, блондинка, закричала, что ее муж наполовину еврей, потому-то она и оказалась в Рижском гетто, откуда ее пригнали на расстрел. Женщину отвезли в Ригу, восемь дней продержали под арестом и отпустили, удостоверившись, что она к евреям отношения не имеет.

Допрашиваемый рассказал эту историю вскользь, демонстрируя следователю свою гуманность — если бы не он, ту женщину наверняка бы расстреляли. В протоколе допроса ей посвящено несколько строк. Дегенхардт не мог ничего знать об Элле Медалье, она начала делиться своими воспоминаниями лишь четыре года спустя.

Невероятное совпадение! Значит, Дегенхардт и был тот «важный холеный эсэсовец», которого Элла так хорошо запомнила. Добрый человек, приказавший принести ей чье-то пальто, владельцу которого оно больше не понадобилось.

Но сам-то Дегенхардт каким образом там оказался? И на этот

вопрос нашелся ответ. Оказывается, это Еккельн приказал ему отправиться на место расстрела в Румбулу, поскольку должен был прибыть туда сам вместе с рейхскомиссаром Остланда Генрихом Лозе. Направил его перед приездом начальства взглянуть, все ли там в порядке, чтобы не ударить в грязь лицом.

Они прибыли вместе — Еккельн и Лозе. Вместе подошли к яме, посмотрели, как все происходит. Дегенхардт в своих показаниях подробно описывает процесс казни по-еккельновски, цинично названной его шефом «укладкой сардин», когда жертв заставляли ложиться на тела уже расстрелянных. Лозе, по его словам, был шокирован. От увиденного его вывернуло наизнанку. «Так нельзя!» — сказал рейхскомиссар, резко развернулся, пошел к машине и отбыл восвояси.

Вероятно, это Еккельн пригласил Лозе в Румбулу, чтобы тот стал свидетелем его триумфа. Ведь рейхскомиссар выступал за сохранение жизни рижских евреев. Он не собирался ничего менять в порядках, сложившихся на оккупированных нацистами территориях до начала войны с СССР, где евреев отправляли в гетто и использовали как даровую рабсилу. Между прочим, суд по денацификации в Билефельде, перед которым Лозе предстал в 1948 году, признал это смягчающим вину обстоятельством. Его приговорили к 10 годам тюремного заключения, но выпустили на свободу спустя три года — по состоянию здоровья, позволившего, впрочем, ему протянуть еще целых 13 лет и умереть в своей постели.

Что касается Арайса, то в день капитуляции Германии он сжег свои документы и до ареста в 1975 году жил в ФРГ под фамилией жены, выдавая себя за ее брата, — видно, не особо его искали. В 1988 году умер в тюрьме.

Их было четверо

Поскольку все сомнения относительно достоверности рассказа Эллы Медалье рассеяны, есть смысл узнать поподробнее обстоятельства ее спасения. Вот как она их описывала Зильберману и позже — в интервью Фонду визуальной истории «Пережившие Шоа» 20 июня 1997 года.

Их в камере было четверо, привезенных с места расстрела. И только одна из них, действительно латышка, имела шанс на жизнь. В детском возрасте ее удочерила еврейская пара, так она оказалась с приемными родителями в Румбуле.

Можно себе представить их состояние той ночью и утром, когда дверь камеры отворилась, и в нее вошел эсэсовский генерал, имя которого им было прекрасно известно — Фридрих Еккельн.

Еккельн не спеша прошелся перед ними, изучающе оглядел каждую в отдельности.

— Объясните, каким образом вы оказались вчера на месте акции?

У всех троих был один и тот же вариант ответа: мы латышки, а мужья — евреи, и из-за них нас привезли на расстрел.

Первая стала рассказывать, что прежде была замужем за латышом, капитаном Скуей. Собственно, по этой причине ее и не расстреляли, кто-то из сослуживцев капитана ее опознал. Женщина зачем-то поведала Еккельну, что развелась с ним и вторично вышла замуж за еврея. Может, не скажи она об этом, все было бы иначе.

Немцы позвонили капитану Скуе, и тот, не колеблясь, ответил по телефону: «Эта женщина меня не интересует! Она жидовка, и можете делать с ней что угодно».

— Ну, а вы что можете сказать о своем пребывании вчера в столь неприятном месте?

Женщина из Либавы тоже ответила, что из-за мужа.

— Ну, а чем ваш муж занимался?

— Он был студентом, в Тартуском университете.

— И что он там изучал?

— Иудаику.

— Что, что вы сказали?

— Иудаику, иудейские законы, ну, что-то вроде раввина…

Еккельн брезгливо поморщился, скорчил гримасу, как от дурного запаха, и повернулся к своему сопровождающему:

— Раввин! Пакость какая!

И вынес приговор:

— Она слишком пропитана еврейством!

Назови она любую профессию, но только не эту, — и ее, быть может, не убили бы.

Наконец, дошла очередь до Эллы. Она сразу сказала, что они с мужем одноклассники.

— Да, мы уже в Германии встречались с подобными фактами, — заметил Еккельн. — Профессия вашего мужа?

— Бухгалтер.

Элла почувствовала, что Еккельн остался доволен ее ответами. И, повернувшись к сопровождавшему его эсэсовцу, сказал те самые слова:

— Мое чувство подсказывает, что она подлинная арийка!

Потом подошла очередь четвертой, сказавшей, что она была удочерена и что ее документы в архиве, и это убедило Еккельна в ее арийстве.

Он мог бы, конечно, направить ее на расовую экспертизу, чтобы с помощью циркуля специалисты определили истинность арийства. Но, видно, знал им цену — ведь никаких специфических признаков еврейства так и не было выявлено: ни состава крови, ни размера черепа, ни даже формы носа.

Вскоре после ухода Еккельна явились эсэсовцы и увели двух неверно ответивших женщин в одну сторону, а остальных — в другую.

В канцелярии Эллу снова допросили, самым трудным был вопрос, кто мог бы подтвердить ее происхождение, ведь документы, по ее словам, потеряны. Она назвала бывшую соседку по дому в Тукумсе Трине Гартмане и Перевоски — еврея, чьи документы были выправлены на поляка. Поручители помогли. Ей вручили аусвайс. Она больше не была еврейкой.

Правда, потом «дворничиха стала требовать, чтобы я прописалась, и когда я пошла в этот полицейский участок, оказалось, что они помнят… они тоже были участники… расстрела, потому что откуда они могли узнать, оказалось, что они помнят случай в лесу, и они мне говорят: „Как же, вы же были замужем! Почему же тут сказано, что вы незамужняя?“» Элле вновь удалось выкрутиться. Все же неприятности настигли ее вместе с новыми друзьями Нейманисами, арестованными по доносу как коммунисты, — Эллу, как и их, выслали в Германию. Но уже как латышку, не как еврейку.

Элла вернулась в Ригу, вышла замуж, сохранив в память о первом муже его фамилию. Со вторым мужем они прожили долгую жизнь и умерли в возрасте под 90. Остались дочь и внучка.

Ее история не могла пройти мимо известного рижского

кинодокументалиста Герца Франка. Работая над фильмом о Рижском гетто («Еврейская улица», 1992), он взял у нее интервью, где в присущей ему провокационной манере задал Элле Медалье довольно-таки дикий вопрос, не находит ли она свое поведение в Румбуле предательством еврейского народа. Ведь Элла отказалась от своей национальности. Вопрос этот настолько ее ранил, что долго не могла прийти в себя и отказала Франку в каком бы то ни было сотрудничестве.

И, по-моему, правильно сделала. А что, надо было гордо пойти на смерть со словами «Стреляйте в меня, я еврейка»? Сократить на единицу и без того ничтожное число выживших рижских евреев? Или же увеличить на одного человека жизнь народа, каждый второй из которого был убит? В моральном смысле она абсолютно права. Тем, что осталась жива, она нанесла ущерб злу. У нее был невероятно сильный противник, и Элла Медалье его одолела.

…Последний эпизод я рассказал еще и себе в назидание. Пытаясь создать правдивый рассказ, иной раз приходится затрагивать то, о чем лучше бы промолчать, да не всегда получается.

…Если есть вещи, лежащие за пределами человеческого сознания, то величайшая из них — это судьба. Та самая, что выбрала Эллу Медалье в числе тех немногих, кому суждено было избежать смерти. Но такие люди были, несмотря на убийственную тщательность, присущую нацистским злодеям. И то, что эти люди спаслись, говорит о том, что любое, безмерное, казалось бы, зло не абсолютно. И это хоть немного, но обнадеживает.

Притом что никто, наверное, не способен объяснить, как было позволено случиться тому ужасу, который случился в Риге 77 лет назад.

Адъютант

В то самое время, когда в Лиепае шел мюзикл о «трагической судьбе латышского летчика», на сцене Латвийской национальной оперы была поставлена опера «Валентина», посвященная судьбе Валентины Фреймане. Ее родители погибли в гетто, в тюрьме — молодой муж, сама она чудом пережила Холокост, скрываясь у знакомых, рисковавших ради нее жизнью. Когда писалась эта книга, Валентина жила в Берлине, там от нее я и узнал эту историю. Впрочем, она ее описала в своих мемуарах, но в устном исполнении звучала еще более впечатляюще. Я приведу ее рассказ с небольшими дополнениями, услышанными мною от Маргера Вестермана.

Одной из тех, кто помогал Валентине скрываться, была женщина по имени Тамара Дворкина, «женщина броской чувственной красоты, блондинка… с фарфоровыми голубыми глазами». 8 декабря в колонне смертников Тамару гнали в Румбулу, но ей удалось сбежать и спрятаться в каком-то подвале. Во время прочесывания домов после акции ее обнаружили полицейские.

«Ее заметил эсэсовец высокого ранга, один из руководителей акции. Им оказался Карл Егер… Вероятно, мужчину словно поразило молнией…» Было это при следующих обстоятельствах. Вместе с другими евреями, которых обнаружили на территории Большого гетто после акции, ее отвели на Старое еврейское кладбище, чтобы расстрелять. Тут-то она и попалась на глаза Егеру. Егер взглянул на часы и скомандовал: «Акция закончена». Расстрел не состоялся. Избежавших расстрела отправили в Малое гетто.

Ее же Егер перевез к себе домой. «Тамара жила у Егера как любовница, официально — прислуга. Он снабдил ее необходимыми документами».

Карл Егер, это имя было мне знакомо. Командир айнзатцкоманды, орудовавшей в Литве, часто упоминается в исторических трудах, поскольку составленный им отчет — «Отчет Егера» — наиболее точный из сохранившихся отчетов о деятельности айнзатцкоманд. За период со 2 июля до 25 ноября 1941 года, говорится в отчете, ликвидированы 136 423 еврея (46 403 мужчины, 55 556 женщин и 34 464 ребенка). Господин доктор (ему нравилось, когда к нему обращались так, а не по званию, он был доктором права) любил точность. Сохранилась его характеристика, где наконец-то я встретил слово «нордический», правда, безотносительно к характеру: «Рост высокий,

телосложение стройное, атлетическое. Внешний облик — нордический. Черты характера: открытый, честный, верный, надежный, скромный».

Я уже представлял себе, как он одной рукой перебирает кудри Тамары, а другой — подбивает цифры убитых ее соплеменников, но оказалось, это не тот Карл Егер, а другой — его полный тезка. Спаситель Тамары был моложе и пост занимал пониже, но не такой уж маленький — он был адъютантом Еккельна.

Но не мог же эсэсовский офицер открыто жить с еврейкой. Чтобы легализовать ее, он выправил документы на русскую фамилию, а потом приказал зависимому от него 60-летнему адвокату Дзенису фиктивно жениться на ней. Жила она по большей части у своего господина. «Тамара чрезвычайно боялась Егера и рассказывала, что человек этот не в своем уме, истеричный, с глубокими депрессиями, к тому же начал жутко пить». Впрочем, по рассказам Валентины, Тамара «думала, что Егер по своей природе бесчеловечным не был, потому так и мечется».

Формальный муж тоже был не сахар, к тому же иной раз (в дни, когда Егер был в отъезде и Тамара жила у него в квартире) тоже заявлял на нее требования. Как рассказал мне Вестерман, «Егер держал Дзениса за одно место», поскольку тот был замешан в нелегальном бизнесе по поиску припрятанных ценностей в бывших еврейских домах и квартирах.

В последующие годы, когда евреев в Риге уже практически не было, полиция все еще выслеживала скрывавшихся. Егер иногда в пьяном виде проговаривался о готовящихся рейдах, и Тамара, когда могла, предупреждала жертвы через работавших в мастерских евреев, оставленных в живых для обслуживавания немцев.

Возможно, Еккельн, сам пьяница, не пожелал иметь еще одного пьющего под боком и спровадил Егера в Прагу.

Тамара же после освобождения Риги была арестована за пособничество. Но, как ни искали следователи, вменить ей ничего не смогли, а придумывать, видно, не захотели. Нельзя же было отдавать под суд за одно только сожительство с эсэсовцем. В ее следственном деле есть приписка, что ввиду отсутствия достаточных доказательств ее дело передается не в суд, а в особое совещание НКВД, которое и приговорило женщину к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Уже в 1949 году Валентина встретила ее в Риге. В 1963 году Тамара добилась реабилитации и в 1968-м эмигрировала в Израиль, а оттуда — в ФРГ. Как говорили в Риге ее подруги, «уехала к своему немцу». Впрочем,

этот слух (о «своем немце») ничем не подтвержден. Что было с Егером после войны, не известно, мне, во всяком случае, не удалось найти его следов. Что же касается его однофамильца, «настоящий Егер» жил под своим же именем неподалеку от Гейдельберга, был арестован лишь в 1959 году и повесился у себя в камере.

Со слов Валентины, в Германии Тамара в очередной — четвертый — раз вышла замуж, в очередной — развелась и закончила свои дни в середине 10-х годов нынешнего века в комфортабельном доме для престарелых.

А могло быть так

Автор «Бездны» Лев Гинзбург встретился с ее персонажем — бывшим начальником зондеркоманды СС 10а Кристманом — через 20 лет после войны. Тот, естественно, ничего не помнил, пришлось писателю самому попытаться реконструировать, каким он был когда-то.

«И вновь я думаю о Краснодаре, о Кристмане и о том, почему, собственно, на каком основании в угловом розовом доме, в чужой стране, в чужом кабинете должен был восседать за длинным столом маленький тонкогубый человек с большими мясистыми ушами, и какой смысл, какое значение и какая польза в том, что он умел пронзать, просверливать собеседника взглядом — качество, которое в нем особенно ценило начальство и женщины… Сейчас такой „персонаж“ в такой форме — ерунда, кукла, бутафория, фигура из кинофильма или театральной постановки, между тем было время — перед ним трепетали и каблуками „выклацывали“, и личный повар Бруно пек ему торты, и на допросах в огромном его кабинете харкали кровью арестованные, а на третьем этаже, в верхней комнате, сидела, ждала вечера наложница Томка, и два пса у него было громадных, две овчарки…»

Эту длинную цитату я привел потому, что Лев Гинзбург встретился и с той самой Томкой, слушал, как она сокрушается: «…А сам имел жену в Германии, дочь-школьницу! Я узнала от Бруно, из разговоров, такой факт, что Кристман поехал в деревню на операцию, взял двух девочек, поиздевался над ними и расстрелял».

«…Передо мной стояла высокая, сутулая и немолодая женщина в черном пальто, повязанная платком, в больших зимних, похожих на мужские, ботинках, и во всем ее облике было что-то мужское, солдатское: большие, длинные руки, и грубые, красные пальцы, и широкий, почти солдатский шаг… Томка за свою службу у Кристмана (ведь она с зондеркомандой прошла до самой Италии) отбыла в свое время „срок“. Вот в чем, между прочим, состояла расплата за те годы, которые Томка провела вместе с Кристманом, хоть и не по своей воле, а все же провела, и за то, что пока там, в подвале, расстреливали ее сверстников и сверстниц, она в своей комнате на третьем этаже сидела, ждала возвращения Кристмана из подвала… Томка сидит напротив меня, жалкая коллаборационистка, мусор войны… Папироска у нее погасла, и сама она погасшая, усталая — измотал ее этот рассказ. И вовсе она теперь не Томка, а Тамара Даниловна».

А могло быть и так

«В апреле месяце 1943 года из города Риги прибыли большие крытые автобусы (два) в Саласпилский лагерь, и с ними приехали три человека офицеров СД, которые по прибытии в лагерь выгнали из барака всех молодых девушек и женщин и приступили к „просмотру“ последних. Отобрав наиболее красивых и сложенных по телосложению в отдельную группу, — произвели им медицинский осмотр, насильно (так же, как и отбирали) чисто одели в пальто и платье после расстрелянных евреев и отправили в Ригу в дом терпимости на Парковую улицу. О том, что все девушки были отобраны и направлены в дом терпимости, рассказала девушка Аболтиньш, которая бежала из этого дома и вновь попала в Саласпилский лагерь» (из показаний свидетеля Яниса Каулиньша на Рижском процессе).

Другие евреи

Из протокола судебного заседания. Еккельн (после допроса одного из свидетелей):

— Свидетель не доказал моего участия в ликвидации евреев. После декабря 1941 года я таких случаев не знаю.

Прокурор Завьялов не преминул выступить с иронической репликой:

— Наверное, евреев больше не было?

— Нет, евреи еще были. Но «другие». После акций 30 ноября и 8 декабря 1941 года в Большом гетто селились другие евреи — из Германии, Австрии и Чехословакии. На станцию Шкиротава в Риге стали прибывать железнодорожные составы с «евреями из рейха», которых предусматривалось уничтожить в Латвии.

Гитлер свято верил в существование «мирового еврейского правительства». В декабре 1941 года после вступления в войну США он по радио сообщил немецкому народу, что евреи манипулируют Рузвельтом, так же как и Сталиным.

В январе 1942 года рейхсфюрер поставил перед Еккельном задачу использовать освободившиеся площади Рижского гетто как этап для «дальнейшей эвакуации европейского еврейства на восток». Правда, из-за изменившейся ситуации на фронте отправить евреев дальше на восток было затруднительно. И тем не менее прибытие составов в Ригу продолжалось до декабря 1942 года — всего направлено 25 тысяч человек.

В 1942 году дважды — в июне и в декабре — вспыхивал конфликт в нацистском руководстве. Министерство транспорта дважды запрещало использовать железные дороги восточного направления для каких бы то ни было перевозок, не связанных с военными нуждами, — и оба раза по настоянию СС делалось исключение для депортаций евреев в лагеря смерти. Никто не хотел учесть хотя бы соображения собственной выгоды. Немецкой армии под Сталинградом был жизненно необходим каждый вагон с боеприпасами или пополнением, однако поезда и железнодорожные пути обслуживали решение «еврейского вопроса».

Вновь забегу немного вперед. «В феврале 1944 года, когда я, будучи раненым, находился на излечении в лазарете в городе Рига, Еккельн приезжал проведать меня в лазарет, — рассказывал на допросе 24 декабря 1945 года бывший командир 26-го полицейского полка Георг Вайсиг. — Тогда же в связи с прорывом Красной армии на Ленинградском фронте я сказал Еккельну, что скоро, очевидно, части Красной армии займут Ригу. На это он мне

ответил следующим: „Возможно, Красная армия и займет Ригу, но к тому времени евреев в Риге не будет“».

Покуда же уничтожение евреев было временно приостановлено. Еккельн по памяти цитировал на суде полученное в 1943 году письмо Гиммлера: «Имперский маршал Геринг включился в разрешение еврейского вопроса. Теперь можно расстреливать только тех евреев, о которых дает согласие Геринг… Маршал приказал, что евреи, которые работоспособны, должны быть проверены, могут ли они быть использованы в рамках германской промышленности. В будущем только те евреи могут подвергаться ликвидации, которые не подходят для работы». К этому моменту треть немецкой рабочей силы состояла из рабов.

Считается, что по сравнению с другими гетто Восточной Европы режим в Рижском гетто был помягче. Во дворах некоторых домов были даже огородики. В гетто была своя школа, для желающих читались лекции по литературе и истории, правда, рождавшихся в гетто детей охрана уничтожала сразу. Действовала синагога со святым ковчегом, где хранились свитки Торы. Евреи из Германии, исповедовавшие католицизм, имели свою молельню. Правда, их постигла та же судьба, что и их соплеменников, исповедовавших иудаизм: в Бикерниекском лесу в 1942 году были убиты 12 тысяч евреев из Австрии, Германии и Чехословакии.

Рижский Мясник

С января 1943 года комендантом Рижского гетто был Эдуард Рошман. 20 лет спустя это имя стало известным благодаря фильму «Досье ОДЕССА» (1974), где Рижского Мясника играл Максимиллиан Шелл.

Менее известна история одной из немногих выживших жертв Рошмана — Меира Левенштейна. Он попал последним в список тех, кого должны были доставить в так называемый штюцпункт и оттуда — в Румбулу на расстрел. Рядом с ним стоял мальчик по имени Румель, ему тоже выпал жребий. И вдруг из толпы к эсэсовцу Рошману бросился, громко рыдая, другой мальчик и стал умолять не разлучать его с братом! И — указал на Румеля.

Вот что случилось дальше. Рошман «…берет мальчика и ведет его к нашей шеренге и говорит: „Мы люди гуманные, братьев разлучать не собирались и не собираемся. — И тут же диким голосом кричит мне: — Абхауэн! (Убирайся!)“… Только тут мне все стало ясно — что вместо меня в колонну становится и отправляется на штюцпункт мальчик, который оказался братом Румеля, стоящего рядом со мной».

А что такое *ODESSA*, давшая имя картине? Это организация (*Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen* — Организация бывших членов СС), якобы основанная в конце Второй мировой войны эсэсовцами для спасения от возмездия. Была ли она на самом деле, а если и была, то так ли называлась, никому не известно. В документах американских спецслужб для обозначения системы маршрутов бегства нацистов из Европы применялся термин «крысиные тропы» (от англ. rat lines). Эти маршруты вели главным образом в Южную Америку.

Первым о существовании *ODESSA* рассказал знаменитый охотник за нацистами Симон Визенталь. Этот замечательный человек был — как бы поделикатней выразиться — большим любителем пиара. Скажем, он считался участником поимки Эйхмана, тогда как его роль в этом деле отрицалась руководителем операции, тогдашним директором МОССАДа Иссером Харелем. Американский адвокат Морис Мендельсон, представлявший его интересы до самой смерти клиента, тоже говорил мне об этой его черте. Но в этой истории она сослужила хорошую службу.

Весной 1971 года к Визенталю пришел Фредерик Форсайт, автор знаменитого тогда романа «День шакала», за информацией по организации ODESSA. В то время это была модная тема, всем интересная. И до советских читателей доходило — из-за

упоминания в каком-то из романов Юлиана Семенова о Штирлице.

Как рассказывает Том Сегев, автор биографии Визенталя, тот испытывал опасение, что после выхода романа Форсайта никто не поверит, что такая организация в действительности существует, чем боялся подорвать собственную репутацию. И тогда он придумал следующий ход: предложил Форсайту использовать в сюжете настоящего нацистского преступника и дал ему досье на Рижского Мясника.

Эдуард Рошман был взят в плен союзными войсками, в 1947 году был выпущен на свободу как военнопленный. Его ошибкой стал визит к жене в Граце, во время которого он был опознан бывшими узниками и арестован британской военной полицией. Однако ему удалось сбежать. Где он скрывался после побега, никто не знал. Визенталь надеялся, что книга приведет его к Рошману. Так оно и случилось. Только после выхода не книги, а фильма.

Зрители со всего мира стали присылать Визенталю сообщения о человеке, похожем на Рошмана. Естественно, оказывалось, что видели они человека, похожего на Максимиллиана Шелла. И все же по каким-то признакам один зритель в Буэнос-Айресе опознал реального Рошмана. В июне 1977 года он, посмотрев фильм, пошел в полицию и заявил, что Рошман живет на его улице. Тот и правда жил там под чужой фамилией, после бегства в 1948 году получив с помощью Красного Креста новый паспорт на имя Федерико Вегенера. Под этим именем он успешно эмигрировал в Аргентину через Геную. В июле 1977 года по просьбе гамбургского суда аргентинские власти выдали ордер на арест Рошмана. Тем не менее ему удалось бежать в Парагвай, где спустя две недели он умер от инфаркта.

Рижский портной

Модного рижского портного Бориса Рудова, как говорят, знали и в Лондоне, и в Берлине. По этой причине немцы оставили его в живых.

Рижские портные всегда славились. Леонид Утесов рассказывал, как в 1940 году, после присоединения Латвии к СССР, он приехал в Ригу и зашел в ателье заказать себе костюм. «Но учтите, — сказал он портному, — я в Риге всего три дня». — «Вы получите костюм завтра». — «Я хотел бы, чтобы новый костюм выглядел не хуже этого». Портной обошел вокруг артиста, осматривая каждый шов, каждую складку. «Кто вам шил это?» — «Поляков», — гордо назвал артист известнейшего московского портного. «Меня не интересует фамилия, я спрашиваю, кто он по профессии?» Костюм был готов к сроку и был выше всяких похвал.

Борис Рудов шил костюмы самому Еккельну. Но не мог же еврей его обшивать. Рудову выправили документы — он стал евреем только наполовину — и разрешили свободно ходить по улицам Риги. Другим оставленным до поры рабам из Малого гетто этого дозволено не было.

К слову напомню историю генерал-фельдмаршала Эрхарда Мильха. Тот был полукровкой, однако Геринг не позволил арестовать своего заместителя, заявив: «У себя в люфтваффе я сам решаю, кто еврей, а кто нет». В дальнейшем Мильху подправили биографию, объявив, что его настоящий отец — немецкий аристократ.

Американский военный трибунал осудил Мильха к пожизненному заключению. «Дело Рудова» не дошло до суда. В 1946 году ОСО назначило еврею-портному, чудом выжившему в гетто и концлагере, пять лет лагерей, а в 1951-м — добавило еще десять. А все почему? Еккельн на вопрос следователя об оставленных им в Риге агентах для отвода глаз назвал несколько первых попавшихся имен — помимо портного еще латыша-дворника Суну (крупные агенты!). Одного этого было достаточно.

Геринг не предавал Мильха, стало быть, ему, в отличие от Еккельна, не были вовсе чужды хотя бы какие-то человеческие чувства. Еккельн же использовал Рудова, пока тот был нужен, а потом за ненадобностью не только отрекся от него, но и пнул напоследок.

Секрет

После ликвидации в Румбуле Гиммлер выговорил Еккельну — на него поступили жалобы, что он не сумел обеспечить секретность операции. Дошло до Канариса, тот пожаловался фюреру.

«Расстрел евреев держали в секрете, — рассказывал в суде свидетель, эсэсовский судья Центрграф. — Но по делам, которые проходили через мой суд, видно, что о расстрелах солдаты часто писали домой в письмах».

Шила в мешке не утаишь, как Еккельн ни старался. А он старался. Это вначале ничего не скрывали, убивали открыто, а потом политика изменилась — запретили даже фотографировать казни. Это в Киеве можно было не церемониться с населением, а Рига — в большей степени Европа, там открытых убийств не допускалось. Однажды в 1943 году Центрграф слышал, как Еккельн инструктировал офицеров производить расстрелы евреев малыми группами, тем самым секрет в большей степени обеспечивается.

Но этого было мало. Следовало уничтожить все следы массовых казней. Эта задача была поручена уже известному нам Паулю Блобелю, шефу команды бреннеров, в чью задачу после Бабьего Яра входило вскрывать тайные захоронения, выкапывать и сжигать трупы убитых евреев. В ходе «Акции 2005» (так это называлось) немцы эксгумировали около 1,5 миллиона тел. В его команду входили опытные эсэсовцы, те, кто сами убивали. Черную работу делали смертники из близлежащих концлагерей и военнопленные. В зоне работы команды Блобеля категорически запрещалось появление без специального разрешения любого лица, хотя бы и высших чинов армии, полиции и даже СС.

Еккельн на следствии: «В январе 1944 года ко мне в Ригу прибыл штандартенфюрер СС Пауль Блобель. Лично от Гиммлера он получил совершенно секретный приказ о сожжении всех трупов расстрелянных нами евреев». На суде добавил, что при этом использовалась еврейская вспомогательная сила. На вопрос, что с ними после делали, ответил: расстреливали.

Евреи боялись этой работы больше всего, поскольку знали, что ее участники затем сразу же уничтожались. 9 апреля 1944 года начальник полиции безопасности и СД Латвии оберштурмбанфюрер Ланге выделил в распоряжение Блобеля 30 евреев из концлагеря Кайзервальд. В Румбуле, Бикерниекском лесу и других окрестностях Риги массовые могилы раскапывались, останки жертв сжигались, а обгоревшие кости

измельчались с помощью специальных костедробильных машин. Пепел просеивался, чтобы извлечь золотые зубы, обручальные кольца.

Вот еще напоследок цитата из поэмы американского поэта Чарльза Резникоффа «Холокост».

«Утром евреев построили в шеренгу, и офицер сказал им:

„Вы — евреи, недостойные жизни. Но пока вам предстоит поработать“.

Их загнали в грузовики, привезли в лес и приказали копать.

Один из них, откопав на две-три лопаты, наткнулся на что-то твердое и увидел, что это человеческая голова».

Памятник

Место расстрела узников Рижского гетто долгое время оставалось заброшенным и никому не известным. Дорога, по которой вели евреев на расстрел, и ямы успели густо зарасти. В 1962 году поиском занялась группа рижских еврейских активистов, в их числе был известный нам Давид Зильберман. Они расспрашивали местных жителей и нашли. В земле были людские косточки, детский ботиночек и сито — след мародеров, искавших «еврейское золото». Весной 1963 года сделали самодельный памятник — Маген Давид из колючей проволоки — и поставили его над могилой, через два дня он исчез, сделали снова — опять исчез.

В то время постоянным атрибутом советской пропаганды была публикация карикатур на сионистов в виде сочетания звезды Давида и свастики. Советское правительство относилось к Государству Израиль отрицательно. Пример тому — реакция на суд над Эйхманом, которому мировая пресса уделяла огромное внимание. «Правда» 30 мая 1962 года опубликовала информацию о приведении приговора в исполнение не на первой полосе, а в малозначительной рубрике «Вести из разных стран».

Об уничтожении евреев говорить было не принято, только — о «мирных советских гражданах». Справедливости ради надо сказать, что евреев не упоминали не только из-за антисемитизма чиновников. Акцент на евреев, по их мнению, как бы принижал страдания других народов.

Осенью 1964 года в Румбуле изготовили надгробный камень с надписью на латышском, русском и иврите — «Жертвам фашизма». Когда плиты были уже готовы, завод отказался их выдать. Сверху спустили приказ уничтожить надпись на иврите. Тогда активисты отправили телеграмму на имя Хрущева. Ему было не до того, его как раз снимали с должности, да и телеграммма никогда не дошла бы до главы государства. Тем не менее надпись в суматохе смены власти разрешили оставить, правда, велели добавить на камень изображение серпа и молота. Так и сделали.

Глава 15
Медицинская зоология

Свидетельствует доцент Латвийского университета Ольга Траумберг (допрос от 1 декабря 1944 го-да): «Весной 1943 года меня прикомандировали к Институту медицинской зоологии как энтомолога, чтобы читать латышским дезинфекторам на латышском языке лекции по вредным насекомым… Переводил еврей Гурвич, работавший в лаборатории… Вши воспитывались в лаборатории, и их кормил лаборант Гурвич».

Лаборант Гурвич

В 1941 году студент Латвийского университета Перси Гурвич и его уважаемая когда-то семья оказались в Рижском гетто. Отец, адвокат, был товарищем (заместителем) министра продовольствия в кабинете Керенского. 8 декабря 1941 года его родители, младший брат и первая жена были расстреляны в Румбуле. Он выжил и в 1943 году оказался в Институте медицинской зоологии при государственном комиссаре восточных областей, созданном «для дезинфекции организаций восточных областей».

И не он один. Свидетельствует Семен Пейрос (протокол от 22 ноября 1944 года): «18 февраля 1943 года я был отправлен администрацией гетто в Клейсты на работу в Институте медицинской зоологии. Прибыв туда, я застал там трех евреев из гетто, которые рассказали, что помимо общих работ по доставке дров, содержанию дома и двора в чистоте меня ждет главная работа, которая заключалась в том, что мы должны кормить вшей собой. И на самом деле на следующий день в восемь часов утра я должен был прибыть в лабораторию, где мне велели засучить рукава, к рукавам привязали восемь клеток, наполненных вшами, приблизительно 15–20 тысяч штук, и в течение 20–30 минут вши питались моей кровью. После чего сытые вши снимались».

Зачем это было нужно? Для прорыва в нацистской медицине. Вновь Ольга Траумберг: «Вши инфицировались возбудителями сыпняка, потом евреи кормили их три-четыре дня. Вши впоследствии убивались, в их внутренностях возбудители умножались в 2 миллиона раз, затем эти внутренности перерабатывались и из них вырабатывалась сыворотка». Для таких «научных» опытов институт всегда должен был располагать достаточным количеством живых вшей, которые могут жить, лишь получая свежую человеческую кровь.

«…Мы наносим им раны и сыплем туда опилки и толченое стекло;

удаляем кости, мышцы и нервы,

сжигаем их плоть, чтобы изучить ожоги при взрывах;

кладем яд в их еду, заражаем их малярией, тифом и другими болезнями

во благо германской армии».

Это вновь цитата из поэмы Резникоффа «Холокост». Поэма основана на материалах судебных процессов над нацистами. Среди материалов Нюрнбергского процесса есть «Дневник отделения исследования сыпного тифа и вирусов при Институте

гигиены войск СС».

«Так как опыты на животных не дают возможности получить достаточно полную оценку, эксперименты должны быть проведены на людях» (запись от 29 декабря 1941 года). «Испытания сыпнотифозных вакцин решено проводить в концлагере Бухенвальд» (запись от 2 января 1942 года).

«Различные вакцины, в частности от сыпного тифа, были применены на 392 заключенных, 89 составляли контрольную группу. 383 заболели, 97 умерли… Кроме того, были проведены испытания по „определению надежного способа заражения“ сыпным тифом путем инъекций свежей крови больных сыпным тифом различными способами» (из приговора Международного военного трибунала).

Делалось это так. Группе жертв сначала делались прививки сыпнотифозной вакцины, а затем их заражали вирусом сыпного тифа. Чтобы отчетливо выявить действенность вакцины, другую группу заключенных заражали только возбудителем тифа — без предварительной прививки. «Я должен сказать, что среди политических и военнопленных, использовавшихся для экспериментов, русских было большинство, — давал показания Альфред Балаховский, до войны — завлаб Института Пастера в Париже. — Это объясняется тем, что организм русских по сравнению с другими заключенными оказывал самую высокую сопротивляемость» (стенограмма заседания Международного военного трибунала от 29 января 1946 года).

Сенсация

В этой истории о «медицинской зоологии» не было бы ничего нового, если бы в обвинительном заключении Рижского процесса не содержалась абсолютно сенсационная вещь: «Институт медицинской зоологии культивировал размножение вшей и впрыскивание им возбудителей сыпного тифа с целью распространения эпидемии сыпного тифа в ряде оккупированных немцами областей и районов Советского Союза, а также лагерях военнопленных. Вскормленные таким образом вши использовались для впрыскивания им возбудителей сыпного тифа, а затем для умножения возбудителей в миллионы раз. Затем возбудители сыпного тифа Институтом гигиены СС отправлялись в оккупированные немцами области Украины, Белоруссии, Польши, лагеря военнопленных, где через некоторое время вспыхивали эпидемии сыпного тифа[11]».

Это ведь не что иное, как производство биологического оружия. Неужели? На чем же было основано это обвинение? И почему на Нюрнбергском процессе о нем ничего не говорилось? Больше того, нет этого и в приговоре Рижского процесса.

Гурвич в заявлении от 25 ноября 1944 года: «В 1943 году лаборантка института Анна-Мария Шлоте из Грейфевальда была отправлена по секретному распоряжению командира СС и гестапо во Львов в Серологический институт им. Бернича и оттуда привезла три стеклянные пробирки, наполненные возбудителями сыпняка. Путем впрыскивания эти возбудители вводились во внутренности вшей. Евреев заставляли кормить их, а через несколько дней вши убивались. Возбудители, таким образом, увеличивались в миллиарды раз и снова заключались в пробирки. Пробирки были отправлены в Институт гигиены СС на бульвар Кронвальда. Оттуда специальными курьерами пересылались дальше на восток. Вскоре в Институт медицинской зоологии поступали заявления из Белоруссии и Украины об эпидемиях сыпняка… Сыпняк служил удобным предлогом закрывать отношения с целыми областями и иметь там свободные руки для расправы с населением или заключенными».

Свидетельство Семена Пейроса от 22 ноября 1944 года: «Очень часто вши отправлялись охранником в Берлин к доктору Газе. Через некоторое время вши присылались из Германии обратно, помещались в особых помещениях, куда нам строго запрещалось заходить без провожатого. Однажды сопровождавший меня дезинфектор Лоссе сказал: „Если хочешь жить, то близко к вшам не подходи“. Вши в этом изоляторе

находились не более 24 часов, а затем их отправляли на аэроплане в Белоруссию, Украину и Эстонию». Теперь еще и Эстония, причем пробирки со вшами уже приходят не из Львова, а прямо из Берлина. Звучит не очень убедительно.

В своих воспоминаниях Семен Пейрос пишет об этом уже безо всякой уверенности: «По-видимому, центральный институт в Гамбурге занимался вопросами ведения бактериологической войны, а наш питомник служил лишь поставщиком насекомых-паразитов, распространителей массового поражения. Это, понятно, были только наши догадки».

Ссылка на свидетельские показания о возбуждении эпидемии тифа в лагере Саласпилс есть в копии отчета сотрудника МГБ ЛССР Владимира Известного от 17 января 1947 года, имеющейся в музее Холокоста в Вашингтоне. Проверить свидетельства ему не удалось — лагерные врачи, укрывшиеся на Западе, к ответственности не привлекались.

Что же касается Гурвича, то он впоследствии вспоминал только о разработке вакцины для вермахта. Историк Илья Альтман рассказывал мне, что Гурвич в его присутствии не раз отказывался от своих показаний относительно возбужденных нацистами эпидемиях тифа и говорил, что его показания в 1945 году написаны под диктовку следователя.

Альтман посоветовал мне обратиться к вдове Гурвича, но та ничего не припомнила и отослала меня к Петеру Штагеру из Германии, который поддерживал с Гурвичем дружеские отношения. Тот прислал мне немецкое издание мемуаров Гурвича: «Надеюсь, что Вам, уважаемый господин Симкин, это поможет». Не помогло — никакой новой информации по этому вопросу там не было.

Перси Гурвичу, как и другим подопытным, удалось выжить благодаря начальнику Института медицинской зоологии, приват-доценту Грайфсвальдского университета Фрицу Штайнигеру. Приказ расстрелять работников из гетто при приближении Красной армии он не выполнил. Напротив, предложил им бежать. Штайнигер и прежде проявлял себя с неплохой стороны. Он являлся еще и референтом по расовой теории, то есть в его обязанности входило измерение черепа заподозренных в еврействе. В 1944 году Штайнигеру было поручено проверить, семиты ли караимы (их община проживала в Прибалтике). В очередной раз — «караимский вопрос» и прежде поднимался. От ответа на этот вопрос зависела их судьба: если тюрки — будут жить, если семиты — нет. Штайнигер дал заключение, что караимы — тюрки.

Вернемся, однако, к Гурвичу, человеку, как говорится,

извилистой судьбы. Так случилось, что я разговаривал не только с его вдовой, но и с предыдущей — второй — женой (первая, как мы помним, погибла в гетто). Ею оказалась Валентина Фреймане, о которой я уже рассказывал. Она знала его с детства, они учились в одной гимназии. Собственно, там его знали все — он был гордостью гимназии. Перед любыми делегациями выступал с речами и стихами на древних языках. Перси был полиглотом — он знал 13 языков. После войны Гурвич окончил аспирантуру МГУ, защитил диссертацию и работал в Латвии.

Выживших тянуло друг к другу, а у них с Валентиной было много общего — у обоих погибли родители и супруги. Они поженились. Впрочем, брак был недолгим, что, по ее словам, спасло Валентину от ареста. В 1950 году, сразу после того, как уже бывший муж был арестован по политической статье, к ней приходили несколько раз, но, узнав о разводе, оставили в покое. Год спустя его осудили. За что? Как Гурвич рассказывал близким, он был репрессирован за высказанное вслух замечание, что газета «Правда» пишет неправду.

Историк из Латвии Индулис Ронис в 1990-х годах при поддержке тогдашнего генерального прокурора Яниса Скрастиньша скопировал множество документов из бывшего архива КГБ Латвийской ССР, и в их числе «дело Гурвича», арестованного 5 ноября 1950 года, 17 ноября 1951 года осужденного на семь лет Особым совещанием МГБ Латвийской ССР по статье 58–10 (антисоветская пропаганда) и освобожденного 8 июля 1954 года (досрочно). В деле, по словам Рониса, есть сведения о тесном сотрудничестве Гурвича с КГБ, о котором тот кому-то проговорился, что и послужило поводом для ареста. То же самое я слышал от Маргера Вестермана, называвшего Гурвича не иначе как авантюристом.

По уклончивому свидетельству Валентины Фреймане, ее бывший муж, «конечно же, так или иначе сотрудничал с КГБ — как и все, кто давал показания против военных преступников и коллаборационистов в послевоенные годы».

В любом случае репрессирован Перси Гурвич был незаконно и в 1968 году реабилитирован. Освободившись, он сумел оправиться и встать на ноги. После освобождения вернулся ненадолго в Латвию, где сумел устроиться лишь учетчиком в МТС, в 1956 году он уехал навсегда. Туркмения, Дагестан, Тула и наконец Владимир, где он 40 лет в почете и уважении возглавлял кафедру в пединституте. Почетный гражданин Владимира Перси Борисович Гурвич умер в 2011 году на 93-м году жизни.

Что же касается истории про биологическое оружие в Институте медицинской зоологии, то она вполне могла оказаться

изобретением следователей НКВД. Вшей во время войны разводить специально было особенно незачем, они и сами прекрасно плодились, заражая тифом и военнопленных, и невоеннопленных — всех подряд.

Между прочим, такое же обвинение предполагалось предъявить начальнику минской полиции порядка бригадефюреру СС Иогану Рихерду, осужденному на аналогичном Рижскому открытом процессе в январе 1945 года в Минске. Основанием явилось сообщение ЧГК от 30 апреля 1944 года о том, что они вместе с генерал-лейтенантом Куллмером Артуром «являются виновниками массового истребления советских людей путем заражения сыпным тифом». По мнению обнародовавшего этот документ историка Никиты Петрова, «обвинение вполне в духе 1930-х годов, и ничего более конкретного».

Мыло

«…Здесь вы увидите небольшой кусочек вполне готового мыла, которое по внешнему виду, уже пролежав несколько месяцев, напоминает, однако, обычное хозяйственное мыло. Я передаю его Трибуналу. — Помощник главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов на Нюрнбергском процессе предъявил судьям нечто бесцветное и бесформенное. — Можно считать доказанным, что опыты по промышленному производству мыла из человеческого жира были вполне завершены в Данцигском институте».

Сегодняшние историки вовсе не считают это доказанным. Питер Блэк из вашингтонского музея Холокоста на вопрос посетителей (они часто спрашивают об этом) отвечает категорически: «Нет, такого не было. Нет достоверных данных о том, что нацисты делали это, даже в качестве эксперимента». Помимо заявлений советской стороны, на Нюрнбергском процессе о мыле свидетельствовали два английских военнопленных, но, по словам Блэка, их показания противоречивы. Вообще-то он недоумевает: «Нацисты совершили огромное количество страшных преступлений, но почему-то мифы о производстве мыла, кожаных изделий и абажуров из человеческих останков захватили воображение людей».

Оказывается, слухи об изготовлении в Германии мыла из человеческих трупов, появившиеся в начале войны, основывались вот на чем. Аббревиатуру *RJF* на ящиках с мылом, производившимся в Германии, расшифровывали как *Reines Jüdisches Fett* — «чистый еврейский жир». Либо как RIP — «евреи, покойтесь с миром». В действительности она означала *Reichsstelle für industrielle Fettversorgung* (Государственное управление по снабжению промышленным жиром)[12].

История ГПБ

О необычной судьбе ученого-физика Язепа Эйдуса я узнал из недавней публикации в рижском журнале — главы из книги его воспоминаний. Рижанин, учившийся физике в Лондоне, в 1941 году решил отправиться в СССР, чтобы принять участие в войне с нацизмом. При помощи советского посла Ивана Майского добрался туда на военно-транспортном судне. Он оказался в Москве в самый неудачный день — 16 октября 1941 года, когда царила паника, в учреждениях жгли бумаги, а на шоссе Энтузиастов возникали пробки из машин и людей, бегущих на восток. У него было рекомендательное письмо академику Капице, но вместо научного учреждения Язеп отправился на фронт, записавшись добровольцем, — воевал в 201-й латышской стрелковой дивизии. После войны преподавал физику в Риге, а в феврале 1953-го был арестован как «английский шпион и еврейский буржуазный националист».

Изобличал Эйдуса рижанин, переживший гетто, обозначенный в публикации инициалами — ГПБ. По словам публикатора воспоминаний Бориса Равдина, он «с университетских лет обладал репутацией человека с авантюристическими наклонностями, фантазера, хвастуна, занимателя денег без отдачи, в определенных ситуациях — шантажиста… По его словам, по собственной инициативе стал секретным сотрудником МГБ… Что это было — хвастовство, жажда власти, неутолимое стремление распоряжаться судьбами людей… попытка предупредить окружающих, что на нем лежит клеймо?»

В 1947 году присущая ему чрезмерная разговорчивость привела к тому, что ГПБ перестал быть сексотом (секретным сотрудником). Свидетельство тому — сохранившееся в архиве письмо от 11 октября 1949 года, где он признает, что «в своей работе не соблюдал правил строгой конспирации», тем не менее он просит «восстановить с ним связь как с секретным сотрудником органов МГБ».

ГПБ был репрессирован в 1951 году, но вместо лагеря оставлен во внутренней тюрьме МГБ, а к началу 1953 года был этапирован в Москву для дачи показаний по «делу „еврейских националистов“», в числе которых был Эйдус. По делу о «сионистском заговоре» в феврале 1953 года был арестован и Иван Майский, после многочасового беспрерывного допроса признавшийся, что был завербован как британский шпион чуть ли не самим Уинстоном Черчиллем.

После смерти Сталина это дело утратило актуальность, и его спустили на тормозах. Но не отпускать же подследственных. В октябре 1953 года Эйдус был осужден к 10 годам — только уже не за шпионаж, а «всего лишь» за антисоветскую пропаганду, и освобожден только после XX съезда в марте 1956-го.

ГПБ освободили раньше — в 1954 году. И он, мучимый совестью, сразу написал в Верховный суд СССР письмо с признанием своих показаний по «делу Эйдуса» «ложными от начала до конца». Это случилось 29 декабря 1954 года, через две недели после того, как ГПБ освободили. «Я, едва получив свободу… добровольно подвергаю себя новым неприятностям». Какие неприятности он имел в виду? Вероятно, огласку его неблаговидной роли. И никак не суд за ложный донос — за него никого не наказывали, иначе пришлось бы слишком многих привлекать к ответу. Напомню слова довлатовского персонажа: «Мы без конца проклинаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — кто написал 4 миллиона доносов?»

Приведу наиболее характерные выдержки из письма ГПБ.

«Эйдус был подвергнут нечеловеческим пыткам, после чего он оговорил себя, признал, что он английский шпион и что он завербовал меня… Соответствующими протоколами было установлено, что как меня, так и его истязали».

После того как дело о «шпионаже» лопнуло, ГПБ по указке следователей переключился на обвинение Эйдуса в «антисоветской пропаганде».

«На допросе от 10 октября я „вспомнил“, что Эйдус однажды будто бы заявил, что „советским людям остается еще много учиться, чтобы дорасти до уровня среднего англичанина“. (В рамках кампании против низкопоклонства перед Западом это обвинение тянуло лет на 10 лагерей. — *Л.С.*) Кроме того, я показывал, что Эйдус хранит у себя антисоветские книги. Ни того, ни другого и в помине не было, но я вошел в азарт, чтобы только участвовать в разоблачении настоящего шпиона. Ведь на протяжении двух лет я был использован органами МГБ по разоблачению целого ряда лиц, которые все оказались липовыми шпионами. (Когда оговаривал других, в обвинения не верил, а теперь вдруг поверил. Вряд ли ГПБ тут полностью искренен. — *Л.С.*) Эти же ложные сведения я подтвердил перед судом военного трибунала МВО».

Выжить любой ценой — вот, пожалуй, главное, что двигало этим человеком. Он был просто-таки заточен на выживание. Не желая быть жертвой, сумел приспособиться и поладить с палачами. Плюс к тому стремление продемонстрировать свою

значимость. От слова «сексот» люди вздрагивали, принадлежность к ним тщательно скрывалась, а он, рискуя, таким образом показывал власть, с тем чтобы собеседник испугался. А может, напротив, предупреждал об опасности, подавал знак — замолкайте, мол?

ГПБ сохранил себя в гетто, а напора сталинской системы не выдержал, сломала она человека. Впрочем, позже он встал на ноги, что лишний раз подтверждает правоту известной максимы Корнея Чуковского — «В России надо жить долго».

Глава 16
Смерть митрополита

4 сентября 1943 года Сталин вызвал в Кремль высших иерархов русской церкви — митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) и митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича). Не меньше двух часов продолжалась историческая встреча. Историческая — оттого что на ней вождь разрешил восстановить на Руси патриаршество. Но разрешить — полдела. Избрать патриарха мог лишь Архиерейский собор, да где ж взять архиереев — иных уж нет, а те далече.

«А почему у вас нет кадров?» — согласно церковной легенде, спросил Сталин, в упор глядя на своих собеседников. Испытывал. Знал, что кадры давно в лагерях. Но не скажешь же это в лицо тому, кто их туда и запрятал. Нашелся митрополит Сергий: «Кадров у нас нет по разным причинам. Бывает и так, что мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза…» Довольная усмешка тронула уста вождя, и он приказал присутствовавшему на встрече чекисту Карпову, будущему председателю Совета по делам религий, проявить «большевистские темпы» в созыве Архиерейского собора. Спустя несколько дней наспех собранные из лагерей и ссылок архиереи избрали митрополита Сергия (Страгородского) патриархом.

К началу войны в списке правящих архиереев значилось четыре иерарха, имевших регистрацию в качестве «служителя культа», двое из них по имени Сергий. Одним из четырех епископов Московского патриархата на территории СССР был митрополит Виленский и Литовский Сергий (Воскресенский). Вообще-то он тоже должен был быть на той кремлевской встрече, кабы к тому моменту не был отлучен от церкви. Но обо всем по порядку.

«Второе крещение Руси»

После того как по договоренности с Германией в состав СССР вошли «республики советской Прибалтики», 24 февраля 1941 года в Риге к своим обязанностям приступил новый экзарх Латвии и Эстонии, митрополит Виленский и Литовский Сергий (Воскресенский).

Если бы не поправка на время, можно было бы сказать, что недавний послушник Данилова монастыря Дмитрий Воскресенский, постригшийся в монахи в 1923 году, сумел сделать блестящую карьеру. К 40 годам — в 1937-м — достиг сана архиепископа и получил должность управляющего делами Московской патриархии. В 1941 году он уже митрополит Сергий (Воскресенский).

В Ригу Сергия послали восстановить в Прибалтике власть Московского патриархата (церкви Эстонии и Литвы к тому моменту перешли в подчинение Константинополю). 24 февраля 1941 года в Риге приступил к своим обязанностям митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. Естественно, представители местного духовенства поначалу восприняли его как большевистского агента. Каково же было их удивление, когда перед приходом немцев митрополит не подчинился приказу и не уехал в эвакуацию, спрятавшись в крипте рижского кафедрального собора Рождества Христова. Вероятно, у этого поступка были разные мотивы, включая желание остаться в трагическое время с паствой. Однако в послании митрополита к новым властям было сказано иное: «Наш долг теперь — всеми силами свободного существа, искренностью своего гражданского долга оказать всяческое содействие и помощь нашей освободительнице в дни освобождения не только шестой части мира, но всего культурного человечества от гнойника безбожного коммунизма, дабы не вдохнули люди растлевающей заразы дыхания зверя и его лжепророков».

Посланию предшествовал вызов в СД, где митрополит предъявил послужной список и написал объяснительную записку о своих антикоммунистических взглядах и о том, что за короткое время пребывания в Прибалтике «не имел никаких сношений с властями». По некоторым сведениям, провел четыре дня под арестом. Но в конце концов немцы ему поверили, еще и потому, что сотрудники НКВД при бегстве оставили свой архив в Ковно — там обнаружились документы о слежке за экзархом.

В начале июля 1941-го, спустя несколько дней после прихода немцев, в Рижском кафедральном соборе прошло первое

благодарственное богослужение, митрополит выступил с проповедью, где призвал к борьбе против большевизма и, разумеется, «жидовства». В конце июля его воззвание к православным с тем же призывом сбрасывалось немецкими летчиками в виде листовки по ту сторону фронта. 20 апреля 1942 года, в день рождения Гитлера, Сергий провел праздничное богослужение, подробности которого на следующий день живописала газета «Тевия»: «После службы Сергий обратился к собравшимся с речью, в которой призвал христиан… благодарить Господа за то, что Он создал такого гения, который освободил как вас самих, так и всю Европу от ужасной большевистской тирании…» Молебны о даровании победы германской армии в храмах Прибалтики служили с самого начала оккупации.

В октябре 1942 года та же газета опубликовала статью: «Митрополит Сергий отвечает Москве. Тяжелое обвинение большевизму». Речь о воззвании Местоблюстителя Патриаршего престола Сергия (Страгородского), согласно которому «церковь Христова благословляла всех православных на защиту священных границ нашей родины». Немцы разрешили Сергию оставаться в каноническом послушании Московской патриархии и возносить за богослужением имя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), но в такой ситуации от него требовалось высказаться. «Думая о нем, у нас болит сердце, — писал Сергий, — так как видим, что большевики заставили его публично отрицать свою внутреннюю убежденность. Зная его много лет, мы прекрасно понимаем, ценой каких ужасных моральных мук большевики выжали из него неправду».

В уже упоминавшейся записке в СД митрополит дал довольно-таки подробное описание положения дел в Московской патриархии, которая «существовала, по мысли большевиков, рекламной целью для доверчивых иностранцев». По его словам, патриарший Местоблюститель «сравнивал наше положение с курами в садке кухни повара. Приходит день, и из садка выхватывается следующая жертва». Сам Сергий после революции и до 1931 года арестовывался шесть раз и от недели до нескольких месяцев проводил под арестом по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», правда, до лагеря дело не доходило.

В декабре 1942-го в другой оккупационной газете — «За родину» — фотография Сергия была опубликована с шапкой: «От имени Русской православной церкви. Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы». С той поры он не раз выступал с призывами к православным поддерживать

германскую армию, подчеркивал, что только разгром большевизма в Советском Союзе поможет сохранить Русскую православную церковь. И, похоже, делал это искренно. В проповеди 14 марта 1943 года в Рижском кафедральном соборе он, в очередной раз поблагодарив немецкую армию, вернувшую церкви свободу, призвал все силы направить на помощь Германии: «Теперь не время рассуждать о том, как бы следовало устроить в будущем нашу… жизнь. Когда горит дом, люди не спорят о том, как им лучше и удобнее расположиться в комнатах после пожара. Они просто тушат огонь».

И, представьте, несмотря на все это митрополит Сергий остался в анналах русской церкви. О нем хорошо отзываются в церковных изданиях, он — в числе героев одобренного патриархией фильма Владимира Хотиненко «Поп». И все потому, что в августе 1941 года направил в Псков группу собранных им священников — «православную миссию в освобожденных областях России», впоследствии получившую широкую известность как Псковская миссия.

Специальное разрешение на создание миссии дал рейхскомиссар Лозе. Им было выпущено «указание о деятельности религиозных общин», ужасно напоминавшее советские инструкции на ту же тему, почему-то именовавшиеся «законодательством о религиозных культах». Был установлен похожий на советский порядок регистрации приходов, наложен полный запрет на все виды деятельности, кроме отправления культа, да и тот поставлен под контроль администрации — на этот раз германской.

К началу войны в Псковской и Новгородской епархиях практически все духовенство было уничтожено. Благодаря Сергию началось, как пишут церковные историки, «религиозное возрождение на страждущей от неимения храмов земле». Были открыты закрытые большевиками церкви. До войны на территории миссии было два, а к концу оккупации — больше 200 приходов, в которых служили 175 священников, в том числе те, кого выпустили из заключения перед войной или снявшие с себя сан. Заговорили о «втором крещении Руси».

Сводки немецких властей совпадали с данными советской разведки о переполненных верующими храмах и многотысячных крестных ходах. Священники Псковской миссии только в 1941 году окрестили 50 тысяч детей. Всего за три года оккупации было открыто 7405 православных храмов, восстановлено более 40 % дореволюционного количества церквей, воссоздано 60 монастырей. Правда, перед отступлением часть их оккупантами была сожжена и разрушена.

Естественно, по отношению к «еврейскому вопросу» Псковская миссия занимала официальную позицию. К первой годовщине с начала войны она предписала всем приходам провести «молебствование о даровании Господом сил и крепости германской армии и Гитлеру для окончательной победы над жидобольшевизмом».

Собственно, открытие немцами на оккупированной территории церквей во многом привело к тому, что второй раз их уже не решились закрывать. И отношение Сталина к церкви изменилось не без влияния всего этого. Так что Сергий сыграл роль в восстановлении патриаршества, возможно, не меньшую, нежели участники встречи с вождем.

У читателя может возникнуть вопрос: при чем тут наше повествование? А при том, что, читая материалы Рижского процесса, я обнаружил: в числе прочего Фридрих Еккельн обвинялся в организации убийства этого человека.

Обстоятельства убийства

2 мая 1944 года в газете «За родину» было опубликовано официальное сообщение: «Митрополит Сергий, который находился в пути на церковную конференцию в Риге, вместе с сопровождающими убит 29 апреля 1944 около 11 часов на дороге Вильнюс — Каунас… Убийцы, переодетые в форму немецкого вермахта, следовали за машиной экзарха и обстреляли жертвы из немецких и советских автоматов. Неподалеку от места преступления найдена убитая девушка — случайная свидетельница происшедшего».

«Вместе с сопровождающими». Кто был в машине помимо владыки, направлявшегося на церковную конференцию в Ригу? Что ни персонаж, то судьба.

Его водитель Петр Яковлевич Кулаков — в недавнем прошлом советский летчик, участник советско-финской войны, где за храбрость был награжден орденом Красного Знамени, что по тем временам было большой редкостью. А уж то, как он обошелся с этим орденом, вообще было невероятным поступком… День авиации — 18 августа 1940 года, воздушный парад в Тушино. Кулаков, участвуя в нем, нарушил дисциплину и совершил лихой трюк, за что, натурально, был подвергнут дисциплинарному взысканию. И вот что было дальше: «Старший лейтенант Кулаков в ответ на принятые к нему меры за нарушение Наставления по производству пилотажа 18.08.40 во время воздушного парада 21.08.40 принес командиру эскадрильи орден и орденскую книжку, заявил: „Возьмите, он мне больше не нужен“». Как он оказался на оккупированной территории? Воевал Кулаков хорошо, 5 сентября 1941 года он, заместитель командира эскадрильи, в паре с другим летчиком сбил мессершмитт, а 5 декабря 1941 года перелетел на своем самолете И-16 через линию фронта в Гатчину, на сторону врага, забрав с собой, как написано в документах, «сожительницу». Он всюду возил владыку и был ему очень предан.

Не менее уникальна семейная пара, на свое несчастье напросившаяся в машину к митрополиту в Вильнюсе, — Иннокентий Фокиевич Редикульцев с женой Марией Михайловной. Солдат колчаковской армии в Гражданскую, затем — протодиакон храма Христа Спасителя в Москве, где служил с обновленческим митрополитом Александром Введенским (тем самым, что участвовал в диспутах с Луначарским). После закрытия и разрушения храма пел в Большом театре, а с началом войны, оказавшись на оккупированной территории, каким-то

образом попал в Германию, а оттуда в Литву.

Вот в какой необычной компании ехал в Ригу митрополит Сергий в последний день его жизни. Он возвращался из Вильнюса, где принимал первый выпуск созданных им пастырско-богословских курсов, и торопился в Ригу на похороны друга, знаменитого оперного певца, эмигранта Дмитрия Смирнова (1882–1944). Его сравнивали с Собиновым и Карузо, с первым — он пел до революции в Большом, со вторым — в Нью-Йоркской Метрополитен-опере.

Отпевали их в один день — новопреставленных рабов Божьих Димитрия и митрополита Сергия, которому, как сказано в газетном репортаже от 5 мая 1944 года, «Москва ответила десятью пулями на обочине шоссе» за то, что он «показал всему миру незагримированное лицо большевизма».

Немцы провели расследование, но виновных не нашли, если вообще искали. В официальном извещении СД говорилось, что на пункт выдачи топлива для нужд германских вооруженных сил в Вильнюсе явились четверо мужчин, вооруженные пистолетами, — трое в форме вермахта и один в гражданской одежде — и «присвоили 90 литров бензина и машину *Opel*». Преступники говорили с охраной (ее заперли в туалете) на немецком с иностранным акцентом, а между собой — на русском и польском языках.

Признание

В материалах дела ничего нет ни об обстоятельствах убийства, ни об исполнителях — только признание Еккельна. Насколько это признание было искренним? По воспоминаниям Крупникова, «на Еккельна в этом случае не оказывалось никакого давления, его допрашивали на другую тему, и обергруппенфюрер СС вдруг сам, по своей инициативе, рассказал об убийстве владыки».

С чего бы это ему самому рассказывать? Грутупс уверяет, что Еккельна вынудили дать показания об убийстве Сергия под угрозой, относящейся к его жене. Подтверждения этому я не нашел, правда, согласно заполненной Еккельном на Лубянке анкете арестованного, его 38-летняя жена также числилась под арестом. Вероятно, ее освободили вскоре после окончания процесса. Известно, что Аннемари Еккельн возвратилась с детьми в Брауншвейг, где жила до своей кончины в 1993 году.

В протоколе допроса от 31 декабря 1945 года все выглядит именно так, как пишет Крупников. Но есть одно «но»: как он сам вспоминал, его привлекли к участию в процессе только в январе.

— Кто из видных политических деятелей и интеллигенции Латвии, Литвы и Эстонии был уничтожен подчиненными вам органами СД и гестапо?

— Я не могу вспомнить расстрелянных нами политических деятелей… за исключением одного случая.

Этот случай Еккельн описывает следующим образом.

— Начальник СД и гестапо Остланда Шталекер имел книжечку в темно-красной обложке, в которой были перечислены все антифашисты, советские активисты и коммунисты в СССР, в том числе в Латвии, Литве и Эстонии. Причем особо опасные для нас люди были в этой книжечке отмечены крестами, что означало необходимость их немедленного расстрела. Эту книжечку Шталекеру выдал Гейдрих согласно приказу Гиммлера.

На суде Еккельн уточнил, что это была за «красная книжечка»: «Еще до начала войны в Берлине я видел изданную полицией красную книжечку, где перечислялись все политические деятели России. По этой книжечке работала СД и старалась задержать этих коммунистических руководителей. Но это было еще до моего прибытия в Прибалтику».

Это объяснение выглядит более убедительно, чем первое. Речь шла об изданных перед оккупацией материалах, где в числе представителей советской номенклатуры в Прибалтике мог быть перечислен и митрополит, приехавший в Ригу вместе с Красной

армией. Вот только вряд ли это имело непосредственное отношение к его убийству.

Правда, что касается пометок Шталекера в виде крестов, такое вполне могло быть. Этот палач, приятель Эйхмана, любил рисовать гробы на донесениях с указанием убитых евреев. Известен случай, когда Шталекер приложил к своему докладу Гиммлеру красиво оформленную карту, где на каждом районе значилось число убитых с условным знаком в виде гробов. Но и тут есть одно «но». О какой «необходимости немедленного расстрела» могла идти речь, если к моменту убийства митрополита Шталекера уже больше двух лет как не было на свете? Он сам стал жертвой собственной тактики террора — при столкновении с партизанами в Ленинградской области получил тяжелое ранение и умер по пути в Прагу 23 марта 1942 года. (Между прочим, в его свите был Герберт Цукурс.)

Читаем протокол допроса дальше. «Митрополит Сергий, как антифашист (!), находился давно под наблюдением СД и гестапо. Однако у нас не было прямых улик, изобличающих в этом митрополита Сергия». Еще Еккельн сообщил, что «видел приказ Кальтенбруннера, из которого следовало, что Сергий должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на советских партизан. Так и было сделано фактически. Когда митрополит Сергий в марте или апреле 1944 года проезжал на легковой машине по дороге из Каунаса на Вильно, он вместе с его шофером был убит из автомата сотрудниками СД и гестапо, а наши газеты написали, что это было сделано якобы советскими партизанами».

…Передо мной выпуск оккупационной газеты «За родину» от 3 мая 1944 года. «Убийство сталинскими опричниками митрополита Литовского и Виленского прибавило еще одно имя к списку тех жертв, которых большевики убрали с дороги… совершенно не считаясь с тем, что эти люди проживали за пределами сталинской сатрапии… Митрополит Сергий… резко выступал против большевизма и особенно против лицемерия советского правительства». В другой газете — «Тевия» — отчет о пышных похоронах погибших, там же объявление о «награде в 10 тысяч рейхсмарок за указание убийц».

На суде Еккельн поделился новыми воспоминаниями на этот счет: «Когда я в 1943 году был один раз у Гиммлера, то Гиммлер высказался, что, по-видимому, митрополит Сергий играет крупную политическую роль, и спросил, что мне известно об этом. Я передал Гиммлеру, что мне начальник СД сообщил, что митрополит Сергий находится под надзором. Гиммлер сказал, что это очень опасный человек и надо быть настороже. Вскоре после

этого пришло распоряжение для СД устранить митрополита Сергия».

Насколько искренен Еккельн? Могло ли такое быть? Прецеденты такого рода случались.

Еккельн на одном из допросов поведал, как в его бытность в Киеве «по приказу Гитлера и Гиммлера» был устроен взрыв Киево-Печерской лавры и о том, как «нами распространялись слухи, что это дело рук коммунистов».

История с взрывом Успенского кафедрального собора Киево-Печерской лавры — довольно-таки темная. У нас всегда считалось, что уничтожение храма — дело рук фашистских захватчиков. Только после того как открылась история с Крещатиком, многие стали сомневаться. Тем не менее этот взрыв на совести оккупантов. Правда, сделано все было при помощи советских мин, которые были найдены немцами в лавре. 3 ноября 1941 года по приказу Коха они привели их в действие и уничтожили Успенский собор, успев до этого вывезти оттуда все ценности. Об этом со слов Геббельса пишет в своих мемуарах министр вооружений Альберт Шпеер. Еккельн, по некоторым сведениям, руководил взрывом, во всяком случае, был к операции причастен.

Интересно, что взрыв произошел во время визита в собор словацкого премьера Йозефа Тисо, причем немцы инсценировали покушение партизан на него. По словам очевидцев, у одного из «ликвидированных диверсантов», одетого в солдатскую гимнастерку, была обнаружена ложка в сапоге. Судя по всему, в их роли выступили военнопленные из устроенного на территории лавры концлагеря.

Как полагают многие церковные историки, митрополит Сергий заплатил жизнью за свою независимость. Он начал утрачивать доверие оккупационных властей после избрания в Москве патриархом Сергия (Страгородского). Хотя он и высказался о новой церковной политике в СССР как о «новом рекламном трюке советского правительства, предназначенном для западных союзников», тем не менее отказался осудить патриаршие выборы и выступить с публичным заявлением о недействительности избрания патриарха. Больше того, дал распоряжение поминать на богослужениях всех православных патриархов, независимо от запрещения немцев поминать новоизбранного. Вплоть до своей гибели он продолжал признавать каноническое подчинение Москве.

«Митрополит Сергий… был убит немцами, которые подозревали в нем предателя и агента Москвы, — говорится в заключении 2-го управления НКГБ СССР о результатах проверки

материалов по делу об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского), составленном 10 августа 1944 года в Вильнюсе. — Убийством преследовались две цели: с одной стороны, освободиться от митрополита Сергия как не внушающего доверия, а с другой — использовать факт убийства для очередной провокации и клеветы на советскую власть».

Что касается обоснованности подозрений немцев, то можно упомянуть и то, что генерал Судоплатов впоследствии вспоминал, как митрополит «содействовал внедрению двух молодых офицеров НКВД в круг церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории». Эти сведения, правда, ничем не подтверждены, в отличие от постоянных связей митрополита с полицией безопасности и СД.

Совсем недавно были обнародованы документы, обнаруженные смершевцами в ноябре 1944 года в Троице-Сергиевском монастыре в Риге — архиве канцелярии экзарха. Его не успели сжечь, хотя должны были. Эти документы не были приобщены к уголовному делу на сотрудников Псковской миссии, хранились в органах НКВД — НКГБ и до 2016 года оставались никому не известными. Между тем из них прямо следует, что митрополит и миссионеры-священники сотрудничали с оккупационными властями, ряд из них на постоянной основе сообщали в СД сведения о партизанах. В архиве канцелярии экзарха сохранилось донесение в СД о неудавшейся попытке советской разведки (некоего майора Кудрявцева) установить связь с Сергием. Было там и частное письмо, где Сергий описывал свою теплую встречу с генералом Власовым: «Он нижегородский семинарист, а потому много нашлось общего в чисто церковном мире». Митрополит Сергий и генерал Власов, как писал корреспондент одного из эсэсовских изданий датчанин Томсен, могли бы стать «двуглавым вождем русского освободительного движения».

«Я полагаю, что причиной убийства послужило то, что немцы перестали доверять митрополиту Сергию… Должен сказать, что СД начиная с конца 1943 года перестало давать пропуск на проезд митрополиту Сергию на территорию РСФСР, оккупированную немцами», — рассказывал на допросе в НКВД арестованный после прихода Красной армии начальник Псковской миссии протопресвитер Кирилл Зайц.

Чудотворная Тихвинская икона Божией Матери — одна из самых известных православных святынь, по преданию, написанная евангелистом Лукой. В конце XIV века икона исчезла из храма в Константинополе и тогда же явилась на Руси в маленьком городе Тихвине. Там для нее возвели храм. Немцы

вошли в Тихвин в ноябре 1941 года, но уже через месяц отступили, прихватив с собой чудотворную икону. В газете «За родину» от 5 марта 1943 года напечатана фотография, запечатлевшая момент передачи Тихвинской иконы начальнику Псковской православной духовной миссии протоиерею Кириллу Зайцу. В феврале 1944 года в связи с наступлением Красной армии ее вывезли из Пскова в Ригу, по просьбе митрополита Сергия икону поместили в кафедральный собор, где она и пребывала до августа. Оттуда епископ Иоанн (Гарклавс) увез ее с собой в эмиграцию, вначале в американскую зону оккупированной Германии, потом в Америку. Только спустя шесть десятков лет странствий, в июле 2004 года, икона была возвращена в родной Успенский собор в Тихвине.

Справедливости ради надо сказать, что не только у немцев, но и у советской разведки были свои счеты к Сергию. В секретной переписке созданного в сентябре 1943 года Совета по делам Русской православной церкви он именуется «отлученным от церкви изменником родины». Москве наверняка были известны слова Сергия: «Сталин не Савл и Павлом не станет».

Так что существует вероятность того, что убийство митрополита было совершено советскими партизанами. В ее пользу — свидетельство рижского священника Николая Трубецкого, отсидевшего в лагере 10 лет за причастность к деятельности Псковской миссии. Отец Николай утверждал, что встретил в заключении бывшего партизана, который сообщил ему о своем участии в убийстве экзарха, совершенном по приказу советской разведки.

Ни одно из приведенных свидетельств не подтверждается архивными документами. А в материалах дела, как я уже говорил, об этом ничего нет.

Глава 17
Новый человек из нее не получился

Перед Еккельном был пример самого Гиммлера, чья любовница Хедвига Хесхен Поттхас — юная сотрудница секретариата рейхсфюрера — подарила ему двух дочерей (в 1942 и 1944 годах). Партийное руководство не только посмотрело на это сквозь пальцы, но и выделило рейхсфюреру СС 80 тысяч марок, на которые Гиммлер построил для Хедвиги с детьми домик у озера Кенигсзее. Соответствующее распоряжение подписал рейхсляйтер Борман, чьи семейные и внесемейные обстоятельства уже известны читателю.

Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. «Простым» генералам формально следовало соблюдать правила семейной жизни. К тому же в СС существовал кодекс чести, соответствие которому отражалось в служебных характеристиках.

Письма

Домик на берегу (не озера, а Рижского залива) был у семьи Еккельна. По настоянию Аннемари в 1943 году семья покинула квартиру в Брауншвейге и временно переехала в Ригу, в городскую квартиру на Стокгольмской улице, 5/37, и одновременно располагала летним домом с видом на Рижский залив. Сын Рейнхард посещал школу в Риге и занимался с инструктором верховой ездой. Тот самый Рейнхард, который отказался встречаться со сводной сестрой. В 1980-е годы по предсмертной просьбе матери он высек на ее надгробном камне имя отца — Фридриха Еккельна.

В семье утвердился следующий распорядок: утром шеф СС и полиции уходил на работу и вечером возвращался домой, если не случалось служебных поездок. Он любил заботиться о своих близких. И не забывал о дальних. Со слов Ренаты, Еккельн послал ее матери около 80 писем.

В фильме мы видим конверты с ними, проштемпелеванные орлом со свастикой, на фоне фотографий моложавого генерала в красивой форме с Железным крестом. Письма сплошь политически выдержанные. Рената на экране читает: «Исполняю свои обязанности с таким рвением, что ни на минуту не впадаю в уныние. Стоящие перед нами задачи столь огромны, что наши личные судьбы совершенно не важны в сравнении с ними». Личные нотки проскальзывают редко: «Часто о вас думаю. Судя по фото, замечательный ребенок». Вообще-то после рождения Ренаты Еккельн только однажды навестил ее и больше никогда не появлялся.

Рената рассказывала Петру Крупникову, о чем отец писал ее матери. Например, «проезжая через Остланд, по ходу отмечал: „*gutes Rassenmaterial*“ („хороший расовый материал“) или „*schlechtes Rassenmaterial*“ („плохой расовый материал“). Если расовый материал плохой, то от него следует избавляться».

Между прочим, Моника дожила до 102 лет, из чего поверхностный наблюдатель может сделать вывод, что в программу и в самом деле отбирали самых жизнеспособных женщин и от них рождались исключительно здоровые дети. Нет, случалось и так, что новорожденный был не здоров. «Неудавшиеся» дети уничтожались, их забирали на «специальное лечение» или же «эвтаназию». И то и другое на языке Третьего рейха означало смерть.

Дети викингов

Для подготовки будущих матерей «Лебенсборн» создал Дома матери (их было 17), а для воспитания детей — Дома ребенка (числом 6). С началом войны география «Лебенсборна» расширилась. Собственных арийцев гитлеровцам показалось мало, подходящих «особей» принялись искать в других странах. В ноябре 1943 года в своей речи перед руководством эсэсовского штандарта «Германия» Гиммлер заявил: «Если на немецкой стороне не окажется вся хорошая, вся германская кровь мира, это однажды сможет привести к нашей гибели… Я действительно хочу там, где мне позволяют возможности, собирать немецкую кровь всего мира, красть ее у других народов». «Все, что другие нации смогут предложить нам в качестве чистой крови, наподобие нашей, мы примем. При необходимости сделаем это путем похищения их детей и воспитания в нашей среде», — говорил Гиммлер.

Самыми перспективными матерями были признаны женщины из скандинавских стран, потомки викингов. Особо ценились женщины из Норвегии с их светлыми волосами и голубыми глазами. Не только руководство СС, но и командование вермахта поощряли связи между ними и немецкими военнослужащими. Программа принесла плоды: за период с 1940 по 1945 год в рамках программы «Лебенсборн» норвежки родили от немецких солдат от 8 до 10 тысяч белокурых мальчиков и девочек.

Но и этого им показалось мало. Гиммлер рекомендовал руководителям программы «Лебенсборн» ввозить «расово приемлемых» детей из Восточной Европы. В исполнение его приказа детей с «арийской внешностью» отбирали у родителей, иногда просто похищали на улице. После многочисленных проверок привозили в дома «Лебенсборна» для идеологической обработки, а затем направляли в Германию для адаптации в «расово благонадежные» немецкие семьи. Несколько тысяч (а возможно, десятков тысяч) с оккупированной территории СССР детей прошли через «Лебенсборн».

«Дина и Маша были здесь»

Когда кольцо фронтов стало сжиматься вокруг Германии, эсэсовцы спешно закрывали дома «Лебенсборна» один за другим, свозя сотни детей вместе с их секретными досье в главный дом в Штайнхеринге, в тот самый, где родилась Рената. 28 апреля 1945 года перед приходом американских военных архив «Лебенсборна» был поспешно сожжен его сотрудниками. По другой версии, американцы отрезали нацистам путь отступления к горам, и в ходе боя бумаги были выброшены в реку Изар. Возможность установить личности большинства детей была утрачена навсегда.

Интересная деталь выясняется из рассказа одного из персонажей того же документального фильма, немолодого человека в баварском пиджаке. Покидая дом, эсэсовцы оставили его обитателей без еды, а там одних детей было 350. Тогда он завел свой старый автомобиль и ездил по окрестным фермам, собирая для них немного хлеба и молока.

В отличие от немецких домов ребенка, в Норвегии эсэсовцы не успели уничтожить все лебенсборнские документы. На тысячи женщин и их детей обрушился гнев освобожденных соотечественников. Их называли «немецкими подстилками», подвергали публичному наказанию, многим побрили головы. Лебенсборнским детям пришлось расти в атмосфере презрения с унизительным клеймом «нацистского отродья». По воспоминаниям некоторых, их держали взаперти в государственных учреждениях, где они подвергались медицинским экспериментам, физическому и моральному насилию. В конце 1990-х годов группа лебенсборнских детей решила подать в суд на норвежское правительство, в результате чего 1 декабря 1999 года тогдашний премьер-министр Норвегии Кьелл Магне Бондевик принес публичные извинения за плохое обращение с ними.

Синни Лингстад из деревушки на севере Норвегии в ноябре 1945 года родила дочь от сержанта вермахта Альфреда Хаазе. Ее вместе с бабушкой новорожденной заклеймили как предательниц, они эмигрировали в Швецию. 30 лет спустя Альфред Хаазе, вышедший на пенсию кондитер, узнал, что брюнетка из знаменитого шведского квартета *ABBA*, Анни-Фрид, — его дочь. Они встретились в 1977 году по настоянию основателя группы Бенни Андерсона, тогдашнего мужа Анни-Фрид.

Среди детей «Лебенсборна» звезда американских сериалов 1960-х — Марта Кристен. Она тоже родилась в 1945 году от немецкого солдата. Ей было всего два месяца, когда мать

оставила ее в детском доме в Осло, а в четыре года ее удочерила американская пара.

Лидице нацисты стерли с лица земли — это была месть за убийство 27 мая 1942 года обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха. Операцию возмездия провел назначенный вместо него рейхспротектором Богемии и Моравии известный нам Курт Далюге, за что 23 октября 1946 года был повешен во дворе пражской тюрьмы Панкрац.

Все мужчины Лидице старше 16 лет (172 человека) были расстреляны на месте, 195 женщин — отправлены в концлагерь Равенсбрюк, а 105 детей доставлены в немецкий город Лицманштадт. После теста на принадлежность к арийской нации 13 детей отобрали для программы «Лебенсборн». Всех остальных — 40 мальчиков и 42 девочки, темноволосых и темноглазых, — отправили в концлагерь Хелмно, где их отравили газом. В наши дни в Лидице поставили монумент расстрелянным детям, ставшим жертвами «Лебенсборна».

Среди отобранных для германизации детей была 10-летняя Мария Долежалова-Шупикова. Ей дали новое имя — Ингеборга (под ним она прожила до 1946 года) и передали в семью немецкого офицера. «Я и те немногие, кого передали на воспитание в приемные семьи, были благодарны новым маме и папе, — вспоминала она впоследствии. — И радовались, что мы живы. Все время нахождения в семьях к нам хорошо относились, даже, возможно, и любили. И по сравнению с детскими домами, куда нас поселили сразу после того, как вывезли из Лидице, здесь было довольно неплохо». В 1946 году в архивах были обнаружены ее подлинные документы. Мария смогла найти свою настоящую мать. Во время войны женщина находилась в концлагере и к тому времени, когда дочь ее нашла, была парализована. На Нюрнбергском процессе 15-летняя Мария давала свидетельские показания о доме «Лебенсборна».

До сих пор нет точных данных о том, что случилось с тысячами восточноевропейских детей, попавших в дома «Лебенсборна». Принято считать, что после победы домой вернулась лишь четверть малолетних узников. Остальные растворились неизвестно где.

Еккельн причастен к «Лебенсборну» не только через членство в организации, но и с этой стороны.

С лета 1943 года «Лебенсборну» предписывалось изымать в СССР малышей с арийской внешностью: со светлыми волосами и голубыми глазами. Так среди белорусских детей, отобранных в одном из минских детских домов, оказалась голубоглазая Зина Никодимова. Внешний вид ребенка полностью соответствовал

«арийским критериям» и не вызвал подозрений у специалистов из СС. Настоящее имя было другое — Дина Пруслина. Мать Дины Хася Пруслина, преподаватель марксизма-ленинизма в мединституте, сумела вывести шестилетнюю дочь из гетто и спрятала у подруги. Подруга не захотела рисковать и подбросила девочку в детдом. Заведующая должна была сообщать в полицию о поступавших туда еврейских детях, но не сделала этого. Девочку тайно окрестили в церкви и выправили документы на новое имя.

«Войдя в село, тотчас расстреливали подозреваемых в партизанской деятельности. Таковыми считались почти все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет — так генеральный комиссар Латвии Дрехслер описывал алгоритм карательных операций тем летом в белорусско-латвийском пограничье. — Сразу (за воинскими частями. — *Л.С.*) шли бригады СД, которые расстреливали всех, кого можно было еще хоть в чем-то заподозрить. Остальным, в большинстве своем женщинам и детям, предстояло пройти так называемую „вторую фильтрацию“. Немощных, отстающих в пути расстреливали…»

Той весной Еккельн участвовал в самой крупной карательной операции за всю историю Великой Отечественной войны. Эта операция имела кодовое наименование «Весенний праздник» («*Frühlingfest*») и проводилась против партизан Полоцко-Лепельского партизанского края. Под видом борьбы с партизанами гитлеровцы загубили 7011 человек, сожгли немало деревень, захватили для вывоза в Германию 11 тысяч человек, в их числе были дети. Дина Пруслина оказалась одной из 13 детей в возрасте от двух до шести лет, отобранных немцами в апреле 1944 года для передачи в лебенсборнские дома.

Вначале их привезли в Каунас в поместье Тышкевича, где немного подучили немецкому языку, потом на барже отправили в Берлин. Там за них принялись специалисты по измерению черепов и прочим расовым премудростям. Зина селекцию прошла, и ее вместе с другими поселили в доме «Лебенсборна», где они учили наизусть нацистские гимны, им запрещали говорить по-русски, а потом (с новым свидетельством о рождении) отдавали в немецкие семьи. Все они прошли процедуру имянаречения. Как правило, новоиспеченных арийцев называли древнегерманскими именами — Зигфрид, Гудрун, Этельвольф. Дине-Зине досталось имя Зигрид.

…Чудом выжившая Хася (она попала к партизанам) сразу после освобождения Литвы отправилась по следам дочери в Каунас. Безуспешно искала она Дину в течение трех лет, пока та в конце концов не обнаружилась в детдоме под Куйбышевом, куда

ее в 1945-м отправили из Германии[13].

Детство Ренаты

До трех лет Рената росла в доме «Лебенсборна». В три года у нее появилась мать. Рената не раз говорила, что так и не простила мать за то, что она отдала ее в «Лебенсборн», хотя пыталась простить.

До 12 лет Рената ждала отца из командировки, выбегала к двери, если кто-то звонил, оставляла для него кусок пирога. Имени отца она долго не знала, мать употребляла в разговорах лишь слово «отец». Когда подросла, узнала от матери, что та забеременела от солдата с «редкой» фамилией Мюллер, что они с матерью не состояли в браке и что отец погиб на фронте и больше не вернется. После этого мать нарисовала ей образ идеального отца, погибшего на войне. Кем он был в действительности, Ренате стало известно в 38 лет.

Мать познакомила ее с одной из четырех сестер Еккельна, у них сложились прекрасные отношения. Он сам когда-то завещал Монике обратиться к его сестрам, если с ним что-то случится. Рената, по словам тети, очень напоминала отца. Энергичностью и упрямством. Эти черты в ее поведении не нравились матери, но она ей все прощала — они напоминали о Еккельне.

Однажды они с матерью присутствовали на вечеринке, где все говорили о войне, о военных преступлениях. Мать молчала. Кто-то из присутствующих спросил: почему вы молчите? Она ответила с вызовом: а почему я должна говорить, я любила и люблю виновного, поэтому и я виновна. Моника хранила верность Еккельну и много лет спустя после его смерти.

«…Бабушка всегда говорит, что дедушка был убит. Не осужден и ни в коем случае не казнен… Он был красивый мужчина, высокий, гордый, ни одна женщина не могла перед ним устоять, когда он был в униформе. Бабушкино лицо при этом сияет». Этот монолог 19-летней Стефании взят мною из книги Петера Сихровски, состоящей из 40 интервью с детьми и внуками известных деятелей нацизма.

Ренату — в числе нескольких детей нацистских преступников — тоже интервьюировал психолог Дан Бар-Он (1938–2008), профессор университета в Беэр-Шеве. «Груз молчания» — так он назвал книгу по результатам своего исследования, вышедшую в 1997 году.

Рената натолкнулась на стену молчания, как и все те, кто пытался хоть что-то узнать. Тысячи архивных записей, касающихся программы «Лебенсборн», были уничтожены, немцы не хотели вспоминать свое нацистское прошлое, ее мать не была

исключением. Моника думала, что в концлагерях все было не так плохо, отрицала Холокост. Правда, потом она все же его признала, но утверждала, что в годы войны ничего не знала.

«Мы ничего не знали». Это уже слова другой женщины, ее, так сказать, коллеги — Брунгильды Помзель, секретаря Геббельса. Она верила, что внезапное исчезновение евреев, и в том числе ее школьной подруги Евы Левенталь, объяснялось тем, что их отправили в Судеты для освоения малонаселенных территорий. Только в 2005 году она решила поинтересоваться ее судьбой и выяснила, что ту отправили в Освенцим. Брунгильда умерла в 2017 году в 106 лет, она пережила свою подругу на 74 года.

Сын гитлеровского министра юстиции, генерал-губернатора Польши Ганса Франка, журналист Никлас Франк в 1987 году издал книгу «Отец. Сведение счетов», за которую на него многие ополчились. В ней есть эпизод, как он пытался в детстве выяснить хоть что-то у своей тетки о тех годах и как не получал ответа. «Матери — одна из темных страниц нацистской Германии, — говорит Никлас. — … Немецкие женщины вели себя ничуть не лучше немецких мужчин. А самое интересное — это то, что после войны немецкие женщины умели лучше молчать».

Отцы и дети

Первое потрясение Рената испытала в 1981 году, когда в Штутгарте вышла книга Гельмута Краусника и Ганса-Генриха Вильгельма «Войска мировоззренческой войны. Оперативные группы полиции безопасности и СД 1938–1942». Оттуда Рената узнала, что под командованием ее отца совершались жестокие преступления. Отыскала одного из авторов книги — историка Вильгельма, говорила с ним. Маргер Вестерман, лично знакомый с этим историком, рассказывал мне с его слов, что Рената говорила о своих переживаниях и о возникшем у нее чувстве ответственности за прошлое. Она работала школьным учителем и хотела дать своим ученикам верное представление об истории.

Стала собирать книги о Третьем рейхе и уничтожении евреев, читать о злодействах отца, делать выписки. До этого все разговоры о Холокосте она воспринимала, как и многие ее сверстники, как американскую пропаганду. Примерно в это время в Германии началось осмысление прошлого, ко многим пришло понимание того, что коллективная ответственность за совершенные в нацистское время преступления лежит на всех потомках живших в то время людей, поддержавших бесчеловечный режим. Тогда же появилось немецкое молодежное протестное движение. Оно сильно отличалось от молодежных протестов в других странах, так как воевало не с абстрактно-фрейдистскими «отцами», это был протест людей, родившихся в войну или сразу после нее, осознавших содеянное их отцами зло.

Беате Ниман, дочь шефа гестапо в Белграде, была уверена в его невиновности и потратила много лет на то, чтобы узнать, за что ее отца арестовали и до смерти целых 25 лет держали в тюрьмах ГДР. Мать говорила ей, что он прекрасный человек и жертва несправедливости. Их дом, по словам матери, доказательство его невиновности, приобретен им у еврейки по фамилии Леон, спасенной им от гестапо. Обратившись в ведомство по реституции, Беате узнала, что отец дал бывшей владелице дома расписку, что если та продаст ему дом по копеечной цене, ее не депортируют. Ее депортировали в Освенцим, оттуда она не вернулась. Теперь Беате ходит по школам с рассказами о фашизме.

…Рената поехала в Ригу, чтобы узнать о последнем периоде жизни отца. Ей рассказали о том, как Еккельн допрашивал Эллу Медалье, после чего она написала той письмо — «простите меня». Как Рената призналась Бар-Ону в 1987 году, именно после этого она стала ходить к психотерапевту.

Бывало и по-другому. Среди детей и внуков нацистских палачей есть немало людей противоположных воззрений. Помните рассказ о бабушке 19-летней Стефании из книги Петера Сихровски? Так вот, та говорила ей, что «евреи должны были быть уничтожены, иначе бы они уничтожили Германию». А это уже слова внучки (из интервью): «Посмотри на нынешних евреев. Будто бы немногие из них уцелели. Но сегодня они снова сидят повсюду. На телевидении, на радио, в банках, газетах, повсюду — снова евреи… Они теперь богаче, чем прежде».

«Он (отец. — *Л.С.*) выдавал себя, только когда приходил в ярость. Обычно перед телевизором. Вечернее обозрение, фильм о Третьем рейхе, кто-то говорит о нацистском периоде — и начинается. Он орет: „Все одна ложь!“» Это слова еще одного персонажа из той же книги, 40-летней Моники, узнавшей об эсэсовском прошлом отца в 13-летнем возрасте: «…Однажды в приступе ярости он впервые рассказал, что жил в поселке караульного персонала рядом с Бухенвальдом. Из его слов следовало, что там работали сытые и прилично одетые люди из лагеря. Это было для него, так сказать, доказательством того, что все утверждения о концентрационных лагерях — ложь. И, естественно, он снова и снова говорил о евреях. Это была его любимая тема. Он объяснял мне ее обстоятельно: „Ты должна себе представить, что у них было тогда все — большие магазины, деньги, а другие не имели ничего, кроме нищеты“. И теперь, по его мнению, все точно так же, как тогда. В Америке заправляют евреи, моя учительница принадлежит к „красному сброду“, кругом подстрекатели».

Рената плачет

«Рената — копия отца», — говорила в фильме Би-би-си ее мать. И Петр Крупников, встретившись с ней впервые, поразился сходству, хотя скорее она была похожа на того, каким генерал был на вершине карьеры, в красивой форме, а не на похудевшего и осунувшегося обвиняемого в обветшалой форме без знаков различия, представшего перед трибуналом.

Сейчас я вслед за Ренатой иду по тому же пути, собираю по крупицам о Еккельне сведения, все пытаясь понять, как же становятся палачом и насколько банально настоящее большое зло. Ну хорошо, а при чем тут «Лебенсборн», что меня так зацепило в это маловажной, казалось бы, детали биографии злодея? Нет, дело тут вовсе не в «сексуальных тайнах Третьего рейха». А в том, чему на службу был поставлен основной инстинкт.

Все тоталитарные режимы схожи в одном — палачи желают заселить землю такими же, как они. Каждая тоталитарная власть мечтает воспитать превосходящего обычных людей «нового человека», «государственное животное», воина, преданного лидеру нации, высокой цели служения твоему народу (тому, который «все», а ты — «ничто»), которой прикрывает будущие войны и уничтожение расово или идеологически чуждых. Поэтому надо как можно раньше отнять его у родителей, мало ли чему те могут его научить. Нацизм пошел по этому пути дальше других, поставив задачу не только воспитать, но и родить «нового человека» — свидетельство силы режима. Каждый член СС должен стать отцом по меньшей мере четырех детей — такую задачу поставил Гиммлер еще в 1936 году, на заре «Лебенсборна». Биологическое должно было послужить идеологическому.

Рената оказалась в Риге в 1992 году вместе со съемочной группой фильма «Ребенок для Гитлера». В зале бывшего Дома офицеров Петр Крупников рассказывал, «где и как кто сидел, откуда вводили подсудимых, как все происходило. На глазах у Ренаты навернулись слезы, и она вышла». Он взял стакан воды и последовал за нею, стал успокаивать.

«Дети не виноваты в грехах отцов», — вторил ему Исаак Клейман, одна из немногих выживших жертв Еккельна. Клейман показал оператору фотографию, где в три ряда стоят его родственники — родители, дяди и тети, сестры и братья. Все погибли, вся еврейская Рига, целый мир исчез, он один выжил. Потом он рассказал о привезенных в гетто венгерских евреях, говоривших на другом языке, их никто не понимал. О том, что в

Рижском гетто имя Еккельна было хорошо известно. Все знали, кем был подписан приказ о ликвидации, после оглашения которого пьяные охранники из местных повели по Московской улице колонны женщин, стариков и детей в Румбулу.

…Рената слушает и плачет. Не получился из нее «новый человек».

Глава 18
Диктатор Курляндии

Кконцу оккупации Еккельн окончательно разругался с Генрихом Лозе, тот даже пожаловался на него Мартину Борману. В результате грызни победил Еккельн, Лозе отправили в бессрочный отпуск по болезни. Правда, вместо него в сентябре 1944 года в Ригу прибыл новый имперский уполномоченный, его старый знакомый Эрих Кох. Но новых стычек между ними не случилось, Еккельн в это время был на фронте. Часто бывает так, что жестокие люди — по характеру трусы, они способны иметь дело лишь с беззащитными. Еккельн был не из тех, он мог бесстрашно пойти в бой. Впрочем, в основном ему все же приходилось иметь дело с безоружными.

9 июля 1944 года Еккельн был назначен комиссаром по обороне Балтийского пространства. Согласно приказу фюрера ему были переданы едва ли не диктаторские полномочия. Это вызвало недовольство и зависть окружающих, хотя, казалось бы, на излете войны чему там было завидовать.

Генеральские подвиги

1 июля 1944 года Еккельн, в дополнение к прочим чинам, стал генералом войск СС и получил назначение командующим 6-м армейским корпусом войск СС. Этот корпус состоял из латышских частей, карателей и убийц женщин и детей. Позже наиболее непримиримые из них составили костяк «лесных братьев».

«Генерала Еккельна я видел дважды, на курсах подготовки полицейских», — рассказывал на следствии Доминик Рябкинскис, 1924 года рождения, из крестьян. Он пошел добровольцем в вермахт, но, когда стали формировать латышские легионы СС для отправки на фронт, изъявил желание служить в полиции. На полицейских курсах он слушал инструкции Еккельна относительно тактики карательных акций: «По одному не расстреливать. Действеннее сгонять большие группы в деревенские постройки и сжигать живьем». Потом Ланге держал речь перед курсантами. «Ланге сказал, что здесь, на курсах, собраны лучшие люди, и повторил указание Еккельна бороться с большевиками, евреями и партизанами, стирая с лица земли их дома, а если надо — и целые населенные пункты. В заключение Ланге объявил, что за беспощадную борьбу с большевиками генерал Еккельн обещает богатую жизнь в Латвии и хорошие награды».

Наконец-то Еккельну представилась возможность попробовать свои силы в качестве военачальника. Прежде он не раз возглавлял «боевую группу СС Еккельн» (так назывались возглавляемые им соединения по борьбе с партизанами) — любил, чтобы его имя наводило страх.

«Еккельн 16 августа 1944 года во время крупного наступления противника… перешел от обороны в контратаку. Находясь во главе своих солдат и показывая образец личной смелости, ему удалось отбросить прорвавшегося врага и снова восстановить фронт твердой рукой» (из радиограммы от 18 августа 1944 года, адресованной в полевую ставку рейхсфюрера и штаб-квартиру фюрера с представлением Еккельна к награждению Рыцарским крестом).

Представление подписал командующий группой армий «Север» генерал-полковник Фердинанд Шёрнер, спустя девять месяцев, перед самым концом войны, возведенный Гитлером в фельдмаршалы. «Когда он попал в плен, — пишет в мемуарах немецкий офицер Готтлоб Бидерман, — на нем был традиционный баварский альпийский костюм, который он

выменял на свою униформу и золотой партийный значок. Лишь за несколько недель до этого он подверг массовым казням немыслимое количество своих солдат за подобные проявления трусости».

Гиммлер отозвался телеграммой: «Дорогой Еккельн! Генерал-полковник Шёрнер сообщил в штаб-квартиру фюрера, насколько он доволен Вашей работой. Я знал, что Вы, несмотря на другие взгляды, отдаете должное Вашему заданию и также знаете, что будете делать в тесном товарищеском взаимодействии в будущем. Хайль Гитлер!»

«Несмотря на другие взгляды» — что это? Под «другими взглядами» следует понимать дискуссии в немецких штабах, как оборонять Прибалтику. Скорее всего, в штабе находились хорошо подготовленные представители германского Генштаба, которые предлагали сохранить силы вермахта, отвести войска на новые рубежи и там задержать продвижение советских войск. Эсэсовские же генералы, по-видимому, исходили из пропагандистских установок Гитлера, который приказал обороняться до последнего. А иначе зачем слова о «тесном товарищеском взаимодействии», то есть о взаимодействии между вермахтом и войсками СС? Значит, на определенном этапе боев это взаимодействие было не таким уж прочным.

У Еккельна не было профессионального военного образования, не было серьезного опыта командования на фронте. Вероятно, ему в критический момент удалось спасти ситуацию на одном из участков фронта, но печальный финал был неизбежен — разве это проявление полководческого таланта?

Вот что сообщало о событиях в тот день Совинформбюро: «В течение 16 августа севернее и северо-западнее Петсеры (Печеры) наши войска, продолжая наступление, с боями заняли более 70 населенных пунктов… Заранее подготовленная немецким командованием прочная оборона на подступах к Прибалтике была сокрушена на 300-километровом фронте от Пскова до Полоцка. Советские войска продвинулись местами более чем на 200 километров. Враг понес ощутимые потери, которые, по немецким данным, только в августе составили свыше 70 тысяч солдат и офицеров».

Тем не менее 27 августа 1944 года Еккельн был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Об этом сообщила еженедельная газета СС «Черный корпус» (*Das Schwarze Korps*). «В районе боевых действий юго-западнее Псковского озера. В середине августа обергруппенфюрер СС Еккельн, высший фюрер СС и полиции „Остланд“ и „Россия — Север“, сумел быстро провести контратаку силами первого эшелона объединения и

предотвратить вторжение численно превосходящих сил противника в латышское пространство. Благодаря его руководству и инициативе неприкрытый промежуток в линии фронта был закрыт и обеспечен уязвимый фланг общевойсковых соединений. Его награда — это также заслуга его боевой группы, состоящей из немецких и латышских частей полиции, среди которых его ближайшие сотрудники, а иногда даже и соратники по борьбе еще до 1933 года». Заметка о «подвигах» Еккельна вышла 28 сентября 1944 года, когда битва за Прибалтику была уже проиграна. Тут другой информационный повод — награждение Еккельна Рыцарским крестом. Вот, мол, посмотрите, какой он есть герой, а то, что этого героя вместе с его войсками вышибли из Прибалтики, — не так уж важно.

«Как вы остались живы?»

Я попросил Маргера Вестермана рассказать о том, чем он занимался после того, как Рижское гетто в ноябре 1943 года окончательно прекратило свое существование. Он ответил на вопрос вопросом: «Вы из КГБ?» Слишком часто именно об этом его спрашивали в органах. Впервые — во время проверки в пункте фильтрации. В глазах допрашивающего его офицера было: мы кровь проливали, а вы тут прятались.

«…Евреи Остланда должны быть из гетто переведены в концлагерь за исключением „ненужных рабочих рук“, которые подлежат переселению на восток», — говорилось в секретном письме, полученном Фрицем Блашеком весной 1943 года в Берлине, в Главном управлении имперской безопасности. В материалах дела есть его показания об этом: «Позже мне объяснили это выражение — „переселение на восток“ означало, что этих людей нужно убить».

Вестерману повезло. В числе оставшихся в живых узников Малого гетто его еще в августе 1943 года перевели на север Риги в концлагерь Кайзервальд. Он был не лагерем смерти, а трудовым лагерем. В августе 1944 года с наступлением Красной армии заключенных начали оттуда эвакуировать в концлагерь Штуттгоф в Польше. Но до Польши Маргер не добрался.

Колонной узников командовал Густав Зорге, гауптшарфюрер СС, служивший в нескольких концлагерях, за свою жестокость прозванный Железным Густавом (вскоре после войны осужден по «делу концлагеря Заксенхаузен»). Его словно подменили. Вопреки приказу Еккельна расстреливать немощных он посадил тех, кто не мог идти, на крестьянские повозки. «Дети мои, — обратился к ним Железный Густав, — я несу ответственность перед союзниками за то, чтобы сохранить ваши жизни». Их вели по проселкам, вдали от больших дорог, забитых войсками. Услышав близкую канонаду, 300 человек сбежали в окрестные леса. 30 из них уцелели, Маргер в их числе.

«Моя совесть чиста, — сказал он мне, — если бы я не воевал в партизанах, я стыдился бы». Он испытывал «комплекс вины человека, который выжил». Ему было 19, когда он на распухших ногах (стоял вопрос об ампутации) вышел из леса, где успел повоевать в партизанах. После проверки он был зачислен в отряд по борьбе с бандитизмом при штабе НКВД в одном из районов.

Маргера — после побега от Железного Густава — приняли в партизанский отряд Альфреда Вейсмана, «хорошего рабочего человека из Талсы». «Хороший человек» во избежание инцидентов

представил его членам отряда как латыша. Объяснялось это тем, что в основном отряд составляли дезертиры из числа так называемых курелистов.

Летом 1944 года, когда линия фронта затрещала под ударами Красной армии, генерал довоенной латвийской армии Янис Курелис предложил Еккельну свой план. Суть его состояла в создании большого соединения — партизанской армии, которая должна была действовать в тылу советских войск. Однако у Курелиса был и тайный план — завоевание независимости Латвии в конце войны.

Еккельн сколотил из рижских полицейских и бывших военнослужащих 26 вооруженных отрядов — Латвийскую национальную армию во главе с Курелисом, всего 3 тысячи человек. Постепенно она стала еще больше разрастаться — за счет дезертиров из латвийских формирований СС. Последних Еккельн потребовал выдать. Получив отказ, в ноябре 1944 года войска СС под личным командованием Еккельна атаковали в Курляндии отряды курелистов, частично взяв их в плен, а частично истребив. Между прочим, в бою с ними погиб комендант гетто (до января 1943 года) Краузе. Генерал Курелис был арестован, офицеры его штаба расстреляны по приговору трибунала. Еккельн их породил, Еккельн их и убил.

Избранные места из переписки с друзьями

Еккельн — Гиммлеру (май 1944 года)

…Сын Клаус от первого брака, вероятно, нашел геройскую смерть. Младший сын Дитер умер во время рентгенограммы мозга. Моя жена очень потрясена. Я могу переносить эти жестокие удары судьбы без ущерба для работы и возложенных на меня обязанностей. Хайль Гитлер! Преданный Вам, Фридрих Еккельн.

Гиммлер — Еккельну (июнь 1944 года)

Мой дорогой Еккельн!.. Плохо, когда трагедия происходит внезапно. Я знаю, что Вы, как глубоко убежденный национал-социалист и член СС, потеряли двух сыновей, один из которых пал смертью храбрых, а другой, еще ребенок, стал жертвой судьбы. Но я также знаю, что Вы всегда остаетесь несгибаемым и готовым к борьбе. Я жму Вашу руку, и, пожалуйста, передайте мой сердечный привет Вашей жене. Хайль Гитлер!

Гиммлер, как и Еккельн, был прекрасный семьянин. Судя по его служебным дневникам, недавно обнаруженным в Центральном архиве Минобороны России в Подольске, рейхсфюрер мог, сидя за столом, отдать приказ об уничтожении миллиона человек и следом позвонить дочке и пообещать ей, что принесет шоколад.

Еккельн — Гиммлеру (ноябрь 1944 года)

Рейхсфюрер! Докладываю: 1) 27.09.1944 родился мой внук Манфред; 2) 15.10.1944 в Брауншвейге был полностью разрушен мой дом зажигательными бомбами. Все мои вещи погибли в руинах и пепле. Моя жена с четырьмя маленькими детьми находится в усадьбе своих родителей в Шонау под Мариенбергом на западе.

Еккельн — фон Герфу, начальнику
Главного управления кадров СС (ноябрь 1944 года)

Положение на фронте Вам известно, и нам, конечно, в течение ближайших нескольких месяцев еще предстоит пережить немало. Настроение действительно хорошее, войска готовы к

боевым действиям, и в остальном все в порядке. Думаю, что мне удастся все выполнить. У меня есть только одна забота — что моя жена сидит вместе с детьми без домашнего очага где-то на улице и не может где-нибудь устроиться. Но однажды война закончится, и мы снова найдем друг друга. Желаю Вам всего наилучшего! Хайль Гитлер!

Напутствие фюрера

Курляндский котел, в котором Еккельн находился до 15 декабря 1944 года, закрылся уже в октябре 1944 года, но ему удалось оттуда выбраться. 4 января 1945 года Еккельн был прикомандирован к группе армий «Верхний Рейн» (позже переименованной в «Вислу»), командующим которой стал сам Гиммлер. Он собрал штаб из лучших фюреров СС, а Еккельна назначил командующим V горным корпусом СС, ранее дислоцировавшимся в Хорватии и воевавшим там с партизанами. В феврале 1945 года корпус был переброшен на реку Одер и принимал участие в боях к югу от Франкфурта-на-Одере.

Из краткого представления о награждении Еккельна дубовыми листьями к Рыцарскому кресту от 11 февраля 1945 года:

«…Обергруппенфюрер СС Еккельн снова зарекомендовал себя как стойкий боец, который со своим корпусом вновь выполнил поставленную перед ним серьезную задачу. Он сумел искусным тактическим руководством и постоянным личным вмешательством в сражение помешать русским, разгадать их намерения и остановить продвижение противника, нанеся ему тяжелые потери… Создал для противника критическую ситуацию… Отразил вместе со своим корпусом 8 февраля 1945 года наступление превосходящих сил танковых частей противника… Только энергия обергруппенфюрера СС Еккельна, его лидерские качества и постоянное личное участие в боевых действиях на месте позволили достичь этих успехов, которые имеют решающее значение для развития ситуации в районе Бреслау».

Можно себе представить, как он гнал в бой школьников и стариков. Ведь именно из них, как в представлении далее говорится, его корпус «преимущественно состоял».

Что же там было на самом деле в этот день, 8 февраля 1945 года? Согласно сводке Совинформбюро, юго-восточнее Бреслау продолжались бои по расширению плацдарма на западном берегу Одера, в ходе которых наши войска овладели 10 населенными пунктами. А 11 февраля, когда писалось представление, «войска 1-го Украинского фронта форсировали реку Одер северо-западнее города Бреслау, прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на западном берегу реки и за четыре дня наступательных боев продвинулись вперед до 60 километров, расширив прорыв до 160 километров по фронту…»

В том же феврале Еккельн получил в рейхсканцелярии лично

от Гитлера приказ держать Одер до последнего солдата. 29 апреля он был дважды ранен и 30-го сдался в плен Красной армии на Одере.

О том, что происходило 30 апреля 1945 года в рейхсканцелярии, хорошо известно. И все же, думаю, не будет лишним привести одно вычитанное мною свидетельство из другого архивного уголовного дела.

Обвиняемый по этому делу — генерал-майор войск СС Вильгельм Монке — отвечал за оборону правительственного квартала в Берлине и был одним из последних видевших Гитлера. «Сколько вы еще продержитесь?» — спросил у него тот. «Максимально сутки, мой фюрер». После самоубийства Гитлера в бункере состоялось совещание, на котором начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс предложил вступить в переговоры с русскими, сославшись при этом на сказанные ему слова фюрера: «Единственный человек, с которым Германия, возможно, сумеет договориться, это Сталин, ибо лично он самостоятелен и независим… Черчилль же и Рузвельт зависимы от своих парламентов и капитализма… Все были того мнения, что отношения России с капиталистическими государствами Англией и Америкой недолго будут хорошими». Против капитуляции выступали только Геббельс и Борман.

Монке проводил Кребса до русских позиций. В 1930-е годы тот был помощником германского военного атташе в СССР, хорошо говорил по-русски и лично знал Жукова. Знание языка помогло ему вести свой последний диалог с представителями Красной армии. 1 мая 1945 года в 10:15 в заключении перемирия ему было отказано. Советское командование настаивало на безоговорочной капитуляции.

Капитуляция состоялась позже, причем дважды. 6 мая 1945 года глава советской военной миссии в Париже генерал Суслопаров был приглашен в Реймс, где Эйзенхауэр предложил ему подписать акт капитуляции от имени Советского Союза. Суслопаров немедленно передал в Москву предлагаемый текст и стал ждать инструкций. Однако к назначенному времени подписания акта ответа не поступило. Что делать, он не знал, ведь подписывать без приказа нельзя. Но и не подписывать нельзя, тогда получится, что союзники приняли капитуляцию без Советского Союза. Суслопарову пришлось взять ответственность на себя. 7 мая 1945 года он подписал акт за СССР, но добавил примечание. В нем оговаривалась возможность новой церемонии подписания акта о капитуляции, если этого потребует одно из государств-союзников. Уже после окончания церемонии пришел ответ из Москвы, запрещающий советскому представителю

подписывать акт.

Ну, дальше вы знаете. Сталин настоял на новой, финальной церемонии подписания Акта о капитуляции, которая и состоялась вечером 8 мая (рано утром 9 мая по московскому времени) под Берлином. Суслопарова спасло придуманное им примечание, ему за его самостоятельность ничего не было, генерал дожил до старости. Вот как важно быть предусмотрительным.

…Дождавшись возвращения Кребса, Монке решил прорываться из Берлина. Перед этим зашел проститься с Геббельсом и услышал от Магды, державшей в руке бутылочку с цианистым калием, что ее дети уже «маленькие ангелы» и она с мужем собирается отправиться вслед за ними. Потом вместе со своей боевой группой совершил прорыв из бункера, но из Берлина не ушел, был взят в плен советскими войсками. А Кребс застрелился в своей комнате из табельного пистолета.

В 1955 году Монке освободили из заключения, добрую половину которого он провел в одиночке, и отправили в ФРГ. Монке дожил до 90 лет, умер в своей постели.

Уже не первый раз здесь упоминается 1955 год как время освобождения военных преступников, поэтому поясню, как это вышло. В сентябре 1955 года федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр совершил официальный визит в Москву. Результатом поездки стало освобождение немецких военнопленных, все еще содержавшихся в советских лагерях. По слухам, Хрущев поставил ультиматум: без заключения дипломатических отношений освобождения военнопленных не будет. В результате переговоров дипломатические отношения были установлены, и в ФРГ вернулись почти 10 тысяч последних военнопленных. Среди возвратившихся на родину было немало эсэсовцев.

Глава 19
Процесс

26 января 1946 года в Доме офицеров, бывшем (и будущем) Доме Латышского общества, начался судебный процесс. Помимо Фридриха Еккельна из всех начальников оккупированной Прибалтик и на скамью подсудимых удалось усадить военного коменданта Риги генерал-лейтенанта Зигфрида Руффа, коменданта крепости Лиепая генерал-лейтенанта Альбрехта Дижона фон Монтетона, начальника строительства обороны в районе Риги генерал-майора Фридриха Вертера, коменданта полевой комендатуры генерал-майора Ганса Кюппера, начальника Управления лагерей военнопленных генерал-майора Бруно Павеля и гебитскомиссара нескольких уездов штандартенфюрера СА Александра Беккинга[14].

Суд длился неделю. Много это или мало? По сравнению с ОСО (Особым совещанием НКВД) — много, для нормального судебного процесса — мало. Но Рижский процесс был не рядовым, а показательным, тут и продолжительность судебных заседаний, и приговор были предопределены. Политбюро ЦК КПСС заблаговременно предписало применить в отношении всех осужденных указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39. Он назывался «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников».

Секретным указом

Указ был секретный, посему опубликован не был. Он примечателен тем, что им в советское право превносились «каторжные работы» и «смертная казнь через повешение». Что касается процедуры последней, то она до деталей совпадала с описанием казней, осуществлявшихся гитлеровцами: «Приведение в исполнение приговоров… производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней». Именно таким образом спустя неделю с начала процесса был приведен в исполнение вынесенный судьями приговор.

10 ноября 1945 года решением Политбюро ЦК КПСС была создана комиссия с длинным названием — «по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза». Возглавил комиссию Андрей Вышинский, большой специалист по открытым процессам. Но это не значит, что Рижский процесс, как считают на Западе, мало чем отличался от Московских судебных процессов 1936–1938 годов[15]. Отличался, и прежде всего тем, что вину подсудимых не надо было выдумывать. Хотя, конечно, скрупулезного доказывания каждого эпизода, как в западных судах, ожидать не приходилось.

Подбором кандидатов в подсудимые занимался самолично Лаврентий Берия. Еще в сентябре 1945 года по его поручению были представлены справки на 82 военнопленных, «чинивших зверства», и внесены предложения о проведении семи открытых процессов в Ленинграде, Смоленске, Великих Луках, Киеве, Николаеве, Минске и Риге (позднее к ним добавили Брянск). Материалы о Еккельне и еще 10 генералах, подготавливаемых на открытые процессы, были запрошены в ЧГК[16]. Как полагает историк Никита Петров, из ЧГК не смогли сообщить ничего существенного об их индивидуальной вине, и тогда НКВД пошел другим путем. Решено было запросить оттуда «акты о зверствах» по конкретным территориям, в том числе по Прибалтике. Они-то и были положены в основу обвинения на Рижском, как и на других открытых процессах — «организация карательных экспедиций против мирного населения под видом борьбы с партизанами», «массовые облавы, в результате которых было задержано и отправлено в Германию столько-то советских граждан», «ограбление советских территорий», «массовые

расправы над мирным советским населением», «зверский режим, в результате которого голод, болезни, пытки и издевательства привели к огромной смертности среди военнопленных» и т. п. Отталкиваясь от самих преступлений, следователи собирали доказательства причастности к ним отданных под суд генералов, искали соответствующие приказы, выслушивали свидетельские показания[17].

При всех особенностях советского правосудия бесспорным является факт, что уже одно количество советских судебных процессов против нацистских военных преступников не менее чем вчетверо превышает число процессов, прошедших на Западе (и это не считая судов над коллаборационистами).

В ФРГ и Австрии на военных преступников было заведено около четверти миллиона уголовных дел, но лишь в десятой их части дошло до обвинительного заключения, и менее половины этих процессов закончились вынесением обвинительного приговора. Большинство осужденных отделалось довольно мягкими наказаниями. Взять хотя бы эскадроны смерти — айнзатцгруппы. Уже упоминавшийся процесс 1948 года в Нюрнберге над их руководителями завершился тем, что из 24 подсудимых приговорены к смертной казни 14, казнены четверо, большинству потом сократили сроки наказания, и в 1950-е годы они оказались на свободе. Из 30 высших эсэсовских и полицейских чинов вышли на свободу 16. Что было бы с Еккельном, окажись он там?

Вспомним судьбу двух других членов тройки высших фюреров СС и полиции на оккупированной территории СССР. Прютцман покончил жизнь самоубийством. Эриха фон дем Баха пытались судить несколько раз, арестовывали и освобождали и только в 1965 году приговорили к пожизненному заключению за участие в убийствах «ночи длинных ножей». Бах, как и Еккельн, понес наказание не за основные свои деяния — личное участие в карательных операциях в СССР и подавление Варшавского восстания остались безнаказанными. Он прожил довольно долгую жизнь и умер в мюнхенской тюремной больнице в 1972 году.

«Процессуалисты»

21 ноября 1945 года было принято решение Политбюро «О проведении судебных процессов над бывшими военнослужащими германской армии и немецких карательных органов». НКВД, НКГБ, СМЕРШ и прокуратура обязывались провести предварительное следствие в сроки, обеспечивающие начало рассмотрения дел в суде не позже 15 декабря 1945 года. Наркомюст и прокуратура должны были выделить прокуроров и судей на каждый из процессов, а секретари ЦК компартий республик и обкомов — оказать содействие в их проведении. Ход открытых процессов Политбюро предписывало систематически освещать в прессе. Решение партии было претворено в жизнь в установленные сроки, в Риге — с небольшой задержкой.

Конечно, сравнение с Московскими процессами требует ответа на один немаловажный вопрос: применялись ли к обвиняемым пытки? Свидетельств на этот счет мною не обнаружено. Правда, сохранилось адресованное наркому внутренних дел Берии письмо от 7 августа 1945 года, подписанное генерал-лейтенантами Кривенко и Кобуловым, о том, что «содержащийся в Бутырской тюрьме обергруппенфюрер Фридрих Еккельн, числящийся за следственным отделом Разведывательного управления Генштаба, неохотно дает показания». Там же предлагается «Еккельмана (так в тексте. — *Л.С.*) перевести во внутреннюю тюрьму, создать жесткие условия содержания и активно допрашивать».

Что это были за «жесткие условия» и насколько «активно» допрашивали Еккельна, мы никогда не узнаем, но руководивший следствием Виктор Цепков — помощник начальника следственной части НКГБ СССР — был по этой части большой специалист[18]. Биография Цепкова довольно-таки типична для заплечных дел мастеров того времени. Уроженец украинского села, в 1920-е годы руководил хатой-читальней, затем стал секретарем райкома комсомола, потом пошел по линии потребкооперации. В 1938 году выдвинули на работу в органы, за год дошел до центрального аппарата НКВД СССР. Не помешала даже судимость — в 1934 году он, в ту пору директор техникума, был осужден к четырем месяцам принудительных работ «за антисанитарное состояние студенческого общежития». Сразу после смерти Сталина «заслуженный работник НКВД» был арестован и пять месяцев находился под арестом за злоупотребление служебным положением, но отделался легким испугом, был отправлен руководить в Москве отделением

милиции и в 50 лет — на заслуженную пенсию.

Получается, те, кому выпало расследовать дело и судить Еккельна, в каком-то смысле были ему под стать. Как говорил один их коллега из романа Владимира Войновича, «их бин арбайтен ин руссиш гестапо».

Председатель военного трибунала Прибалтийского военного округа Михаил Иванович Панкратьев — малограмотный большевик, начавший карьеру с грузчика, после революции стал делопроизводителем и, безо всякого образования, переквалифицировался в прокуроры. Сам Михаил Иванович писал в автобиографии, что «колебаний от линии партии не имел, взгляды разного рода оппозиции не разделял». Согласно характеристике, «принимал активное участие в работе прокуратуры по выкорчевыванию врагов народа». Его усердие было оценено по заслугам. В 1937 году после ареста Тухачевского ему выделили две комнаты в квартире маршала, в 1938 году назначили на пост прокурора РСФСР, а годом позже он стал прокурором СССР, сменив на высокой должности самого Вышинского.

За год пребывания на этом посту Панкратьев добился отмены условно-досрочного освобождения заключенных, на одном из совещаний убедив Сталина во вреде этого «буржуазного института»[19]. Но этого мало. Представьте, Панкратьев умудрился вступить в конфликт с Берией, когда того назначили наркомом внутренних дел, и тот распорядился проверить некоторые приговоры, вынесенные при участии этого ведомства. Панкратьев дважды писал докладные записки в ЦК о недопустимости прекращения дел против врагов народа. На чем, правда, погорел — был снят с работы. Но война все списала, и он вновь поднялся по карьерной лестнице, став председателем трибунала Прибалтийского военного округа.

Перед войной среди прокуроров еще встречались наивные люди, иной раз — совсем другого сорта. Заместитель прокурора СССР Николай Зоря тоже не понял: то распоряжение Берии было чисто формальным, так его и надлежало выполнить. Он добросовестно проверил дела о саботаже и вредительстве и пришел к выводу, что большинство из них основаны на сфабрикованных доказательствах. Его тут же уволили, хотя, по счастью, не арестовали. В 1939 году объявили частичную мобилизацию, и недавний высокопоставленный чин стал рядовым Красной армии. Он воевал в Финляндии, после чего был принят в военную прокуратуру, где дослужился до прокурора военного округа. В дни Рижского процесса генерал Зоря участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника обвинителя от

СССР. И вновь полез куда не надо — в обстоятельства Катынского дела[20]. Зорю нашли мертвым в гостиничном номере, официальная версия смерти — неосторожное обращение с оружием, но, скорее всего, он покончил с собой, опасаясь вполне вероятных репрессий. Тело срочно отправили в Москву и похоронили без воинских почестей.

Панкратьева вновь сняли с высокой должности спустя четыре года после Рижского процесса. Аж по решению секретариата ЦК ВКП(б). «За грубые ошибки и недостойное поведение», допущенные на общем открытом собрании военных трибуналов 20 декабря 1949 года. В тот день торжественные заседания проходили повсюду — страна отмечала 70-летие Сталина. На заседании в Риге после основного доклада выступил Панкратьев: «Сталин далеко предвидел вперед!» Произнеся (не больно-то грамотно) общие слова, ветеран решил поделиться воспоминаниями о своих встречах с «корифеем всех наук». И стал простодушно рассказывать то, о чем следовало бы умолчать. Некстати вспомнил, как Сталин сказал ему, что «применение физического воздействия» к обвиняемым в контрреволюционных преступлениях вполне допустимо. Остальное было делом техники: Панкратьева вызвали в Москву и — в 49 лет — отправили на пенсию.

В Москве у него оставалась семья. В Риге с председателем трибунала была другая, «фронтовая жена». И еще, как говорили, судья ежевечерне прикладывался к рюмке. Бывают странные сближения…

Суд идет

Рижский процесс открылся 26 января 1946 года, в субботу вечером, в те годы — рабочий день. Зима была мягкой — то дождь, то снег. На улицах работали пленные немцы, расчищая город от обломков разбитых зданий. В Дом офицеров пускали по пропускам тех, кто считался «представителями общественности».

Оператор снимал для кинохроники, фотографировать журналистам не разрешили, но художник рисовал для газет, эти рисунки сохранилось. Еккельн — в сравнении с его фотографиями в красивой форме — на них выглядит сильно похудевшим: впалые щеки, глубоко посаженные глаза, кустистые брови. На нем — мундир без знаков различия, от былого великолепия остались лишь генеральские брюки с красными лампасами. В них спустя неделю он будет стоять с петлей на шее в кузове грузовика, медленно отъезжающего от виселицы.

В центре сцены — судейский стол, слева от него сидит прокурор, справа — адвокаты. «Дело рассматривается в открытом судебном заседании Военного трибунала в составе председательствующего полковника юстиции т. Панкратьева и членов трибунала полковника юстиции т. Кирре и майора юстиции т. Якобсона».

Поскольку источников о процессе совсем мало, приходится пользоваться тем, что есть. Из изданной тогда же пропагандистской брошюры много не возьмешь, да к тому же в ней не все достоверно, даже некоторые фамилии свидетелей искажены, возможно, специально. Что же касается книги Грутупса «Эшафот», то в ней рисуется нацистский апокалипсис: евреи судят генералов. Правда, не ясно, кто тут евреи. Судьи уж точно не евреи — для организаторов процесса было важно, чтобы судили латыши. Оба члена военного трибунала — и товарищ Кирре, и товарищ Якобсон — участники Гражданской войны, один чекист, другой красный командир, после революции жили в России.

По Грутупсу, судьи — статисты, всем заправляет прокурор Завьялов, «из мелкопоместной (!) еврейской семьи». Так он решил, вероятно, полагая, что «в конце 30-х годов (1937) весь центральный аппарат Главной военной прокуратуры состоял из его соплеменников».

Вину Еккельн признал частично. Впрочем, по свидетельству Крупникова, «держался он неплохо. Еккельн был офицером Первой мировой войны, а для них держаться бодро в любых обстоятельствах — само собой разумеется… Я присутствовал,

когда всем допрашиваемым были вручены обвинительные заключения. Тогда впервые увидел Еккельна… Он сложил бумагу, положил во внутренний карман и браво заявил: „Будьте внимательны: когда станете расстреливать, выньте, чтобы не испачкать бумагу“». Впрочем, этот эпизод случился за пару дней до начала процесса.

Ну а все остальное — в протоколе судебного заседания, все 260 страниц которого я честно прочел, выбирая и переписывая все то, что относится к Еккельну.

…Секретарь судебного заседания оглашает обвинительное заключение. В нем главный упор сделан на «преступные планы, разработанные германским правительством и командованием германской армии» с целью «превращения советской Прибалтики в немецкую колонию». «Совершив предательское нападение на Советский Союз и оккупировав территории Латвийской, Литовской и Эстонской Советских Социалистических Республик, немецко-фашистские захватчики ликвидировали государственную самостоятельность этих республик…» «…В тюрьмах и гестаповских застенках были замучены и расстреляны представители интеллигенции, политические и общественные деятели, в том числе депутаты Верховного Совета Латвии, академики…»

Это главное, об этом пойдет речь дальше. Все остальное не столь важно, о Бабьем Яре в обвинительном заключении — ни слова.

На следующий день, 27 января, заседание начинается допросом Еккельна, как сказано в брошюре, «приближенного Гитлера и Гиммлера». Еккельн говорит что требуется: «Гиммлер в одной из бесед сказал мне: нам необходимо проводить политику заселения этих территорий немцами. Часть местного населения должна быть уничтожена, часть — германизирована, а подавляющее большинство — вывезено на работы в Германию». И ни слова о том, как командовал латышскими частями.

«При подготовке процесса следователи хотели показать, что латыши были жертвами фашистов — так годы спустя рассказывал Крупников Валентине Фреймане (они встречались в 1990-е в Германии). — И если Еккельн говорил о сотрудничестве с ними — а он командовал латышскими эсэсовцами, — это тщательно вымарывалось из протоколов».

«Тогда пытались их обелить, — сказала мне Фреймане, — а сейчас идет обратный перегиб: говорят, что они сплошь сотрудничали с нацистами. И то и другое неправда». И добавила важное: «Так я поняла: документ в эпоху диктатуры — не всегда неопровержимая правда».

Трудности перевода

— Подсудимый Еккельн. Ваше социальное происхождение?

— Отец был владельцем фабрики.

— Чем занимались до воинской службы?

— Работал учителем (каким таким учителем?! — *Л.С.*).

— Согласен ли с данными на предварительном следствии показаниями?

— Только с теми, которые написаны по-немецки.

Переводчиком на предварительном следствии (до появления Крупникова) был Фредерик Суур. «Он не знал русского языка, но он не знал и немецкого, — вспоминал Крупников. — Как он переводил вопросы Еккельну, я не знаю. Так, однажды из соседнего кабинета выбежал следователь и спросил меня: „Вы хорошо говорите по-немецки?“ — „Ну, нормально“. — „Идите сюда!“ Там сидел Еккельн и, казалось, в тот момент рассказывал о громадной пьянке, которая состоялась в Доме рыцарства, нынешнем здании Сейма, после первой „акции“. Русский переводчик спросил у Еккельна: „Вы были под мухой?“ Это обычное русское выражение, которое означает: вы были во хмелю? Но Суур перевел слово в слово: „*Waren Sie unter der Fliege*?“»

На процессе переводчиков было несколько. 27 января, по воспоминаниям Крупникова, «один первоклассный переводчик, который, думаю, знал немецкий язык лучше меня, говорил так тихо и стеснительно, что пришел приказ взять микрофон Крупникову. И так я начал переводить весь процесс. А вечером пришел к нашему начальнику и сказал: „Знаете, я могу переводить еще один день, но больше не выдержу“. Через день из Москвы прибыл немец, настоящий гамбургский рабочий, который долго жил в России, был в партизанах, воевал в Испании, — он переводил с русского языка на немецкий, а я — с немецкого на русский».

Линия защиты

Линия защиты была выстроена и продемонстрирована Еккельном еще 4 января, на допросе после предъявления обвинения. Вину он признал, но частично: да, проводил карательные экспедиции против советского народа, в отдельных случаях приказывал сжигать хутора и села, да, оказывал помощь в угоне в Германию советского населения силами подчиненной ему полиции. Но что касается массовых арестов, пыток и прочих зверств органов СД и гестапо Остланда, хотя они и были подчинены ему территориально, — все это делалось по приказам германского правительства. К ним он причастен лишь постольку, поскольку подчиненные ему об этом докладывали.

Свою вину за произошедшее на Украине не признал вовсе: «Ликвидация евреев проводилась айнзатцкомандами, командир айнзатцгруппы — бригадефюрер СС Отто Раш… Были случаи, когда подчиненные мне войска принимали участие в оцеплении». И только.

Кстати, уловка с оцеплением была очень популярна у коллаборационистов-полицаев. О чем мне известно как человеку, изучившему десятки материалов судебных процессов над ними: все они, включая непосредственных участников экзекуций, уверяли, что были заняты лишь в оцеплении…

Впрочем, на проходившем в Риге процессе отпираться от участия в «акциях» в Румбуле было бессмысленно. Еккельну пришлось признать, что был там трижды, присутствовал на расстрелах.

— С какой целью присутствовали?

— Если я даю задание подчиненным, всегда проверяю исполнение моих указаний. Если они получают трудное задание, я всегда нахожусь в первых рядах, чтобы показать пример.

«Шум в зале». Обычно секретарь судебного заседания такое в протоколе не пишет, но тут — особый случай.

Вот еще один из диалогов с прокурором.

— Я не имел никакого приказного положения по отношению к СД и полиции безопасности и никогда не отдавал им приказы.

— Для чего вы слушали их доклады?

— Они меня просто информировали о том, что творится в стране.

— Они докладывали вам как постороннему человеку или как высшему руководителю полиции?

— Они мне не докладывали, они меня информировали.

— Почему они сообщали все это вам, а не Юсту, например?

— Потому что я был высшим руководителем СС на территории Остланда.

— Вот это меня и интересует.

«Смех в зале». Опять комедия положений.

На самом деле в ведении высших фюреров СС и полиции находились следующие формирования: территориальные органы безопасности и СД, части вспомогательной полиции, айнзатцкоманды в тылу действующей армии, а также подвижные полицейские части для борьбы с партизанским движением и местные полицейские части — охранная полиция и жандармерия. В ведении — но не в прямом подчинении. Это, кстати, дало повод коллеге Еккельна фон дем Баху позже апеллировать к немецкому суду по поводу формального, представительного характера данной должности.

Уполномоченный Гиммлера имел право координировать все акции, координация нередко значила куда больше, чем прямое подчинение того или иного отряда карателей.

Еккельн:

— Да, я всего лишь подчинялся!

— Кому?

— Гиммлеру.

— Кому еще?

— Только ему.

Круглые цифры всегда врут

— Какое количество советских граждан, по вашим данным, было арестовано и заключено в лагеря и тюрьмы за время оккупации Литвы, Латвии и Эстонии?

— На следствии, чтобы назвать цифры, я исходил из следующих расчетов. За 1 тысячу дней оккупации, если считать, что каждый день в Латвии и Литве арестовывалось по 20 человек, а в Эстонии — 10, то выходит, что 50 тысяч — это просто расчет для того, чтобы можно было найти какую-нибудь цифру…

Вновь запись в протоколе, больше свойственная газетному репортажу: «Смех в зале». Но над кем смеялись в зале — над следователями? Ведь на этот раз Еккельн, похоже, говорит правду. Он ведь раскрывает тайну следствия. Получается, цифры из обвинительного заключения — ну не то что взяты с потолка, но приведены приблизительно, на глазок.

Все цифры ровные, с множеством нулей. «По указаниям Еккельна истреблено свыше 200 тысяч евреев, привезенных в Прибалтику из оккупированных немцами стран, и до 400 тысяч еврейского населения Белоруссии и Украины» (из обвинительного заключения). Примерно пополам — вот и будет по 200 тысяч…

Выясняется роль Еккельна в довоенный период, и снова идет эквилибристика с цифрами. Прокурор исходит из того, что общая численность войск СС составляет 50 тысяч человек, значит, еккельновские 7 тысяч — это 14 %.

Еккельн против цифры не возражает, он сам снабдил ею следствие:

— Я лично обучил и сформировал полки СС общим количеством в 7 тысяч человек. — Но дальше делает ход конем: — Я подчеркиваю, что в то время СС было частью СА. Численность СА составляет 500 тысяч человек. Следовательно, те 7 тысяч, что я подготовил, — ничтожная доля.

Прокурор уходит в сторону: «Об СА мы сейчас не будем говорить…»

Приказ есть приказ

28 января суд слушал показания свидетелей. Первым был Карлис Бриедис, врач 1-й городской больницы Риги. Судя по протоколу, он был краток, а выступив, попросил разрешения уехать, сославшись на загруженность работой в акушерском отделении. И был таков.

«50 женщин еврейской национальности, состоящие в смешанных браках, поступили в больницу со специальным направлением из Управления окружного комиссара… После стерилизации им выдавали специальную справку».

Вот она, такая справка. «Удостоверение. Г-же Яголковских Эсфирь, рождения 1915 г., проживающей в Риге по адресу ‹…› разрешается жить у своего мужа и появляться в публичных местах без еврейской звезды».

Показания доктора Бриедиса лягут в основу строки приговора: «По указаниям Еккельна подвергнуты стерилизации сотни женщин и мужчин, состоявших в смешанных браках». Не буду придираться к цифрам, просто объясню, о чем речь.

«В июле 1942 года мужья-арийцы, состоящие в смешанных браках с еврейками, получили повестки явиться в гебитскомиссариат, где мне какой-то начальник предложил развестись с женой, — вспоминал годы спустя Фридрих Кумеров, рижский немец, женатый на еврейке. — Я наотрез отказался, тогда он заявил, что в таком случае моей жене придется подвергнуться стерилизации. Она получила специальную бумагу с направлением в больницу. Этим она купила себе право жить, растить детей, избежать гетто…»

Еврейские жены арийских мужей могли обрести право жить, если мужья не откажутся от них, не захотят развестись и согласятся на стерилизацию. Мужчины-евреи, женатые на арийках, были лишены этой привилегии. Объясняется это тем, что Гитлер считал смешанный брак арийца с еврейкой «привилегированным». Никак не мог простить им то, что «эти черноволосые паразиты совершенно сознательно губят наших неопытных молодых светловолосых девушек».

Правда, был случай, когда евреи из «непривилегированных» браков избежали неминуемой гибели. В 1943 году Геббельс задумал сделать ко дню рождения Гитлера (20 апреля) особый подарок. Будучи не только министром пропаганды, но и гауляйтером (партийным руководителем) Берлина, он решил убрать из города 15 тысяч оставшихся там евреев. Перед отправкой в лагеря смерти несколько тысяч из них, женатых на

немках, были собраны в пересыльном лагере на улице Роз. Они потому были еще живы, что их жены упорно сопротивлялись настойчивым попыткам властей добиться развода, который означал для их мужей депортацию и смерть. Когда их все же забрали, эти женщины каждый день стали приходить на Розенштрассе с требованием вернуть им мужей и отцов. И так целый месяц. Им угрожали эсэсовцы, но они устояли. В результате случилось то, во что трудно поверить, — вместо отправки в лагеря смерти мужья этих бесстрашных женщин были отпущены на свободу.

Вернемся к Еккельну.

— Относительно стерилизации женщин в смешанных браках — это приказ Гиммлера, а я ни в какие приказы не вмешивался и возражать против них не мог… Подчиненные мне органы СД и гестапо занимались стерилизацией еврейских женщин в Риге, это точно.

Приказ о стерилизации был введен в действие в Остланде в июле 1941-го. Правда, сам он был в это время на Украине.

— Он продолжал действовать и после того, как вы приехали?

— Возможно. — Еккельн гнул свою линию. Приказ есть приказ. — В 1943 году я узнал о приказе Кальтенбруннера о ликвидации цыган. Я сказал начальнику СД и гестапо: «Хорошо, если есть такой приказ, то выполняйте». Все цыгане были собраны в Саласпилсе и расстреляны.

— По каким мотивам и за что расстреливались цыгане?

— Я думаю, потому что это были такие элементы, которых нельзя было использовать в какой-либо форме для работы, и они были лишним балластом.

В нацистской Германии убийство цыган мотивировали их «асоциальным образом жизни», который нацисты связывали с расовым происхождением.

Саласпилсский концлагерь, где, как рассказал Еккельн, расстреливали цыган, начал строиться в Рижском уезде в декабре 1941 года как место заключения евреев, вывезенных из европейских стран. «Евреи из рейха» в целом были менее привычны к ручному труду, чем латвийские, и многие погибли от непосильного труда на строительстве лагеря. Помимо евреев там содержались бывшие советские активисты, военнопленные, уклонявшиеся от трудовой мобилизации.

Самое страшное в Саласпилсе — детский барак. «В концентрационном лагере Саласпилс немецко-фашистскими варварами была организована фабрика кровопускания у детей для нужд военных госпиталей. У детей даже грудного возраста бралась кровь в размере от 100–150 до 200 граммов в один раз, от

чего многие из них сразу же погибали» (из акта судебно-медицинской экспертизы от 28 апреля 1945 года).

Об этом рассказывал суду еще один свидетель — Янис Каулиньш. Правда, сам он в это время находился под арестом, поскольку был старостой барака в концлагере. После процесса он по приговору ОСО за «измену родине» переместился в лагерь советский, откуда уже не вернулся.

Еккельн вяло защищался, повторяя, что Саласпилс подчинялся начальнику СД, а тот получал указания напрямую из Берлина, устно и тайно. Он уже ничего из себя не изображал, что с ним иной раз случалось на следствии. На допросе в новогоднюю ночь в ответ на предъявленные ему свидетельские показания об убийствах отнятых у родителей детей в Саласпилсе обвиняемый воскликнул: «Не может быть!» И потом еще раз, изображая возмущение, повторил, что никак не может в это поверить.

Служебная переписка

«Отделению охранной полиции. Прошу Вашего указания, разрешено ли цыганке Люции Страздыньш, которая замужем за латышом, живет с ним вместе и имеет от него ребенка, проживать в городе Либаве. Префект Г. Граудс». (С цыганками из смешанных браков поступали так же, как с еврейками. — *Л.С.*)

«Префекту города Либавы. Решено, что цыганка Люция Страздыньш сможет только в том случае здесь жить, если она подвергнется стерилизации. Это ей объяснить и о результатах доложить. Франк, начальник отделения охранной полиции Либавы».

«Начальнику отделения охранной полиции Либавы. Присылая обратно Ваше отношение от 10.12.1941 о стерилизации цыганки Люции Страздыньш, сообщаю, что упомянутая 09.01.1942 года стерилизована в местной больнице. Г. Граудс, префект г. Либавы».

Награды

29 января. Свидетель генерал-майор Эмиль Юст, перед войной — абверовец, военный атташе в прибалтийских странах, в войну — начальник главной полевой комендатуры Литвы. На Рижском процессе — свидетель, а несколькими месяцами позже — обвиняемый в шпионаже и приговоренный к расстрелу.

Между прочим, арестовали его по чистой случайности. Сотрудник госбезопасности Александр Славинас (еврей из Каунаса) возглавил оперативную группу НКГБ Литовской ССР, летом 1945 года отправившуюся в Берлин для розыска руководителя коллаборационистской гражданской администрации генерала Пятраса Кубилюнаса. Его выкрали из английской оккупационной зоны и перевезли в советскую. От Кубилюнаса Славинас узнал, что Юст изменил фамилию и скрывается в советской зоне оккупации — в одном из лагерей для немецких военнопленных. Вскоре Юста нашли и арестовали смершевцы.

На суде Юст свидетельствовал против Еккельна. Говорил, что тот славился изощренной жестокостью. Рассказывал, как Еккельн смещал подчиненных, исполнявших его требования о беспощадной расправе над мирным населением без должного рвения.

Но досаду у Еккельна вызвало не это, а фраза о том, как Юст был поражен, прочитав в газете о награждении Еккельна Рыцарским крестом. Это единственный случай, известный ему, Юсту, награждения таким орденом за работу в тылу — все кавалеры Рыцарского креста получали свою награду только за военные подвиги.

Еккельн разгневанно вскрикнул: «Я получил все свои награды на фронте и только там! Это Юст получил свои Железные кресты обеих степеней за борьбу с партизанами в Литве, не пробыв ни дня на передовой!»

Ему, как никому другому, было известно, как воевали с партизанами. Обычно это делалось путем создания так называемых «нейтральных зон». В обиходе их называли «мертвыми зонами», что объяснялось уничтожением входящих в них населенных пунктов и части местных жителей. В феврале-марте 1943 года в районе озера Освея (Витебская область) Еккельн руководил операцией «Зимнее волшебство». Ее стратегической целью было создание 30-километровой «нейтральной зоны» в районе белорусско-латвийской границы. Из-за сопротивления советских партизан удалось создать только

15-километровую «мертвую зону», на территории которой было убито до 12 тысяч мирных жителей, а 7 тысяч — угнано в Германию. Еккельн оставил за собой залитую кровью выжженную землю и отравленные колодцы[21].

Еккельн был многажды награжден — еще до войны имел знак отличия за восемь лет службы в полиции, медаль «10 лет в НСДАП» и партийный значок ветерана, а уже во время войны получил Железные кресты I и II степеней, немецкий Золотой крест, Рыцарский крест и дубовые листья к нему, а также кресты за заслуги с мечами I и II степеней. Его отличало трепетное отношение к наградам.

«Еккельн увидел на моем мундире „штурмовую медаль“, которой я был награжден за участие в боях против частей Красной армии на северном участке фронта, — вспоминал на допросе 24 декабря 1945 года бывший командир 26-го полицейского полка Георг Вайсиг[22]. — …Еккельн в присутствии подполковника полиции Титтеля и других офицеров спросил у меня, сколько лично я убил русских. Я ответил, что лично ни одного русского не убил. Тогда Еккельн сказал мне: „Плохой из тебя национал-социалист, если ты не убил ни одного русского, вот я лично убил 100 человек“».

29 января допрашивали и других свидетелей обвинения. Фриц Блашек изобличал Еккельна в причастности к концлагерям. В одном из виденных им приказов говорилось, что остатки людей в лагерях должны быть переселены на восток, то есть убиты. Чтобы выполнить этот пункт, можно было убить двух человек, а можно — 10 тысяч…

Блашек, руководивший ремонтом и меблировкой рижской квартиры Еккельна, вспомнил, как весной 1943 года привез ему новую мебель. Он был приглашен по этому случаю на обед. Там были еще гости. «…Перешли на евреев. Еккельн разгорячился, обещал всех их уничтожить. Одной пулей прикончить по крайней мере троих… По пьянке несколько раз повторил». Еккельн сам факт вечеринки не стал отрицать, но о чем говорили, не помнил, «все были пьяные».

Любовь к порядку

Труднее всего Еккельну пришлось во время допроса оберштурмбанфюрера Ганса Центрграфа, бывшего председателя военного суда СС и полиции в Остланде. Тот с юридической точностью объяснил суду пределы компетенции высшего фюрера — Еккельн мог отдавать приказы всем начальникам на своей территории, не мог лишь вмешиваться во внутренние дела подчиненных ему органов. Все они, тем не менее, исполняли его указания, а если приказы поступали сверху, то ему тоже ходили докладывать. Еккельн мог те приказы обжаловать, если был не согласен. Рассказал Центрграф и о его приказах об «акциях».

Еккельн развернулся к Центрграфу:

— Если свидетель говорит о расстрелах евреев, не принимал ли он сам участие в этих расстрелах, которые происходили якобы по моему приказу?

Тот ответил, что знает о приказах Еккельна от офицеров его штаба и из документов, проходивших через суд. Знает и о том, что расстреливали полицейские батальоны, находящиеся в подчинении Еккельна.

Столь убедительно никто его не изобличал. Возможно, это было учтено при определении дальнейшей судьбы Центрграфа. В 1955 году его выпустили из СССР в ФРГ.

Впрочем, Еккельн везде, где мог, огрызался.

— В лагерях и тюрьмах советские граждане расстреливались без суда и следствия?

— Без суда — да. Но не без следствия.

Центрграф:

— В конце 1941-го года в суде накопилось много дел, все — о казнивших евреев. Их обвиняли в самоуправстве — расстреливали жертв пьяные и изгалялись. Я доложил об этом Еккельну.

Доложил — это означало, что его приговоры подлежали утверждению высшим фюрером. Еккельн легко мог освободить обвиняемых от наказания (за такую-то мелочь, все равно ведь жертвы подлежали уничтожению). Ничего подобного. «Генеральская позиция была четкой… Он приказывал их наказать. Притом по всей строгости закона».

Свидетельствуя на Рижском процессе, Центрграф повторил то же самое, что вызвало у судей уточняющие вопросы. «Да, Еккельн сказал, что против этих людей надо принять самые решительные меры. Эти люди в пьяном виде болтались по улицам, пользовались своим оружием и дико стреляли в население», —

повторил он. И на пальцах объяснил, в чем отличие от солдат-расстрельщиков: «Те, кто принимает участие в расстрелах евреев, выполняют важную политическую обязанность. А те, которые предпринимают самоличные акции, должны быть строго наказаны».

Надо думать, нацисты поступали так потому, что погромы — это ведь кровавые беспорядки, которым сопутствуют грабежи. Преследование евреев замышлялось не как преступление, но как его абсолютная противоположность — осуществление высшего правосудия. Евреев должно было постичь то, что им полагалось по справедливости и по закону.

Даже когда Еккельн лично брал в руки оружие, а было это не раз, он воображал себя не убийцей, а строгим судьей и одновременно исполнителем приговора. Помните рассказ Маргера Вестермана, видевшего его на улице гетто в распахнутой шинели и с пистолетом в руке? В тот день, 8 декабря 1941 года, он, по-видимому, стрелял по людям, укрывшимся в домах и не замеченным шуцманами при отправке в Румбулу. С его точки зрения, это были законные действия.

«Лично я евреев не расстреливал» — так на допросе 30 декабря 1945 года он ответил на вопрос следователя. Тогда следователь зачитал ему показания Фрица Блашека о том, как во время «акции» в Румбуле «седой старик упал в яму во время расстрела, пытался покончить свои страдания самоубийством, вынул нож и хотел перерезать кровеносные сосуды, и тогда Еккельн подошел к краю ямы, сказал: „Ты не имеешь права лишать себя жизни“ — и убил старика из пистолета». Еккельн прокомментировал эти показания кратко: «Блашек показывает неправду».

«Когда надо было работать в Межапарке в доме Еккельна, то надо было заходить в сарай, чтобы он нас не видел», — рассказывал историку Арону Шнееру выживший узник Рижского гетто Лазарь Ротбарт 15 ноября 1981 года. Процитирую еще фрагмент из сделанной Шнеером записи этой беседы: «Что вы делали у Еккельна?» — «Убирали у него дачу, дрова разгружали. Нас трое было. Еккельн высоко сидел. Иногда он, конечно, вмешивался».

Вот каким было это его вмешательство. «В 1942 году помещения полиции убирались двумя еврейками. Еккельн шел мимо и увидел, что они курят. Приказал взять их, в этот день они были расстреляны». Об этом, естественно, рассказывал не сам Еккельн. Но, выслушав показания свидетеля Фроима Лева, обвиняемый сумел припомнить давний эпизод. Правда, по его словам, он лишь «дал приказание убрать их в гетто». В

гитлеровской Германии, как мы помним, велась серьезная борьба с курением.

А вот еще документ из дела, примерно о том же — перевод письма начальника Двинского еврейского лагеря от 19 февраля 1942 года за номером 18. Письмо, адресованное начальнику 1-го участка Даугавгасской охранной службы, имеет заголовок: «О задержании еврейки Мейбровс Хаи 1893 г. р., которая в порядке обмена с неким рабочим из концлагеря разменяла кусок материала на 2 килограмма муки». Текст совсем короткий: «Еврейка Мейбровс согласно постановлению немецкой полиции безопасности сегодня в 10 часов во дворе лагеря в присутствии остальных евреев лагеря была расстреляна. Рабочий, который менял муку на материал, не был найден». И ниже — «Приложение: мешочек с мукой».

…Он никак не мог взять в толк, в чем его обвиняют, ведь все делалось по закону. Как говорит один из персонажей пьесы Петера Вайса «Дознание»: «На курсах унтершарфюреров мы научились прежде всего слушать молча и принимать на веру. Если же кто-нибудь все же решался задать вопрос, ему отвечали: „Все делается по закону“. Сегодня законы изменились, но нас-то не изменишь».

Люди и вещи

«Богатства, которые были у евреев, мы отобрали. Я отдал строжайший приказ о том, чтобы эти богатства как нечто само собой разумеющееся без остатка перешли в пользу рейха… — говорил Гиммлер на совещании группенфюреров СС в Познани 4 октября 1943 года. — …У нас было моральное право, у нас был долг перед своим народом уничтожить этот народ, который хотел уничтожить нас. Но мы не имеем права присвоить себе хотя бы одну шубу или часы, одну марку или сигарету либо что-нибудь еще».

Так — в теории. На практике было несколько иначе. На процессе всплыла история с драгоценностями, изъятыми у евреев в Эстонии. Как видно, на них наряду с ведомством рейхскомиссара претендовали эсэсовцы. Гебитскомиссар в Шяуляе жаловался рейхскомиссару Остланда: «…Эсэсовцы пытались забрать все серебро и золотые вещи, бывшие в еврейской собственности» — и просил запретить им «всякие самовольные действия в еврейских делах».

Из протокола судебного заседания:

— Какое вы получили письмо от Гиммлера летом 1944 года по поводу серебряной утвари из Эстонии?

— Гиммлер имел интерес к эстонским государственным ценностям (из частных они к концу войны успели стать государственными. — *Л.С.*).

— Что значит «интерес»?

— Он хотел иметь эти вещи. (*Смех в зале.*)

— Что вы ответили на это письмо?

— Я выяснил обстоятельства и сообщил, что есть другой интересующийся ими — министр Розенберг.

Кому они достались в конце концов, Еккельну так и не стало известно, он отправил серебро в подземное хранилище.

Что-то из награбленного, вероятно, перепадало ему самому. Во всяком случае, Рихард Даннлер из штаба Еккельна свидетельствовал (его показания есть в материалах Нюрнбергского процесса): «Я видел ящики, набитые деньгами, золотом и драгоценностями. Там еще были бриллианты, ювелирные изделия, много золотых часов, причем лучшие вещи Еккельн забирал себе. Иногда, принося Еккельну почту, я видел на его столе дорогие вещи». Откуда они после расстрелов в Румбуле — никому не надо было объяснять.

Справедливости ради надо сказать, что зимой 1941–1942 годов Еккельн использовал имущество еврейских жертв и для

того, чтобы поддержать Теодора Эйке и его дивизию «Мертвая голова», в условиях русской зимы воевавшую в районе озера Ильмень.

Прения

Последующие три дня судебного заседания были посвящены другим обвиняемым. 2 февраля суд приступил к прениям.

Слово предоставляется государственному обвинителю, полковнику юстиции Завьялову. Тот, как обычно, принялся пересказывать обвинительное заключение. «Чудовищные преступления подсудимых являются составной частью преступных планов германского фашизма, ставившего целью превращение всех свободолюбивых народов мира в рабов немецких империалистов… Немецкие вандалы уничтожили национальную культуру латышей, литовцев и эстонцев».

После вступления прокурор перешел к Еккельну, предложив «заглянуть в биографию этого титулованного палача». «Еккельн — сын фабриканта — в 1922 году вступает в фашистскую партию, носившую лицемерное название „Национал-социалистическая рабочая партия“, прекрасно понимая, что дело не в названии, а в существе ее плутократических и завоевательных целей». (Могу себе представить, как Еккельн, слушая перевод обвинительной речи, узнавал знакомые слова — сам он на протяжении многих лет клеймил плутократов и поджигателей войны.) Относительно других обвиняемых слов было поменьше, но от их количества вывод не изменился: «Именем замученных, убитых и растерзанных гитлеровцами советских людей, именем народов Латвии, Литвы и Эстонии, именем народов всего Советского Союза я обвиняю всех сидящих на скамье подсудимых в преступлениях, предусмотренных статьей 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, и как государственный обвинитель требую, граждане судьи, приговорить всех их к смертной казни через повешение».

Первым из адвокатов выступил Миловидов, защитник Еккельна. По воспоминаниям адвоката Дины Каминской, Николай Николаевич Миловидов «был барином, ленивым русским барином, кутилой, любителем ресторанов — любимец московской адвокатуры того времени и, что не менее важно, любимец московских судей… Очень часто Николай Николаевич выходил на середину зала и останавливался прямо перед судейским столом. Ему, казалось, было не важно, есть ли кто-нибудь в зале, слушают ли его. Ему нужно было видеть только суд. Ему нужен был контакт только с судом. Многие судьи называли его шаманом».

Вряд ли Миловидову имело смысл использовать в этом процессе свои шаманские способности. Да и никто не позволил

бы ему выйти на середину зала окружного Дома офицеров. Из протокола судебного заседания видно только, на что он пытался обратить внимание судей в своей защитительной речи: «Еккельн был солдатом и выполнял приказы». Остальное секретарь судебного заседания не счел нужным занести в протокол.

Последнее слово Еккельна записано им чуть более полно: «Я должен нести всю ответственность за то, что произошло в границах Остланда в пределах СС, СД и гестапо. Этим самым моя вина увеличивается намного. Таким образом, мне трудно просить о более мягком наказании. Моя судьба находится в руках высокого суда, и поэтому единственное, о чем я прошу, — обратить внимание при вынесении приговора на смягчающие обстоятельства. Сам приговор я приму в полном раскаянии и буду считать достойным наказанием».

По скупым строкам протокола нельзя в полной мере судить о том, что было сказано в действительности. Тем не менее Грутупс в «Эшафоте» аж зашелся от восхищения: «Что-то в этом человеке потрясало. Обвиняемый не оправдывался, не выкручивался, не обещал исправиться. Лишь сурово оценил степень ответственности».

Другие подсудимые в своем последнем слове были куда более разговорчивы. Вертер винил во всем Гитлера, возомнившего себя, по его словам, Александром Великим, и предлагал свои услуги в налаживании российско-германской дружбы. Бекинг выражал величайшее почтение русскому народу и в свое оправдание декламировал Гете: «Кто ищет, вынужден блуждать».

В половине одиннадцатого суд удалился на совещание. Ровно через три часа, в половине второго ночи, уже на следующий день, 3 февраля, началось оглашение приговора. Еккельн весь внимание — его имя упоминается чаще других. «…Карательные органы, подчиненные Еккельну, по его указаниям проводили массовые аресты мирных советских граждан и заключали их в тюрьмы и лагеря, где был создан нечеловеческий режим, рассчитанный на массовое истребление заключенных… По указаниям Еккельна подвергнуты стерилизации сотни женщин и мужчин, состоящих в смешанных браках, истреблены психические больные в больницах… В целях сокрытия следов злодеяний по указанию Еккельна производились раскопки могил и сжигание трупов, причем советские граждане, насильственно привлеченные… потом расстреливались и также сжигались… Угон мирных граждан в Германию, участие в расхищении промышленного оборудования, художественных и научных ценностей… Лично для себя Еккельн вывез из Риги несколько

автомашин с награбленным имуществом…»

«Приговор был встречен громкими возгласами „ура“ и долго не смолкающими аплодисментами, — вспоминал годы спустя Петр Крупников. — Публика, которая там сидела в ту ночь, — а она не была чисто коммунистической, там был, например, поэт Ян Судрабкалнс[23] — аплодировала и аплодировала. У многих тогда выплеснулись старые антинемецкие настроения».

И еще одну немаловажную деталь подметил Крупников, не спускавший глаз со скамьи подсудимых. «Еккельн вдруг сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели, и сказал: „Господа, мы офицеры, нам следует держаться“».

В ночь после оглашения приговора осужденные не спали. Все они написали ходатайства о помиловании. Еккельн в том числе. Стало быть, не был он уж таким гордым, как себя изображал. Как говорится, цеплялся за жизнь. Ходатайства приняли, и, выдержав для приличия какое-то время, утром объявили, что Президиум Верховного Совета СССР ходатайства отклонил.

Психология зла — 12

— Похоже, Еккельн в суде вел себя как ни в чем не бывало, хотя и понимал, что ему грозит. Сохраняя присутствие духа, позволял себе спорить с прокурором, огрызался, нисколько не скованный присутствием публики.

— Таков его психотип. Несгибаемый нацист гнул свою линию. Это говорит о том, что перед нами целостный портрет социопата. Выслушивая в течение нескольких дней рассказы о творимых под его руководством зверствах, он проявил полное отсутствие эмпатии к жертвам. Еккельн мог стать крупным бандитом.

— Но стал полицейским.

— Такое случается. Даже в мирной жизни социопаты могут попасть в тюрьму, а могут, напротив, на полицейскую службу. Если в полиции санкционированы пытки, они могут получать от такой работы удовольствие.

— Почему Еккельн не каялся, не оправдывался, несмотря на примененные к нему жесткие условия содержания, немного смахивающие на пытки?

— Не заметно обычного в такой ситуации посттравматического синдрома. Психологически устойчивый тип. Упрямый, уверенный в своей правоте. Большинство людей достаточно социализировано, чтобы чувствовать вину, когда вредят другим. Совершать насилие они могут, когда не чувствуют себя виновными. И Еккельн тут не исключение, ведь он лишь с усердием исполнял приказы. Целостный человек, совесть его была чиста. Хотя скорее она у него просто отсутствовала.

Рассказ о семи повешенных

Выписка из акта: «Я, начальник отделения ОУ ГУПВИ НКВД майор Недзвецкий, в присутствии председателя Военного трибунала ПрибВО полковника юстиции тов. Панкратьева и врача Ягодинской 3 февраля 1946 года в 15 часов 30 минут в городе Рига на площади Победы публично привел в исполнение приговор Военного трибунала ПрибВО над военными преступниками… Смерть вышеперечисленных преступников наступила немедленно. Трупы преступников преданы земле».

Для семи приговоренных нацистов была смонтирована большая виселица с общей перекладиной. Их поставили в открытые кузова полуторок (по двое в каждую, только Еккельн был в машине один), накинули на шеи петли, затянули. Затем шоферы по команде одновременно дали газ.

За происходящим наблюдала толпа народа. По утверждению Грутупса, рижан туда сгоняли в принудительном порядке. Это, конечно, не так, люди склонны к такого рода зрелищам. К тому же в Риге это было первое повешение за несколько столетий. Лжет Грутупс и утверждая, будто «благородный» Еккельн сам продел голову в петлю — на самом деле, по свидетельствам очевидцев, старался от нее увернуться. В толпе, собравшейся на площади Победы, Грутупс умудрился выискать евреев. На этот раз он не ошибается, хотя по окончании войны в городе их осталось неполных две сотни.

Петр Крупников видел там многих из них — бывшие узники считали своим долгом присутствовать на этой казни. Одним из них был будущий автор первой книги о Рижском гетто Макс Кауфман. Он специально приехал из Вены, где оказался после гетто и нескольких концлагерей, чтобы увидеть, как судят Еккельна. Еще искал могилу Артура Кауфмана — безуспешно. Его сына застрелил весной 1943 года комендант гетто Рошман — за то, что тот, работая на торфоразработках, раздобыл у крестьян немного еды[24].

Грутупс пишет, что трупы на виселице раскачивались несколько дней и только после того, как прошел слух, что их собираются похитить «лесные братья», — тогда тела сняли и похоронили. Это не так, на самом деле они висели ровно столько, сколько было положено по указу от 19 апреля 1943 года.

По Сети гуляет рассказ, будто повешенные генералы висели без формы, сорванной кем-то ночью. Это тоже не так. Отец историка Арона Шнеера, тогда курсант школы милиции, стоял в оцеплении у эшафота. Он рассказывал сыну, что к повешенным

подбегали люди и били их палками, а с одного сдернули штаны. Этим одним, по свидетельству присутствовавшего на казни Маргера Вестермана, был не кто иной, как Еккельн. Следующим утром на труп натянули штаны, но не генеральские с лампасами, а простые, солдатские.

…70 лет спустя в поисках места, где стояли виселицы, я бродил по площади Победы. Между прочим, ее название не имеет никакого отношения ко Второй мировой войне. Площадь была названа так в 1920-е годы в честь победы латышских частей в октябре 1919 года над добровольческой Западной армией, организованной при поддержке германского рейхсвера. Здесь должны были проходить парады армии независимой Латвии, но поскольку вскоре страна потеряла свою независимость, вопрос отпал сам собой.

В послевоенные годы по площади проходили праздничные демонстрации, а в 1985 году к 40-летию Победы рядом поставили памятник воинам Советской армии — освободителям. Нынешние националисты безуспешно призывают его демонтировать.

Монумент стоит не на той части площади, где когда-то стояли виселицы, от этого места его отделяет парк Победы. Он прежде назывался Петровским и был разбит еще до революции, причем в посадке деревьев участвовал Николай Второй.

Скажете, каждое из этих событий — само по себе и они никак друг с другом не связаны? Но у истории свои гигантские метасюжеты, ленты которых раскручиваются по ее воле. И если представить себе, будто между событиями, в разные годы происходившими на площади Победы, существует символическая связь, то их кульминацией, несомненно, стали бы виселицы 1946 года.

«И расскажи сыну своему»[25] *Вместо послесловия*

Мой отец начал бегать в 60 лет. Правда, на войне ему, солдату-связисту, тоже пришлось побегать. Под обстрелом, с двумя тяжелыми катушками, как он говорит, на горбу, на бегу их разматывая. В 60 он вновь побежал, до 70 одолевал марафонскую дистанцию, а после — 10-километровую. В 90 на международных состязаниях ветеранов в Лионе завоевал звание чемпиона мира.

В свои 60 я вместо бега пошел, спотыкаясь, от одной расстрельной ямы к другой. Мой скорбный поход начался у противотанкового рва в поселке Ляды на границе России и Беларуси, вырытого в июле 1941-го отступавшими красноармейцами в 300 метрах от большака. На его дне лежат 2 тысячи человек, среди них 10 моих родных по отцовской линии.

Вот уже третий раз приближаюсь я к этой страшной теме, третью книгу пишу, мучаясь от дурных снов. В первой было о жертвах нацистов, о восставших узниках Собибора, при отсутствии выбора сделавших свой выбор. Во второй — о людях, пошедших в подмастерья к убийцам. Этими был сделан совсем другой выбор, хотя и не всегда по доброй воле, часто — под влиянием обстоятельств. На сей раз попробовал вглядеться в тех, кто сам эти обстоятельства создавал.

«Иногда прошлое не отпускает, — сказано в рассказе Стивена Кинга „Ученик дьявола“. — Разве не поэтому люди учат историю?»

Пожалуй, что так. Прочитанная в наши дни, история Еккельна — до поры — кажется в чем-то узнаваемой, да и черты его характера вовсе не уникальны, их легко опознать в людях из нынешнего времени. Нет, конечно, далеко не каждый неудачник, националист и карьерист, будь он трижды психопат, способен превратиться в рационализатора зла. Но когда поток вранья зашкаливает, а верность ему вознаграждается, некоторые преображаются и неожиданно для окружающих изъявляют готовность бесстрастно убивать «чужих».

Прошлое не отпускает не одних только евреев, потрясения отражаются не на них одних. «Если однажды разбудить инстинктивную, дремлющую в человеке готовность к человекоубийству, если сделать ее долгом, — заметил уже упоминавшийся здесь соотечественник Еккельна юрист Себастьян Хафнер, — то поменять объект уничтожения ничего не стоит».

Евреи дольше других народов хранят память о своих

мучителях. Вот уже больше двух тысячелетий каждый год поминают Амана[26]. Фридрих Еккельн занял бы никак не меньшее место в списке палачей еврейского народа, как бы длинен ни был такой список. Во всяком случае, он сделал все возможное для того, чтобы история этого народа оборвалась.

В числе отправленных им на смерть обитателей Рижского гетто был великий историк еврейского народа профессор Семен Дубнов. Ему был 81 год. Он не сразу попал в гетто, его прятали, а когда попал, умудрялся в перенаселенном доме на улице Лудзас писать карандашом статью о происходящих на его глазах страданиях своего народа. Рассказывают, что когда 8 декабря 1941 года Дубнова уводили латышские полицейские, он воскликнул на идиш: «Идн, шрайбт ун фаршрайбт…» («Пишите, евреи, записывайте…»). Возможно, это всего лишь легенда, но такая, какая могла быть правдой.

Может, у евреев вообще миссия такая — быть летописцами истории? Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе? У евреев — шестое, на дворе — 5777 год. А не 2017-й, как у христиан. И не 1438-й, как у мусульман. Давно тут живем.

За минувшие столетия у евреев сформировалось шестое чувство, наряду с осязанием, вкусом, зрением, обонянием и слухом — память. Того, кто дочитал до этой страницы, не испугает еще одна цитата — последняя. Из романа Джонатана Фоера «Полная иллюминация», уж очень она к месту.

«Если неевреи постигают мир посредством традиционных чувств, а памятью пользуются лишь как вспомогательным рычагом, помогающим интерпретировать события, то для евреев память важна не меньше, чем укол булавки, или ее серебряный отлив, или вкус крови, выступившей от ее укола на пальце. Уколовшись булавкой, еврей вспоминает другие булавки. Только связав этот укол с другими уколами — когда его мать пыталась заштопать рукав, из которого он не вынул руку, когда у его дедушки, долго гладившего влажный прадедушкин лоб, отходили онемевшие пальцы, когда Абрам проверил, заострен ли нож, чтобы Исаак не почувствовал боли, — еврей понимает, почему ему больно».

…В этой миссии — писать летопись — важна любая деталь. Никому не известно, какой величины она потом окажется. Не только большое, но и малое на расстоянии видится иначе. Никто не должен быть забыт — не только жертвы, но и палачи. И за это евреи в ответе перед историей. Зачем помнить их имена? Думаю, вот зачем. «Кто не знает, откуда он пришел, — говорили еврейские мудрецы, — не будет знать, куда ему идти». Кто не знает в лицо палачей, не будет знать, как сохранить жизнь.

Генри Резник
Сохранить способность сострадать

Холокост — уничтожение германским нацизмом 6 миллионов европейских евреев в годы Второй мировой войны. Спланированное и тщательно реализованное. Не «за что», а «потому что». Просто потому, что родились евреями и так назывались.

Гонения — составная часть без малого 2000-летнего периода истории еврейского народа, рассеянного по всему миру после разрушения Иерусалима и сожжения Второго храма римлянами в 70 году н. э. До XIX века преследования евреев проводились на религиозной почве — не потому, что не та кровь, а за то, что отвергли Христа. В сущности, как точно отметил Николай Бердяев, религиозный антисемитизм есть антиюдаизм и антиталмудизм.

Христианская юдофобия за долгие столетия жизни евреев в Европе сформировала в массовом сознании стойкие традиции бытового антисемитизма. Условия, в которые были поставлены евреи, — запрет заниматься земледелием, проживание в гетто — специально отведенных для них городских кварталах, невозможность сделать карьеру на государственной и общественной службе, отсутствие доступа в сословные организации ремесленников — цеха и гильдии, ограничения торговой деятельности — противопоставляли их местному населению, превращали в козлов отпущения при разных несчастьях — неурожаях, стихийных бедствиях, эпидемиях чумы.

И все же пик напряженности между германцами и евреями был пройден в эпоху крестовых походов (XI–XII вв.). Случались позже и выселения евреев из ряда городов Германии, и посягательства на их имущество, и единичные стихийные расправы, но до большой крови не доходило.

С течением времени религиозность немцев ослаблялась, а ассимиляция евреев усиливалась. После революции 1848 года началась, а в 1871-м завершилась юридическая эмансипация евреев. Евреи стали полноправными гражданами, им открылась дорога к европейскому образованию, в промышленность и науку, культуру и политику. Хотя большинство еврейского населения продолжало заниматься мелкими торговлей и ремесленничеством, немало евреев успешно состоялось в бизнесе и особенно в свободных профессиях: врачей, адвокатов, журналистов. К началу Первой мировой войны евреи были уже

интегрированы в германское гражданское общество, 12 тысяч евреев пали на полях ее сражений, 2 тысячи получили боевые награды. Вот почему зародившийся в середине XIX века в Европе расовый антисемитизм, псевдонаучно трактовавший историю как борьбу «арийцев» против евреев, — именно с ним связано рождение самого понятия «антисемитизм». Более полувека он существовал только в виде доктрины в писаниях Жозефа Гобино, Хьюстона Стюарта Чемберлена, Вильгельма Марра.

Военное поражение, последовавшие за ним инфляция, безработица и обнищание миллионов жителей страны способствовали оживлению антисемитских настроений. И в начале 1919 года появляется крохотная немецкая рабочая партия, переименованная через год в Немецкую национал-социалистическую рабочую партию. Через год ее возглавил Адольф Гитлер. В программу НСДАП наряду с другими целями включается и антисемитская — лишить евреев права гражданства независимо от вероисповедания, как не принадлежащих к германской расе.

Нацистская партия начинает свой путь к власти, получая на парламентских выборах все большее число голосов. Показательно, что за НСДАП голосует и часть еврейского населения. Патриотические настроения немецких евреев в послевоенные годы выразила газета Центрального объединения евреев Германии «ЦФ-цайтунг»: «Германия остается Германией, и никто не может отнять у нас нашу родину, наше отечество». Немало евреев поддерживают такие программные положения НСДАП, как требования отмены унизительного Версальского договора, социалистических преобразований, укрепления центральной власти. Антисемитский пункт программы воспринимается многими как средство для привлечения голосов юдофобски настроенных избирателей, и лишь только национальная революция закончится, у нацистов не будет причин исключать евреев из своего движения.

В Веймарской республике существует свобода слова, издательства и СМИ — частные. Да, стали распространяться большими тиражами антисемитские «Протоколы сионских мудрецов». Но, с другой стороны, еще большими тиражами издаются газеты с перепечаткой статьи английской Times, разоблачающей «Протоколы» как сфабрикованную фальшивку. Когда в марте 1935 года, уже после того как Гитлер стал главой государства, обсуждался вопрос о введении (в нарушение Версальского договора) всеобщей воинской повинности, было еще неясно, в какой мере к службе в армии будут привлечены «неарийцы». В этом вопросе генералитет расходился с фюрером.

Однако в сентябре 1935 года основные положения нацистской расовой идеологии воплощаются в Нюрнбергских законах: немецкие евреи лишались гражданства, избирательных и большинства политических прав, им запрещалось вступать в брак либо иметь сексуальные отношения с людьми «германской или родственной крови». Иллюзии немецких евреев о расистской природе нацистской власти растаяли. Но и тогда в самом страшном сне им не могли привидеться Освенцим и Бабий Яр.

На самом деле с момента прихода Гитлера к власти все евреи Германии, кто вовремя не эмигрировал, были обречены на уничтожение. Гитлер был патологическим антисемитом, его ненависть к евреям носила маниакальный характер. Конечная цель Гитлера — ни одного живого еврея на территории Третьего рейха.

Но реализовать эту сатанинскую идею можно было при наличии как минимум двух условий — соратников в руководстве страны и сверхжесткой организации государственной власти.

Даже среди высших сановников нацистской партии, правительства и вермахта, составивших скамью подсудимых на главном Нюрнбергском процессе, не все являлись отъявленными расистами. Так, антисемитизм второго лица в государстве — рейхсмаршала Германа Геринга — был приправлен изрядной долей цинизма: своим заместителем в Министерстве авиации он сделал еврея Эрхарда Мильха, отпарировав упреки партийных аппаратчиков хлесткой фразой: «В своем штабе я решаю сам, кто еврей, а кто нет!» Ганс Фриче, глава имперского радиовещания, в своих пропагандистских речах, ложно приписывая евреям антигерманские настроения, тем не менее не призывал к их преследованию и истреблению и был оправдан Международным военным трибуналом по обвинениям в преступлениях против человечности. Другому подсудимому, министру вооружения Альберту Шпееру, трибунал смягчил наказание, отметив, что он «противодействовал гитлеровской политике „выжженной земли“ путем преднамеренного саботирования ее, подвергаясь при этом значительному риску».

Еще труднее было придать расистскую ненависть секуляризованному бытовому антисемитизму простого немца. Михаил Светлов как-то сострил: «Легко любить все человечество — попробуй полюбить своего соседа по квартире». Но к нашему предмету будет справедлива и «обратка»: «Легко возненавидеть все еврейство — попробуй возненавидь каждого знакомого еврея». На этот счет сокрушался зловещий Гиммлер, цепной пес Гитлера, на совещании верхушки СС: «И вот они приходят — 80 миллионов честных немцев, и у каждого есть свой порядочный еврей.

Конечно, все другие — свиньи, но данный еврей — первосортный еврей».

Нацистскому режиму удалось успешно преодолеть такое сопротивление человеческого материала и решить две взаимосвязанные задачи: воспитать безжалостность будущих убийц-исполнителей и обеспечить равнодушие рядовых граждан к массовым репрессиям. Когда гитлеровская Германия была сокрушена и открылись все злодеяния нацистов, мир вздрогнул от осознания действенности насилия и лжи, которые тоталитарное государство сделало основными инструментами своей политики. Нацисты уничтожили гражданское общество — были запрещены все политические партии, кроме НСДАП, лишены независимости суды, под контроль государства поставлены профсоюзы и средства массовой информации. В приговоре Нюрнбергского трибунала отмечалось: «В результате эффективного контроля над прессой и радио немецкий народ начиная с 1933 года был подвергнут сильнейшему влиянию пропаганды в пользу режима; и не только враждебная критика, но и всякая критика была запрещена. Независимые суждения, основанные на свободе мысли, стали совершенно невозможными».

Экономическая и политическая дискриминация евреев началась в 1935 году, но отмашка на Холокост была дана с вторжением гитлеровских войск на территорию Советского Союза.

В Нюрнберге судили главарей нацистского режима, идеологов и организаторов Холокоста — «убийц за письменным столом». Практически решать еврейский вопрос — массово расстреливать и травить людей в газовых камерах — предстояло исполнителям — членам айнзатцгрупп эсэсовской службы безопасности, администрации концлагерей. Судебные процессы над этими «убийцами на земле» менее известны. Один из них проходил в Риге с 26 января по 3 февраля 1946 года. Семь подсудимых во главе с бывшим верховным руководителем СС и полиции на территории Прибалтики Фридрихом Еккельном были приговорены к смертной казни и повешены за военные преступления и преступления против человечности.

Этот процесс послужил толчком для написания книги. Жанр ее не совсем обычен. Лев Симкин предпринял смелую попытку соединить в ней труд историка, осуществившего интересные архивные раскопки, с философским и социологическим анализом причин самой страшной цивилизационной катастрофы XX века. Попытку, на мой взгляд, успешную.

О Холокосте написаны многие тома научных исследований,

художественной литературы, поставлены спектакли, сняты фильмы. Но проклятый вопрос о том, как страна великой европейской культуры оказалась во власти безумной идеи, породившей ужасы Холокоста, не канул в Лету. Более того, события, периодически происходящие в разных странах, заставляют вновь и вновь о нем вспоминать.

Автор скромно заявляет, что «не посягает на то, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию природы зла». Но уйти от мысли о добре и зле в природе человека ему, как и всякому исследователю массового уничтожения людьми себе подобных, не удается.

«Зло банально», — пришла к выводу Ханна Арендт после суда над Адольфом Эйхманом — «бухгалтером смерти», ответственным за окончательное решение еврейского вопроса. По оценке Арендт, Эйхман вовсе не был идеологом-садистом. «Он был ужасно, невероятно нормальным человеком», «недалеким, исполнительным и зацикленным на своей карьере винтиком тоталитарной машины, стремящимся хорошо выполнить свою работу».

Еккельн, в отличие от Эйхмана, не столь нормален. Оказался в числе «первых учеников» Гитлера не случайно — бывший вояка, не способный выполнять квалифицированную работу, патологический лжец и пьяница. Фанатично уверовавший в то, что евреи — причина всего плохого в этом мире. Тоталитаризм, как известно, создает спрос на озлобленных неудачников, садистов, психопатов, хулиганов. Среди палачей-эсэсовцев подобного пошиба субъектов встречалось немало. И все же Лев Симкин разделяет взгляд Ханны Арендт: даже в такой жуткой форме нацистское зло — банально.

Главный, а зачастую единственный довод, выдвигавшийся всеми подсудимыми на всех процессах в свое оправдание — что Герингом, что Эйхманом, что Еккельном: «Невиновен. Я солдат и выполнял приказ Гитлера — личный или отданный через главу СС Гиммлера». Применительно к убийствам мирных граждан аргумент юридически негодный. Нюрнбергский трибунал напомнил в своем приговоре: «То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу, в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях… Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках уголовного права большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор».

А задавались ли палачи-нацисты таким выбором? Вопрос не

праздный. Моральный выбор стоит перед человеком, имеющим разум и совесть. Но Гитлер внушал своим подданным: «Я освобождаю людей от отягощающих ограничений разума, от грязных и унизительных самоистязаний совести».

Рискну утверждать, что ссылка на приказы фюрера как основание для освобождения от ответственности, во всяком случае у значительной части подсудимых, не была только надуманной процессуальной позицией.

В определении сути гитлеровского режима тот же Международный военный трибунал и профессиональная защита на Нюрнбергском процессе, как это ни парадоксально, совпадали:

«Вся власть оказалась в руках Гитлера. Германия приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами и ее циничным отрицанием управления посредством законов» (текст приговора МВТ);

«Приказ фюрера стал центральным элементом всего немецкого государственного устройства… В государстве, где вся власть принимать окончательные решения сконцентрирована в руках одного-единственного человека, его приказы являются по крайней мере обязательными для каждого члена иерархии… Приказ Гитлера являлся для человека, к которому он относился, обязательным, а именно — юридически обязательным, даже если эта директива противоречила международному праву или другим принятым решениям» (из защитительной речи доктора права, профессора Германа Яррайса).

Необходимо вспомнить, что Гитлер, существующий для граждан постсоветской России и бывших советских республик в образе бесноватого урода, был выдающимся государственным деятелем и непревзойденным оратором-демагогом; он воспринимался немцами в массовом патриотическом угаре как мессия, потому как на протяжении целых восьми лет был неправдоподобно, феерически успешен во всех своих замыслах — международных и внутренних: аншлюс Австрии, присоединение Судетской области Чехословакии, порабощение Польши, бескровная оккупация Франции, а затем и всей Западной Европы, ликвидация безработицы, организация общественных работ, строительство автострад (правда, такие хозяйственные методы могли дать только временный успех и без захвата чужих территорий экономика Германии схлопнулась бы). Культ Гитлера раздувался прессой, насаждался в школах и университетах. Особенно чувствительная к пропаганде молодежь вливалась в охрану концлагерей, пополняла айнзатцгруппы. У эсэсовцев, отравленных доктриной, что славяне являются низшей расой, а евреи просто не являются людьми, приказ божественного вождя

окончательно блокировал способность мыслить самостоятельно. Как выразился отданный под суд комендант Освенцима Рудольф Хёсс: «Прежде всего мы должны слушать фюрера, а не философствовать».

Состоялось бегство немцев от свободы и неразрывно связанных с ней личной ответственности и совести. К тому же никто из палачей не допускал, что когда-то будет судим за свои злодеяния, — с Гитлером в башке и с наганом в руке они собирались стать властителями мира.

И еще. Достоинство книги Льва Симкина в том, что она пробуждает нравственные чувства: сопереживание невинным жертвам, праведный гнев в отношении хладнокровных убийц. Рациональное постижение причин зла не должно гасить возмущение им. Мы люди — пока не утрачиваем способность сострадать.

В постсоветских странах не любят вспоминать о Холокосте: в расстрелах евреев участвовали коллаборационисты разных национальностей — русские, украинцы, литовцы, латыши, эстонцы. Но замалчивать преступления, а то и пытаться представить убийц-юдофобов в роли борцов с советскими оккупантами нельзя.

А управлять государством нужно не приказами вождей и не чиновными инструкциями, а законами. Причем законами правовыми, когда права человека не приносятся в жертву никакой идеологии.

Документальные источники

Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. Часть 1. Днепропетровск, 2008.

Государственный архив Российской Федерации. ГАРФ, Ф-7021, оп. 149, д. 60. ГАРФ, Ф-9401, оп. 1.

«Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском приграничье, февраль-март 1943 г. Документы и материалы. Минск — Москва, 2013.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 5. М., 1991.

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. «Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года». Т. 2. Кн. 2. М., 2000.

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987.

Приказ: архив уничтожить. Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944. Сборник документов. СПб., 2016.

СС в действии: Документы о преступлениях СС. М., 2000.

Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Арад, Ицхак. Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1991.

Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. Днепропетровск, 2011.

Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М., 2002.

Центральный архив ФСБ. ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313, тт. 1–20.

Bundesarchiv, Ludvigsburg. USHMM Archives, RG-34–101M, Records of the Central Office of the Judicial Authorities of the Federal States for the Investigation of National Socialist Crimes (B162).

Yad Vashem Archives, Jerusalem (YV). 068 (Personalakte Friedrich Jeckeln).

Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. Vol. XV. Nuremberg, 1948.

United States Holocaust Memorial Museum. USHMM, RG-06.025.1. USHMM, RG-50477/0385. USHMM, RG-34–101M,

RG-06/027, RG-06.025. Reel 52, RG-50.568.0029.

Литература

Альманах «Еврейская старина». № 11–12 (47), 2006.

Альтман, Илья. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР,* 1941–1945 *гг.* М., 2002.

Арендт, Ханна. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме.* М., 2008.

Бергман, Александр. *Записки недочеловека.* Рига, 2005.

Васильченко, Андрей. *Арийский миф III рейха.* М., 2008.

Гефтер, Михаил. *Эхо Холокоста.* М., 1995.

Гинзбург, Лев. *Бездна.* М., 1967.

Ефремов, Виктор. *Гитлер, Гесс и партнеры.* М., 2012.

Жуков, Дмитрий; Ковтун, Иван. *Полицаи. История, судьбы, преступления.* М., 2016.

Звягинцев, Александр; Орлов, Юрий. *От первого прокурора России до последнего прокурора Союза.* М., 2001.

Зильберман, Давид. *И Ты это видел.* М., 2012.

Кауфман, Макс. *Уничтожение евреев в Латвии.* Рига, 2012.

Клемперер, Виктор. *Свидетельствовать до конца. Из дневников* 1933–1945. М., 1998.

Кобляков, Шолом. *Памятник моему отцу. Воспоминания.* Рига, 2008.

Ковтун, Иван. *По кровавым следам: Преступления зондеркоманды* 4*а в июне* 1941 *— январе* 1941 *годов //* Военно-исторический журнал. № 5, 2008.

Крысин, Михаил. *Прибалтийский фашизм.* М., 2007.

Кудряшов, Сергей. *Немецкие айнзатцгруппы в годы войны //* Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. М., 2010.

Кунц, Клаудиа. *Совесть нацистов.* М., 2007.

Ланг, Йохен фон. *Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле.* М., 2007.

Рис, Лоуренс. *Нацисты. Предостережение истории.* М., 2014.

Ленштедт, Штефан. *Минский опыт: немецкие оккупанты и повседневная жизнь в столице Белоруссии //* Неприкосновенный запас. № 4, 2016.

Манн, Майкл. *Темная сторона демократии.* М., 2016.

Марголин, Максим. *«Убить всех евреев!» Холокост в Латвии.* М., 2011.

Медалье, Элла. *Право на жизнь.* Москва — Рига, 2006.

Моссе, Джордж. *Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма.* М.,1966.

Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР:

региональный аспект. Материалы международной научной конференции. М., 2010.

Обозный, Константин. *История Псковской православной миссии* 1941–1944 *гг.* М., 2008.

Петров, Никита. *Чрезвычайная государственная комиссия и ее роль в судебных преследованиях военнопленных вермахта в СССР.* 1943–1950 *гг. //* Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. Грац — Минск, 2007.

Рид, Дуглас. *Хотел ли Гитлер войны. Беседы с Отто Штрассером.* М., 2013.

Розенберг, Альфред. *Политический дневник.* 1934–1944 *гг.* М., 2015.

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. М., 2009.

Сафрански, Рюдигер. *Германский мастер и его время.* М., 2005.

Свендсен, Ларс. *Философия зла.* М., 2008.

Сегев, Том. *Симон Визенталь. Жизнь и легенды.* М., 2014.

Сихровски, Петер. *Рожденные виновными: Исповеди детей нацистских преступников.* М., 1997.

Смирин, Григорий. *Евреи Риги в период нацистской оккупации (*1941–1945 *гг.) //* Альманах «Еврейская старина». № 11–12, 2006.

Соловьев, Илья; Шкаровский, Михаил. *Кто совершил злодеяние на пустынной дороге? //* Церковь и время. № 4 (53), 2010.

СССР во Второй мировой войне. Окупация, Холокост, сталинизм. М., 2014.

Судоплатов, Павел. *Спецоперации. Лубянка и Кремль.* 1930–1950 *годы.* М., 1997.

Съянова, Елена. *Гитлер-директория.* М., 2014.

Тайны «Черного ордена SS». Сборник статей. М., 2006.

Уничтожение евреев в Латвии 1941–1945. Рига, 2008.

Фрейдессон, Татьяна. *Дети Третьего рейха.* М., 2013.

Фреймане, Валентина. (При участии Гунты Страутмане.) *Прощай, Атлантида.* Рига, 2012.

Хафнер, Себастьян. *История одного немца. Частный человек против тысячелетнего рейха.* М., 2016.

Хене, Хайнц. *Черный орден СС. История охранных отрядов.* М., 2003.

Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2011.

Черная книга. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2016.

Чумаченко, Татьяна. *Пожертвования и молитвы за победу. Русская православная церковь в годы войны СССР с гитлеровской Германией //* Россия и Германия в XX веке. Т. 1. М., 2010.

Ширер, Уильям. *Взлет и падение Третьего рейха.* М., 2013.

Шкаровский, Михаил. *Холокост и православная церковь.* М., 2016.

Шнеер, Арон. *Плен.* Иерусалим, 2005.

Эванс, Ричард. *Третий рейх. Дни войны.* 1939–1945. М., 2012.

Эзергайлис, Андриевс. *«Команда Арайса»* // ВЕК. № 4, 1990.

Эйдус, Язеп. *Глава из книги воспоминаний «Прошедшее (*1916–2004*). Ретроспектива и переоценка»* // Рижский альманах. № 6, 2015.

Breitman, Richard. *The Architect of Genocide.* New York, 1991.

Breitman, Richard. *Spezialist für die «Endlösung» im Osten* / Smelser R., Syring E. (Hg.). Die SS: Elite unter dem Totenkopf: 30 Lebensläufe. Paderborn, 2000.

Broszat, Martin. *Hitler und die Genesis der Endlösung. Aus Anlass der Thesen von David Irving* // Viertelsjahreshefte für Zeitgeschichte. Bd. 25. Heft 4. Stuttgart, 1977.

Browning, Christopher R. *Ordinary Men: Reserve Police Battalion* 101 *and the Final Solution in Poland.* New York, 1992.

Deschner, Günter. *Heydrich, Reinhard. Security Technocrat. The Nazi Elite.* New York, 1998.

Dialogā ar vēsturi: Pētera Krupņikova dzīvesstāsts. Riga, 2015.

Ezergailis, Andrew. *The Holocaust in Latvia:* 1941–1944. Riga, 1996

Kiekenap, Bernhard. *Hitlers und Himmlers Henker. Der SS-General aus Braunschweig.* Biografische Notizen über Friedrich Jeckeln (1895–1946). Braunschweig, 2013.

Künzle, Anton; Shimron, Gad. *The Execution of the Hangman of Riga: The Only Execution of a Nazi War Criminal by the Mossad.* United Kingdom, 2004.

Longerich, Peter. *Heinrich Himmler. Biographie.* München, 2010.

Schneider, Wolfgang. *Frauen unterem Hakenkreuz.* Hamburg, 2001

Lower, Wendy. *Anticipatory Obedience and the Nazi Implementation of the Holocaust in the Ukraine: a Case Study of Central and Peripheral Forces in the Generalbezirk Zhytomyr,* 1941–1944 // Holocaust and Genocide Studies, spring 2002.

Mallmann, Klaus-Michael. *Der qualitative Sprung im Vernichtungsprozess. Das Massaker von Kamenez-Podolsk Ende August* 1941 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 10 (2001).

Petrov, Nikita. *Verurteilungen deutscher und österreichischer Kriegsverbrecher in der Sowjetunion* 1943–1952 // Stefan Karner, Gerald Schöpfer (Hg). Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. (Die Beiträge des Symposions an der Universität Graz, 1997). Graz, 1998.

Speer, Albert. *Inside the Third Reich.* New York, 1997.

Stagneth, Bettina. *Eichmann Before Jerusalem. The Unexamined Life of a Mass Murderer.* New York, 2015.

The Nazi Elite. Edited by Ronald Smelser and Rainer Zitehmann. New York, 1998.

Lilienthal, Georg. *Der «Lebensborn e. v.»: ein Instriment nationalsozialistischer Rassenpolitik.* Stuttgart, 1985.

מורשת השתיקה שיחות עם ילדי הרייך השלישי אוניברסיטה בן גוריון (Дан Бар-Он. *Груз молчания. Беседы с детьми Третьего рейха.* Издание Беер Шевского университета, 1997).

Вкладка

Рига, площадь Победы. 3 февраля 1946 г.

Обергруппенфюрер СС Фридих Еккельн, генерал войск СС и полиции.

Каменец-Подольский. С 26 по 29 августа 1941 г. здесь по приказу Еккельна были убиты 23 600 человек.

Бердичев. 15 сентября 1941 г. на поле вблизи аэродрома были убиты 12 тысяч человек.

Фридрих Еккельн. Высший фюрер СС и полиции на юге, а затем на севере России.

Житомир, временная резиденция Еккельна. В сентябре 1941 г. здесь расстреляны 4 тысячи евреев.

Киев, сентябрь 1941 г. Число убитых в Бабьем Яре 29 и 30 сентября составило 33 771 человек.

По оккупированной территории СССР разъезжало 15 машин-душегубок.

Эрих фон дем Бах — обергруппенфюрер СС и генерал полиции.

Фон дем Бах в 1965 г. был приговорен к пожизненному заключению, умер в 1972 г. в тюремной больнице.

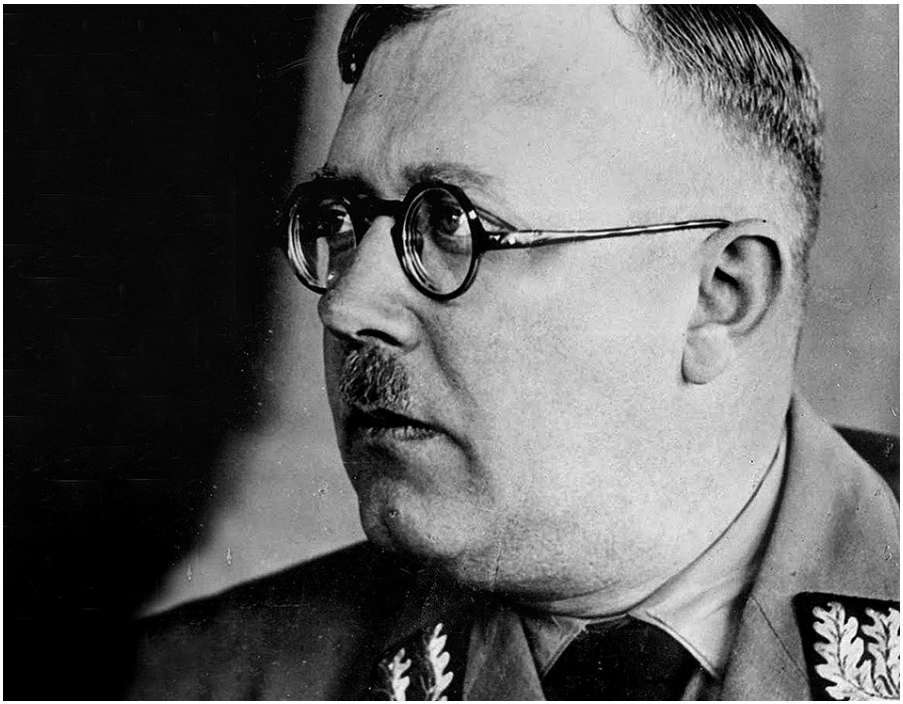
Ганс-Адольф Прютцман — обергруппенфюрер СС, генерал полиции и войск СС. Покончил жизнь самоубийством в тюрьме в 1945 г.

Прютцман с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером.

На фото: Хорст Бёме, Рейнхард Гейдрих и Ганс Франк. Рейнхард Гейдрих — обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Умер от ранения, полученного при покушении на него в мае 1942 г.

Взорванная машина, на которой ехал Гейдрих. Прага, 27 мая 1942 г. В этот же день в качестве возмездия была уничтожена деревня Лидице.

Гиммлер с детьми Гейдриха на его похоронах. 9 июня 1942 г.



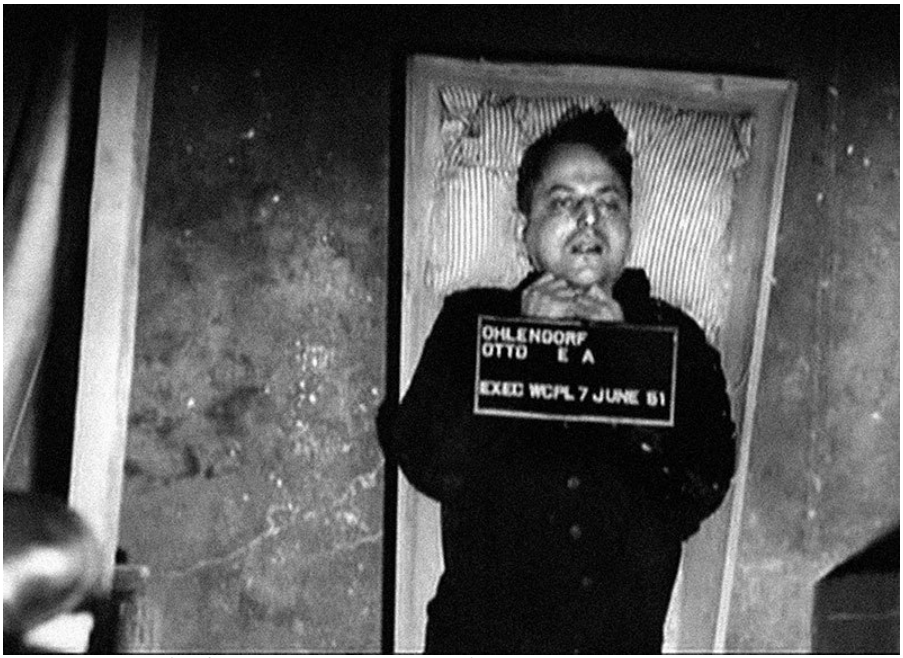
Генрих Лозе — рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд. В 1948 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден по состоянию здоровья. Умер в 1964 г.

Лозе и Еккельн на вокзале в Риге.

Генеральный комиссар Латвии Отто-Генрих Дрехслер, Генрих Лозе, рейхсминистр восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг и гебитскомиссар Земгальской области Вальтер-Эберхард фон Медем.

Генрих Мюллер — начальник гестапо, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Предположительно погиб в мае 1945 г.

Отто Олендорф — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции, начальник айнзатцгруппы D.

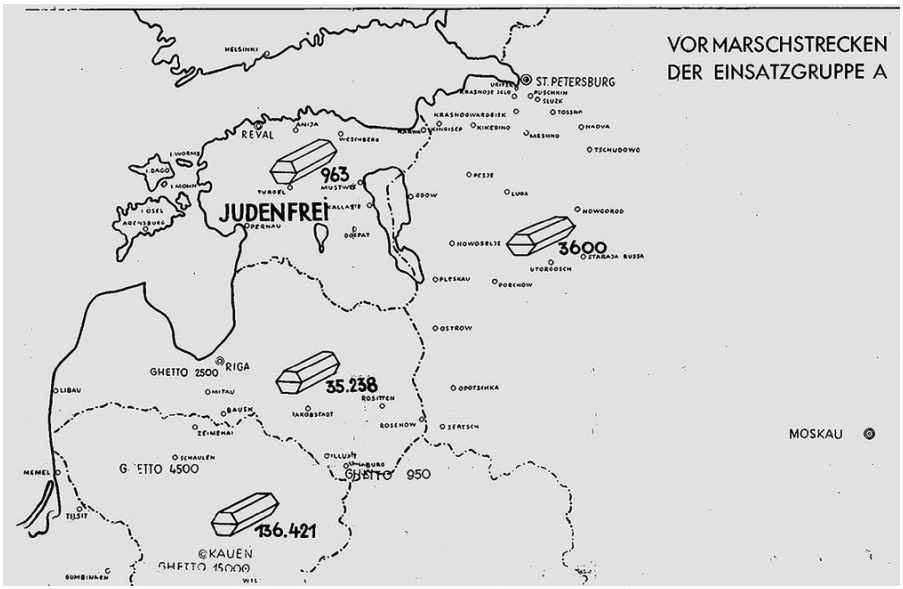


Отто Олендорф повешен по приговору суда в Нюрнберге в 1951 г.

Слева от Гиммлера — обергруппенфюрер СС Теодор Эйке.

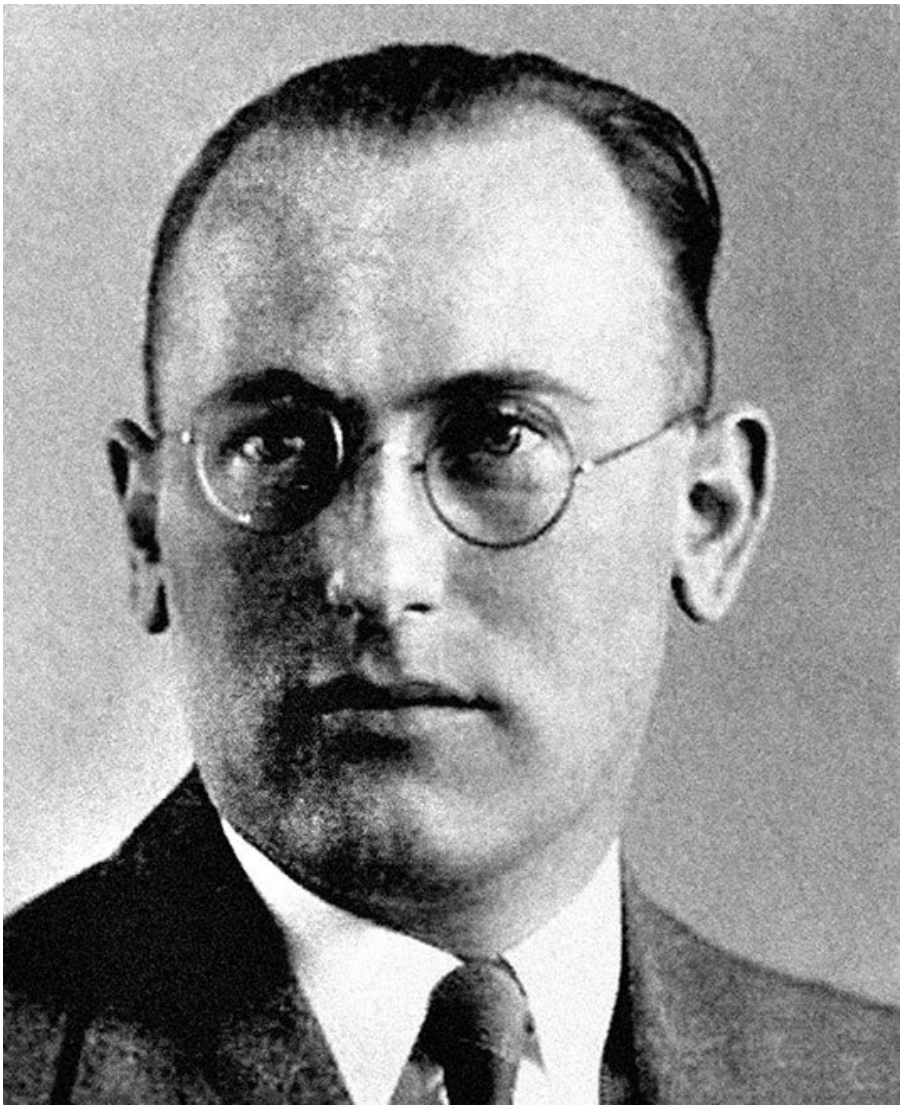
Эйке — командир дивизии СС «Мертвая голова». Погиб в 1943 г., его самолет был сбит под Харьковом.

Могила Эйке в деревне Отдохнино. Февраль 1943 г.



Карта уничтожения еврейского населения СССР в период с 16 октября 1941-го по 31 января 1942 г., приложенная к докладу командира айнзатцгруппы А Франца Вальтера Шталекера.

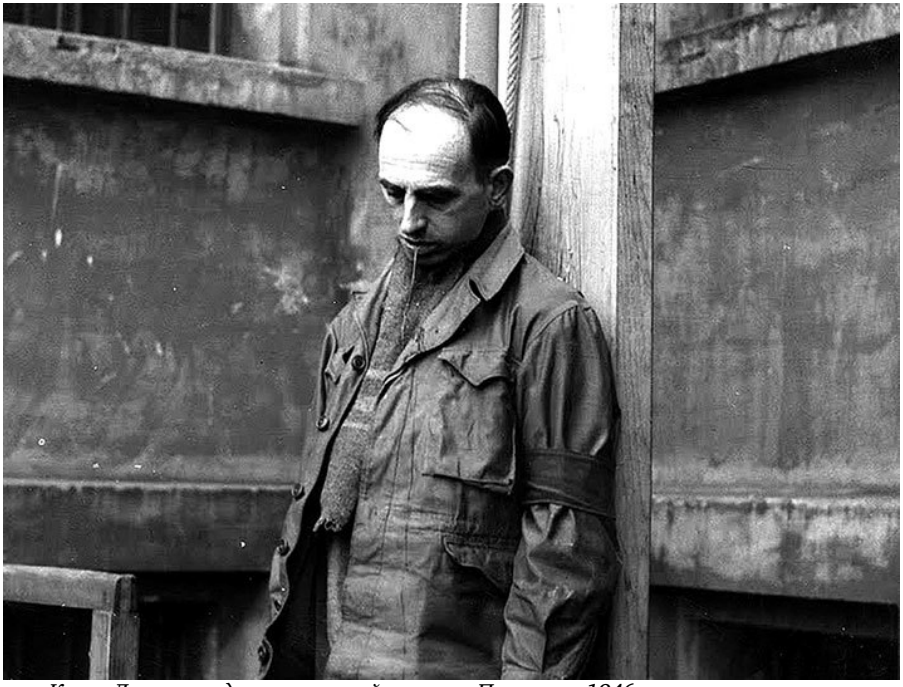
Групповое фото айнзатцгруппы А.



Франц Вальтер Шталекер — бригадефюрер СС, генерал-майор полиции, командир айнзатцгруппы А и начальник полиции безопасности и СД Остланд.

Франц Вальтер Шталекер убит партизанами в Гатчине в марте 1942 г. (внизу).

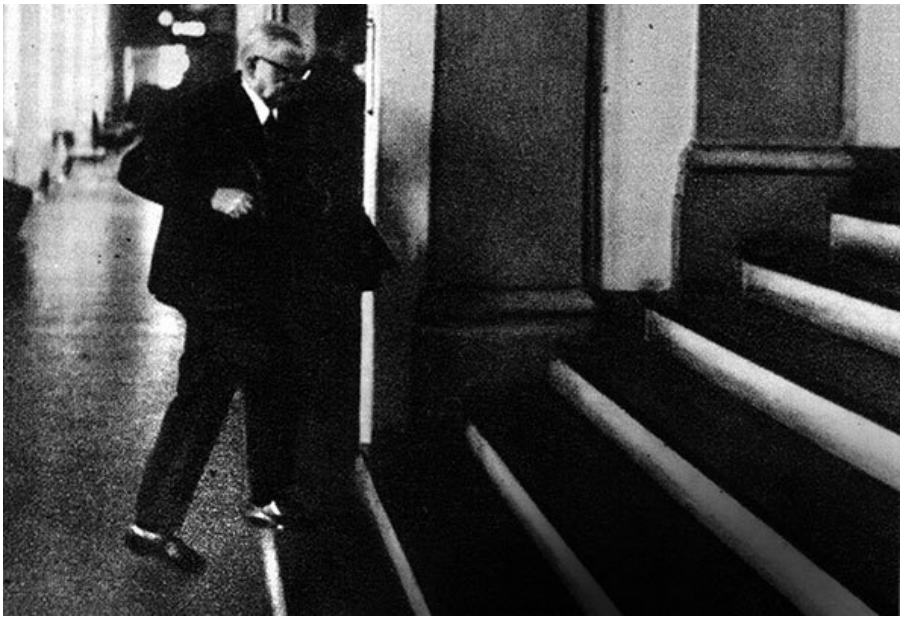
Справа от Гиммлера — оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции Курт Далюге.



Казнь Далюге во дворе пражской тюрьмы Панкрац в 1946 г.

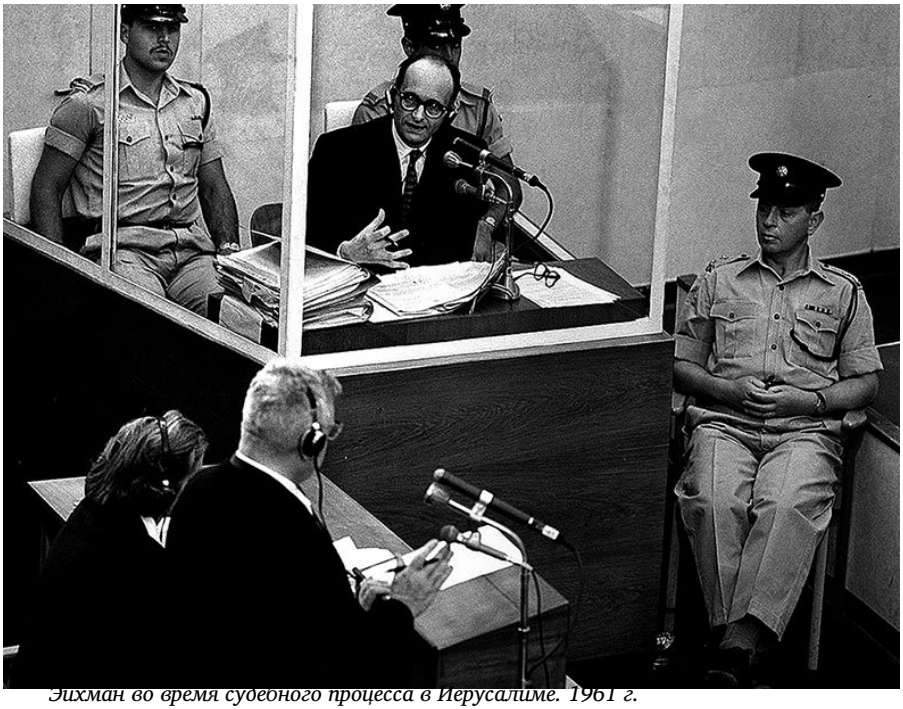
Артур Небе — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции, начальник айнзатцгруппы В, казнен в марте 1945 г. за участие в заговоре.

Бруно Штреккенбах — группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции. Умер своей смертью в 1977 г.



Штреккенбах в суде по делу палача Варшавского гетто Людвига Хана. 1970-е гг.

Адольф Эйхман — оберштурмбаннфюрер СС, начальник отдела гестапо IV B 4, отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса». Найден агентами МОССАДа и по приговору суда повешен в Израиле в 1962 г.



Эйхман во время судебного процесса в Иерусалиме. 1961 г.

Доктор Йозеф Менгеле, комендант Освенцима оберштурмбаннфюрер СС Рудольф Хёсс и комендант Берген-Бельзена Йозеф Крамер на отдыхе. 1944 г.

Рудольф Хёсс повешен по приговору польского суда в 1947 г.

Карл Егер — командир айнзатцкоманды 3 айнзатцгруппы А в Каунасе. Покончил с собой в тюрьме в 1959 г.

Эдуард Рошман — комендант Рижского гетто, известный как Рижский Мясник. Умер в 1977 г. в Парагвае.

UN CRIMINAL DE GUERRA NAZI MURIO AYER EN EL HOSPITAL DE CLINICAS

Se trata de Eduardo Roschmann, acusado de matar a 30.000 judíos

Había ingresado recientemente al país, bajo el nombre de Federico Wegener, y era buscado por la justicia alemana (ver pag. 9).

JUEVES, 11 DE AGOSTO DE 1977

G 18 48 PAGINAS - AÑO II - N° 3639

COLOR abc

UN DIARIO JOVEN CON FE EN LA PATRIA

ASUNCION-PARAGUAY

Una foto más reciente del criminal nazi, cuyo deceso se produjo ayer en el Hospital de Clínicas, a raíz de un infarto en el miocardio.

Roschmann en 1955, según una fotogr... tomada en Buenos Aires y publicada po... revista GENTE, el 14 de julio último

Газета с сообщением о смерти Рошмана в госпитале в Асунсьоне. Парагвай, 1977 г.

Рудольф Ланге — начальник полиции безопасности и СД в Остланде. Погиб в бою в 1945 г.

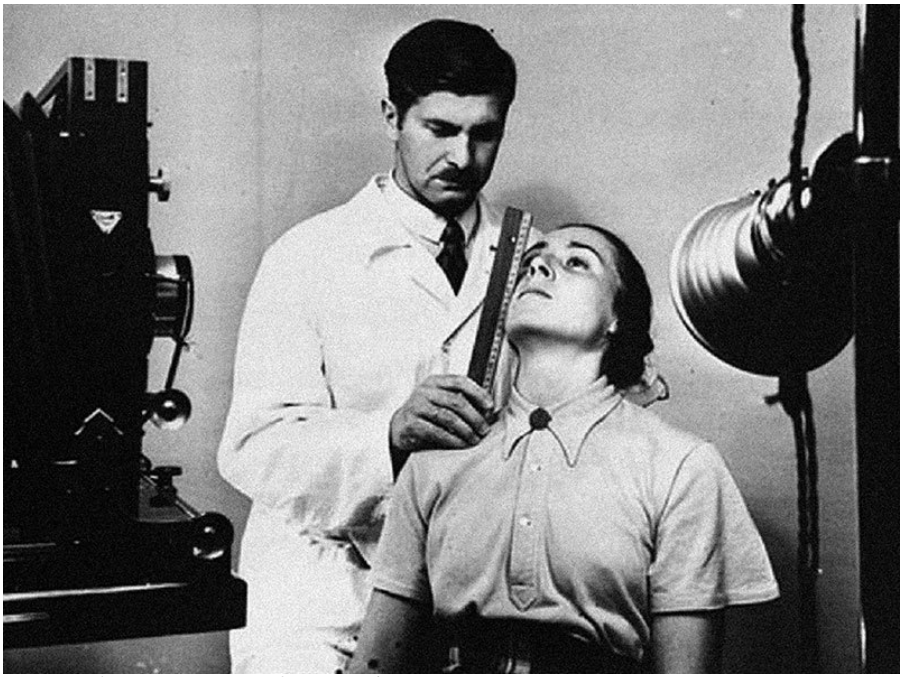
Пауль Блобель — штандартен-фюрер СС, начальник зондер-команды 4а айнзатцгруппы С.

1948 г. Блобель перед трибуналом в Нюрнберге. Вынесенный ему смертный приговор был приведен в исполнение 7 июня 1951 г.

Программа «Лебенсборн», финансировавшаяся СС. Счастливые матери.

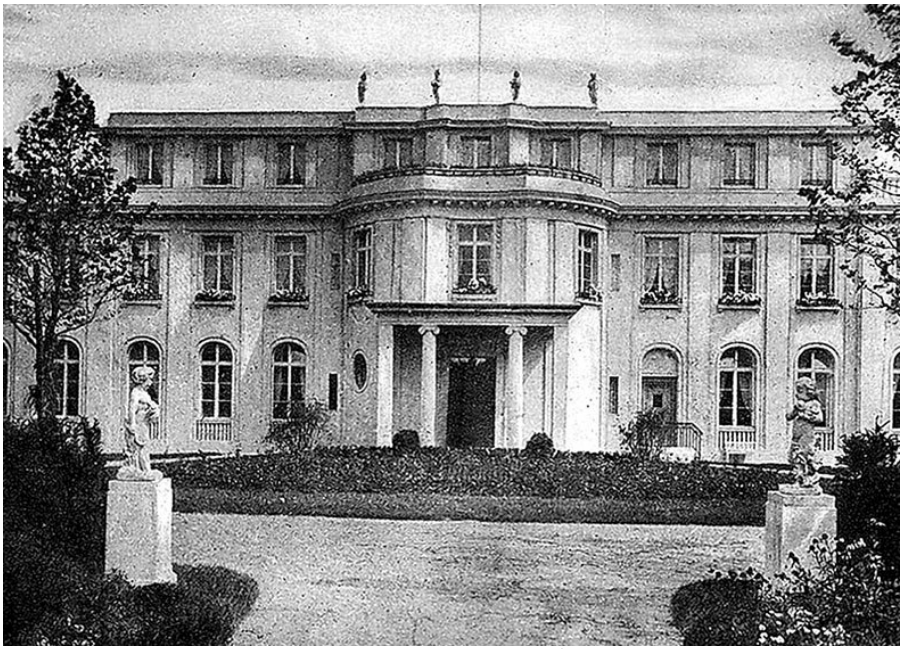
Программа «Лебенсборн», финансировавшаяся СС. Истинно арийские девушки.

Детский сад «Лебенсборн».



Определение происхождения по форме черепа.

Плакат «Образы немецких рас». 1936 г.



Вилла «Марлир» в Берлине на озере Ванзее, где 20 января 1942 г. состоялось совещание по «окончательному решению еврейского вопроса».

Maksā 15 kap.

TĒVIJA

Nr. 1. Otrdien, 1. jūlijā 1941. g.

Redakcija: Rīgā, Blaumaņa ielā 38-40

Tālruņi: 30720, 30637, 31462, 31652, 24032, 31377

Vācu bruņoto spēku virspavēlnieciba ziņo:

Starp Karpatiem un Pripetas purviem vācu armijas vienības kopā ar dzovuku karaspēku iecīna sev ceļu, vajājot satriektās ienaidnieka abpus Lembergai.

Starp Bialostoku un Minsku ietilpgto padomju armiju izmisuma mēģinājumi izlauzties no aplenkuma beka bija veltīgi. Bieši vien 5—12 kārtu dziļumā uzsāktie un visasākāku tanku atbalstītie pārrāvuma mēģinājumi sabruka, ienaidniekam cietot neparasti asiņainus zaudējumus. Tālāk uz austrumiem sasniegta Berezina.

Starp Daugavpili un Rīgu plašā frontē sasniegta un dažādās vietās pārvarēta Daugava.

Vācu gaisa spēku virsuņas ar izcilrējām sekmēm iejaucās zemes cīņās. Tās bombardēja austrumos no Lembergas atkāpjošā ienaidnieka kolonas, kas bieži vien divi līdz trīs kolonās atkāpa uz vienu ceļa, nodarīja vissmagākos zaudējumus starp Bialostoku un Minsku ielecktajām padomju armijām un nemitīgi uzbruka pāri Bigai atstājam ienaidnieka operācijās iznīcinājuma lielu skaitu tanku un almām smagu mašīnu, apkļuvušā ienaidnieka bateriju un sagrāva transporta vācekus.

Sevišķi lielus panākumus vācu gaisa spēki vakardien guva cīņās pret padomju aviāciju. Kā jau specializējošamā misiņu, ienaidnieka 36. lērijas uguns nakti notricca 3 angļu lidaparātus. Flotes artilērija nakti uz 30. jūniju notricca 4 ienaidnieka lidmašīnas.

Uzvaru vainagotās gaisa kaujās austrumos iznīcinātāju eskadriļu pulkv.-ltn. Mölders vadībā notricca 110 ienaidnieka lidaparātus, iznīcinātāju eskadriļas majora Trautlofta vadībā nogāza 65 lidaparātus. Pulkv.-ltn. Mölders iecīnīja savu 82., kapt. Jopiens 52. gaisa uzvaru.

Cīņā par ienaidnieka robežnocietinājumiem sevišķi iecēlās kāda sapieru bataljona komandieris majors Stöters un rotas komandieris tai pašā bataljonā virsleitn. Hornungs, kā arī kājnieku-sapieru vada komandieris ltn. Johannes Möllers.

Kāda ducheceļu - sapieru pulka ltn. Hāgs aizsardzīja kāda sevišķi svarīga dzelzceļa tilta uzspridzināšanu.

Kāda artilerijas pulka dižkareivis Reizers ka lielgabala ēmēšļš ar savu lielgabalu iznīcināja lai laikā 14 ienaidnieka tankus.

Bumbvedēju grupa majora Buša vadībā operējusi pret Angliju līdz 1941. gada 15. jūnijam nogremdējusi vienu kreiseri, vienu iznīcinātāju un 21 mazāka tipa karakuģus, kā arī ienaidnieka tirdzniecības tvaikoņus 436.188 bruto reģistra tonu tilpumā. Bez tam ar bumbu trāpījumiem smagi bojāta liela skaita tirdzniecības kuģu.

Starp Bialostoku un Minsku ielenktajām padomju armijām un nemitīgi uzbrukumi vērsās pret Kārdiņu, kā arī pret Angļijas austrumu un dienvidaustrumu piekrastes ostu ieriečem.

Ziemeļafrikā pie Sollumas vācu pikējošie bumbvedēji uzbrukuma kādu angļu iznīcinātāju, bombardēja Tobrukas ostas ieriečes un ienaidnieka spēkratu koncentrācijas.

Angļu bumbvedēji ziemo mākoņu un apmākuša laika aizsegā vakar uzsta bumbas Zirneļvācijas piekrastes pilsētu apdzīvotos kvartālos. Civiliedzīvotāji cietuši zināmus zaudējumus. Vairākas ēkas izpostītas vai bojātas. Šai uzbrukumā, kā arī ienaidnieka ielidojuma mēģinājumos okupētā teritorijā pie Lamanša kanāļa, iznīcinātāji un zenitartilērija notricca 11, bet flotes baterijas 5 angļu lidmašīnas.

Ienaidnieka gaisa uzbrukumos, kas pēdējā nakti vērsās pret Rietumvāciju, starp citu. Ķelnē nonāvēti vai ievainoti daži civiliedzīvotāji. Militāri-saimnieciski zaudējumi nav nodarīti. Iznīcinātāju un zenitartilērijas uguns nakti notricca 3 angļu lidaparātus. Flotes artilērija nakti uz 30. jūniju notricca 4 ienaidnieka lidmašīnas.

Uzvaru vainagotās gaisa kaujās austrumos iznīcinātāju eskadriļu pulkv.-ltn. Mölders vadībā notricca 110 ienaidnieka lidaparātus, iznīcinātāju eskadriļas majora Trautlofta vadībā nogāza 65 lidaparātus. Pulkv.-ltn. Mölders iecīnīja savu 82., kapt. Jopiens 52. gaisa uzvaru.

Cīņā par ienaidnieka robežnocietinājumiem sevišķi iecēlās kāda sapieru bataljona komandieris majors Stöters un rotas komandieris tai pašā bataljonā virsleitn. Hornungs, kā arī kājnieku-sapieru vada komandieris ltn. Johannes Möllers.

Kāda duchecelu - sapieru pulka ltn. Hāgs aizsardzīja kāda sevišķi svarīga dzelzceļa tilta uzspridzināšanu.

Kāda artilerijas pulka dižkareivis Reizers ka lielgabala ēmēšļš ar savu lielgabalu iznīcināja lai laikā 14 ienaidnieka tankus.

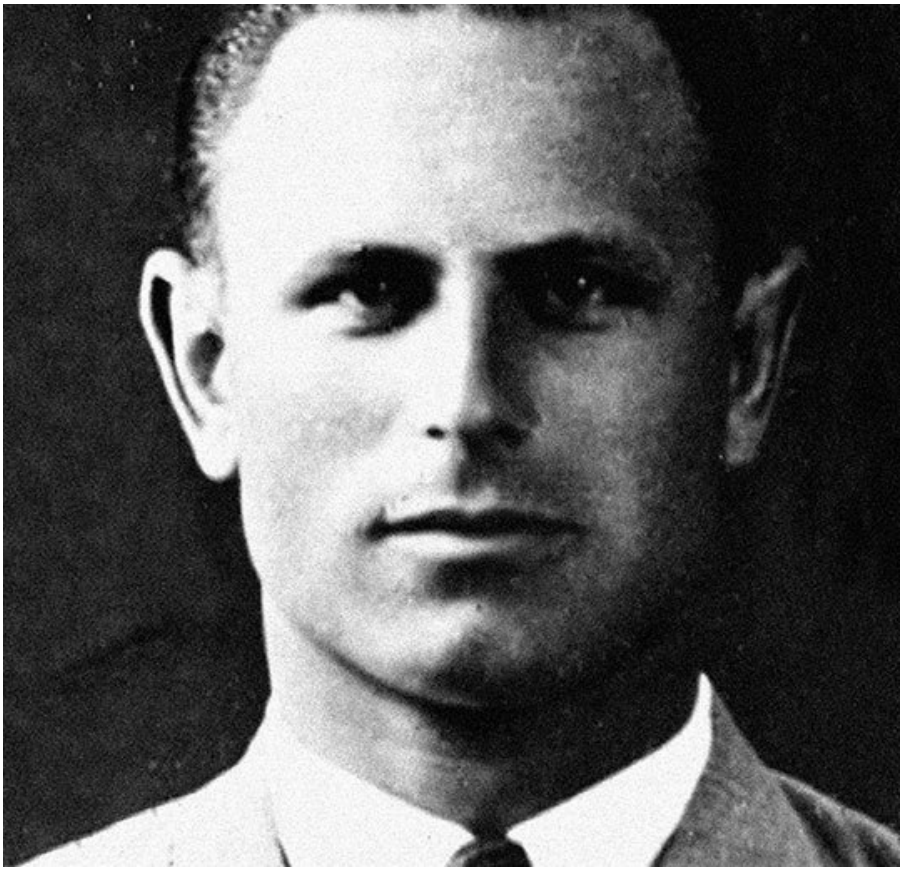
Bumbvedēju grupa majora Buša vadībā operējusi pret Angliju līdz 1941. gada 15. jūnijam nogremdējusi vienu kreiseri, vienu iznīcinātāju un 21 mazāka tipa karakuģus, kā arī ienaidnieka tirdzniecības tvaikoņus 436.188 bruto reģistra tonu tilpumā. Bez tam ar bumbu trāpījumiem smagi bojāta liela skaita tirdzniecības kuģu.

No žīdu vadītām

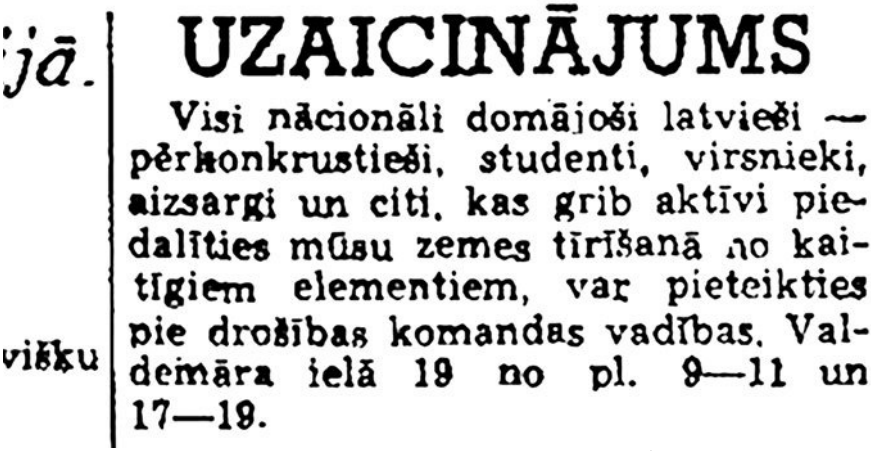
Rigas komandanta pikv. Ullersbergera

Латышская пронацистская коллаборационистская газета Tevija («Отчизна»).

Плакаты нацобъединения «Перконкрустс»: «Латвия — латышам! Латышам — работу и хлеб! Будем бороться!» и «Жиды не наши. Гоните их прочь!».



Виктор Арайс — лидер латышских коллаборационистов.



ija.

UZAICINĀJUMS

Visi nacionāli domājoši latvieši — pērkonkrustieši, studenti, virsnieki, aizsargi un citi, kas grib aktīvi piedalīties mūsu zemes tīrīšanā no kaitīgiem elementiem, var pieteikties pie drošības komandas vadības. Valdemāra ielā 19 no pl. 9—11 un 17—19.

viešku

Объявление в газете Tevija: «Все национально думающие латыши — перконкрустовцы, студенты, офицеры, „айзсарги“ и другие, кто хочет активно участвовать в очищении нашей земли от вредных элементов, могут записаться у руководства команды безопасности. Улица Вальдемара, 19, с 9 до 11 и с 17 до 19 часов».

Добровольцы Арайса на улицах Риги.

«Команда Арайса» в Белоруссии.

В 1943 г. был сформирован Латышский добровольческий легион СС, в который вошли многие бойцы «команды Арайса».

Марш Латышского легиона на улицах Риги.

Герберт Цукурс — летчик, национальный герой Латвии, одним из первых вступил в «команду Арайса».

Цукурс в Латинской Америке незадолго до смерти. 1965 г.

Патриарх Сергий (Страгородский).

Митрополит Сергий (Воскресенский).

4 „ЗА РОДИНУ" № 73 Четверг, 3-го

От имени русской православной церкви:

Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной

Германия дарит 1026 православных духовных книг русскому экзархат

В противоположность большевизму, который разрушил церкви, организовывал массовые ссылки и даже убийства духовенства, преследовал верующих, — национал-социалистическая Германия не только разрешает любую церковную деятельность, но и поддерживает ее всеми возможными мерами. Православная церковь в освобожденных областях возобновила свою деятельность под защитой германских вооруженных сил. Это — яснейшее доказательство того, что Германия великолепно понимает и ценит особенности других народов, их культуру. На-днях состоялась торжественная передача 1026 Библий, Евангелий и других рукописей для церковных нужд главе русской православной Церкви, экзарху-митрополиту Сергию. Германия доказала этим, что она понимает и ценит национальные особенности русского народа.

Достопримечательно то, что штаб Розенберга, получивший в самом разгаре войны непосредственно от Адольфа Гитлера поручение — вести духовную борьбу против основ большевистского мировоззрения, теперь смог вручить экзарху 1026 священных книг.

Одновременно с приказом об уничтожении губителя культуры Сталина, Адольф Гитлер издал приказ о непременном сохранении всех действительных культурных ценностей. В Советской России Библии были частью уничтожены, частью — выставлены с кощунственными надписями в антирелигиозных музеях. Немцы бережно сохраняли эти духовные реликвии, заботливо очищали их от пыли и грязи, чтобы православная церковь снова могла бы ими воспользоваться. Среди рукописей находятся несколько роскошных изданий, отделанных серебром, Евангелия и молитвенники 17—18 веков, а также рукописи 16, 17 и 18 веков.

По время торжественного акта передачи ценных книг экзарху Сергию, представитель штаба государственного министра Розенберга сказал:

«Я передаю сегодня спасенные Библии и молитвенники православной церкви; они — под защитой германских военных сил — снова может совершать богослужения, чему большевики препятствовали грубым насилием. Таким образом, священные книги, осужденные большевиками на прозябание в музеях, снова пробуждены к жизни и смогут спасать человеческие души от ада большевизма.

Мы ведем одинаковую борьбу! Поэтому, разрешите, — в виде этих Библий и молитвенников, среди которых больше двадцати очень красивых и ценных книг — вручить вам еще одно духовное оружие борьбы, являющейся также и нашей борьбой.»

Искренне растроганный ценным даром, экзарх Сергий выразил от имени православной церкви свою благодарность:

«Благодарю вас за спасение этих священных писаний не только, как представитель православной церкви Латвии, но также и всех церквей России, частью уже освобожденных германской армией, частью — еще страдающих под ярмом большевизма. Благодарность всех крестьян выразиться в общей борьбе с большевизмом. В этой борьбе, являющейся в то же время борьбой за свободу веры, примут участие не только церковные власти, но и весь народ. Прежде всего, мы благодарим великого германского Фюрера, спасающего Европу от красных захватчиков. Особенно благодарим Адольфа Гитлера, который, в тяжелую годину войны нашел время позаботиться о сохранении культурных ценностей и велел вернуть русской Церкви ее имущество. Мы молим Всевышнего, чтобы он и впредь ниспослал Адольфу Гитлеру силу и крепость для окончательной победы над большевизмом.

*

ОТ КОРРЕСПОНДЕНТА «ЗА РОДИНУ» ВЛ. МУХИНА.

*

Псковско-рижская газета «За родину» с фотографиями митрополита Сергия.

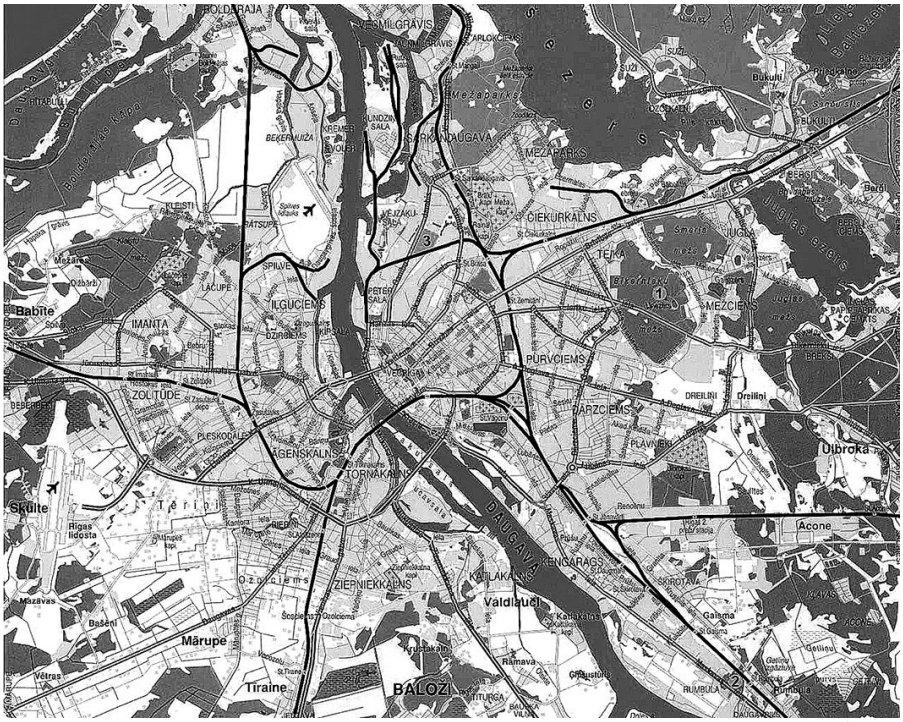
Митрополит Виленский и Литовский Сергий с членами Псковской православной миссии. 1941 г.

Передача немецкой армией Тихвинской иконы Божией Матери Псковской православной миссии в марте 1943 г.

Колонна арестованных евреев. Рига, 1941 г.

Депортация евреев в Ригу. 1941 г. Ковно (Каунас).

Депортация евреев в Ригу. 1941 г. Либава (Лиепая)


Mezaparks
Babīte
Skulte
Mārupe
Tīraine
BALOŽI
Ulbroka
Acone
Valdlauči
Drelliņi
Rīgas līdosta
Mazāvas
Bāseni
Vētras
Šķirotava
Galisma
Rumbula
Ziepniekkalns
Kengaraga
Pļavnieki
Purvciems
Mežciems
Ķengarags
Ķīšezers
Jugla
Jugla ezers
Ķīšupe
Daugava
Bukuļi
Ziemeļu šķērsosta
Ziemeļu lidosta
Ķīšezera kāpa
Bekerauza
Lielā Ķīšupe
Mazā Ķīšupe
Ķīšezera purvs
Ķīšezera ezers
Ķīšezera dambis
Ķīšezera tilts
Ķīšezera iela
Ķīšezera parks
Ķīšezera kāpa

Рижское гетто.

Рижское гетто.

Рижское гетто. Депортация евреев из Германии. 1941 г.

Рижское гетто.

Рижское гетто.

Рижское гетто.

Рижское гетто.

Рижское гетто.

Рижское гетто.

Румбула. За два дня — 30 ноября и 8 декабря 1941 г. — было расстреляно 27 800 евреев. Дорога из гетто в Румбулу.

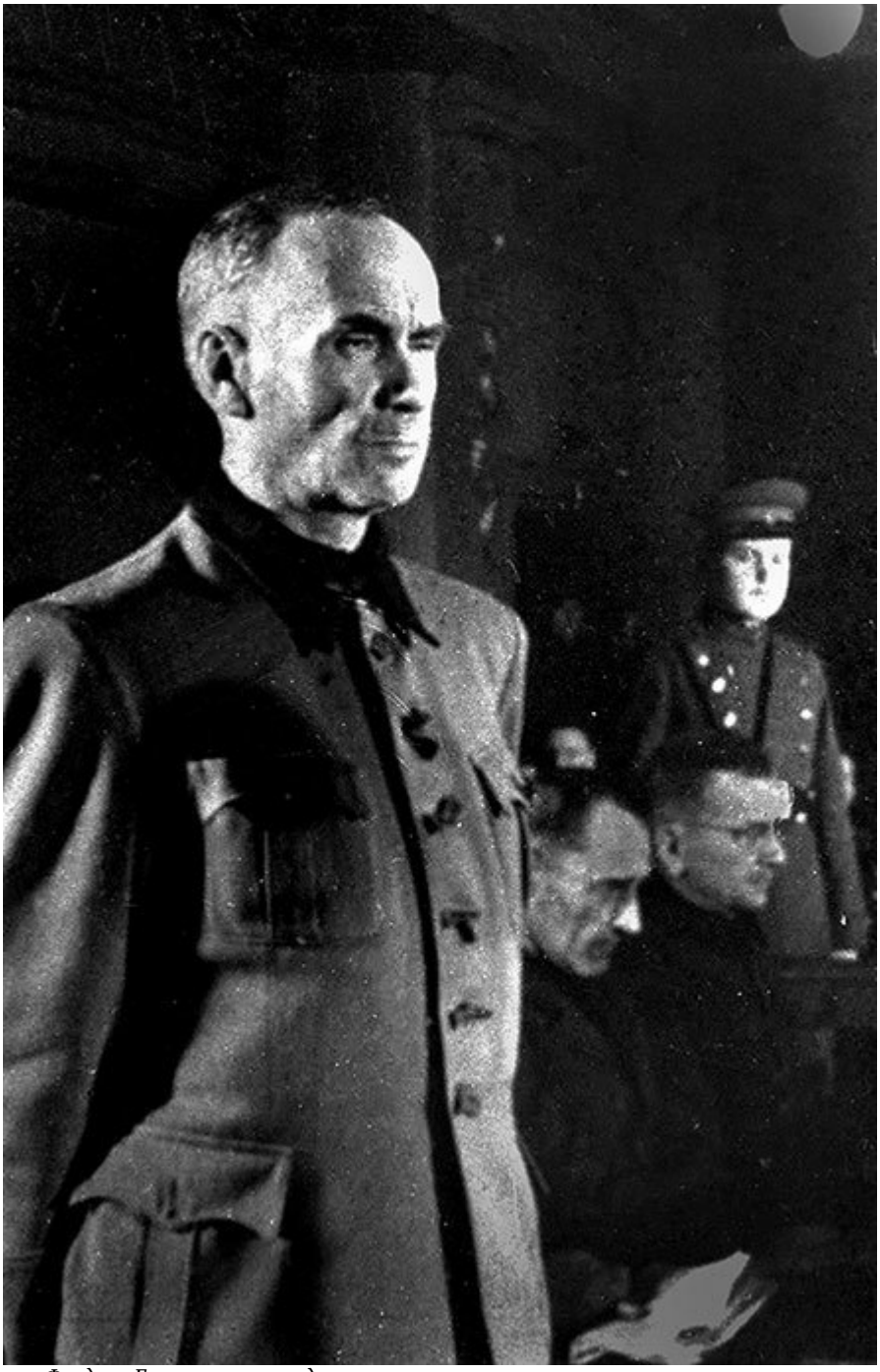
Памятник в Румбуле, установленный в 1964 г.

В сентябре 1943 г. Рижское гетто было ликвидировано, а его обитатели переведены в лагеря Кайзервальд (вверху) и Саласпилс (внизу).

Бикернциекский лес вблизи Риги в течение всей оккупации был одним из мест массового уничтожения евреев.

Рига после войны. Руины Большой хоральной синагоги.

Рига после войны. Дом офицеров, в котором проходил Рижский процесс.



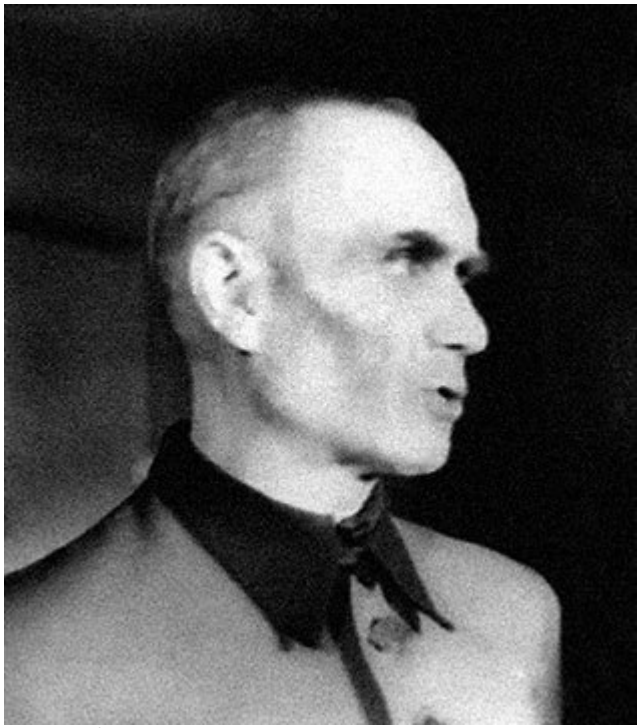
Фридрих Еккельн в зале суда.

Помощник Главного обвинителя от СССР Николай Зоря выступает на Нюрнбергском процессе.

Состав суда: майор юстиции М. Х. Якобсон-Андерсон, председатель военного трибунала Прибалтийского военного округа полковник юстиции М. И. Панкратьев, полковник юстиции Э. Р. Кирре, подполковник юстиции А. К. Бочков.

Полковник Виктор Цепков.

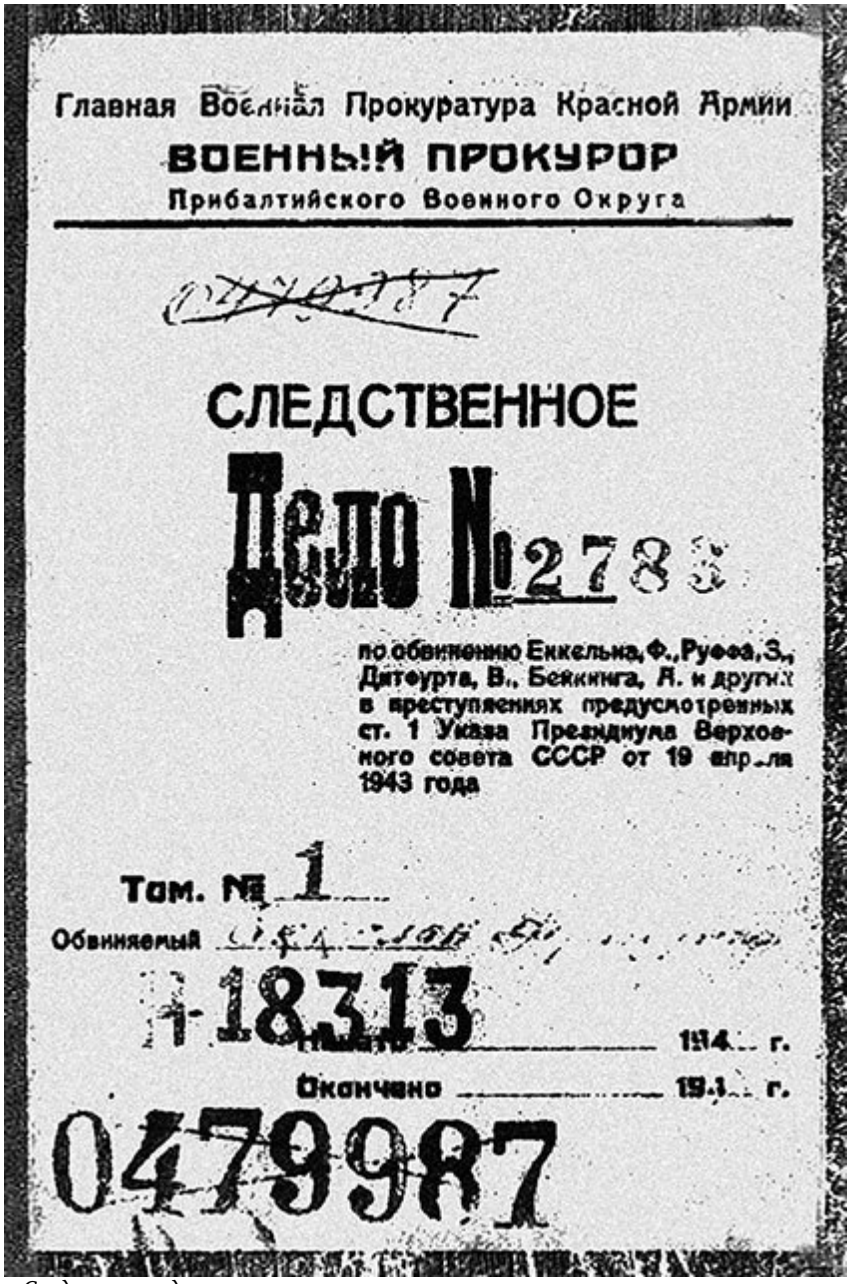
Полковник Михаил Панкратьев.



Подсудимый: Фридрих Еккельн

Подсудимый: Зигфрид Руфф

Подсудимый: Александр Беккинг



Главная Военная Прокуратура Красной Армии

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР

Прибалтийского Военного Округа

СЛЕДСТВЕННОЕ

Дело №2783

по обвинению Еккельна, Ф., Руффа, З., Дитфурта, В., Беккинга, А. и других в преступлениях предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 года

Том. № 1

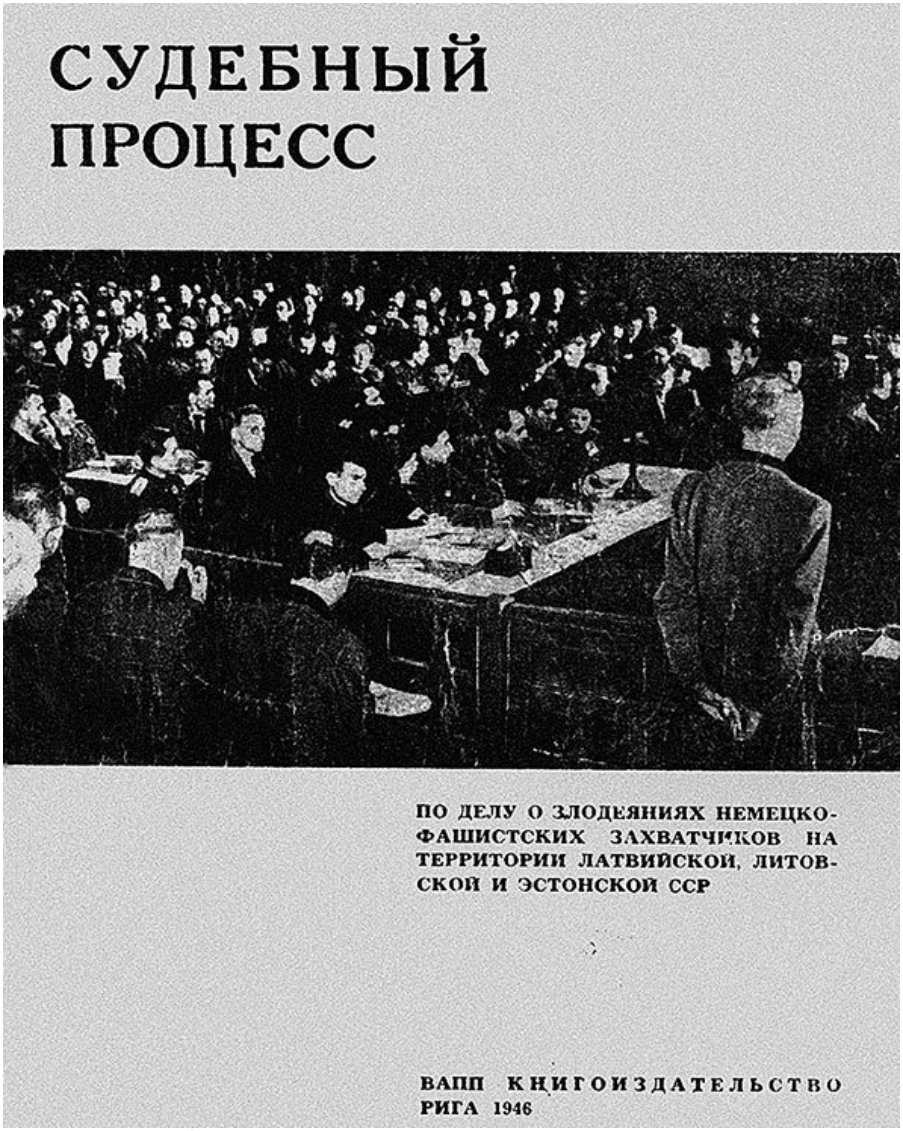
Обвиняемый

№ 18313 1944 г.

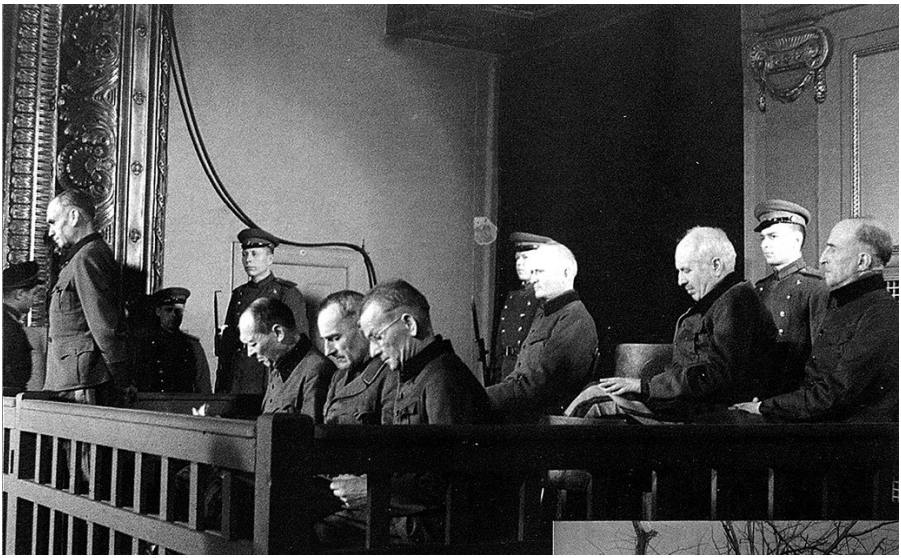
Окончено 1944 г.

0479987

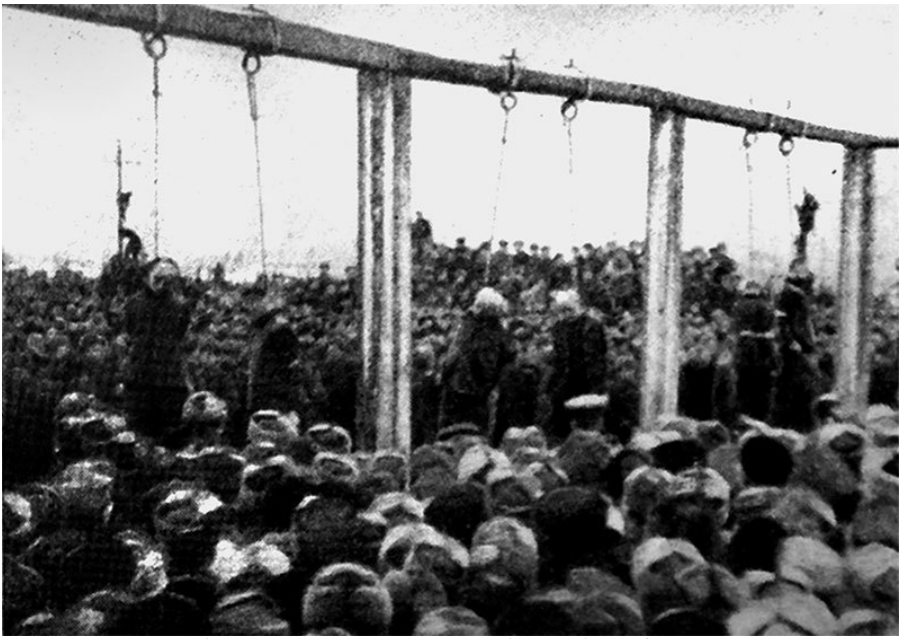
Следственное дело участников процесса.



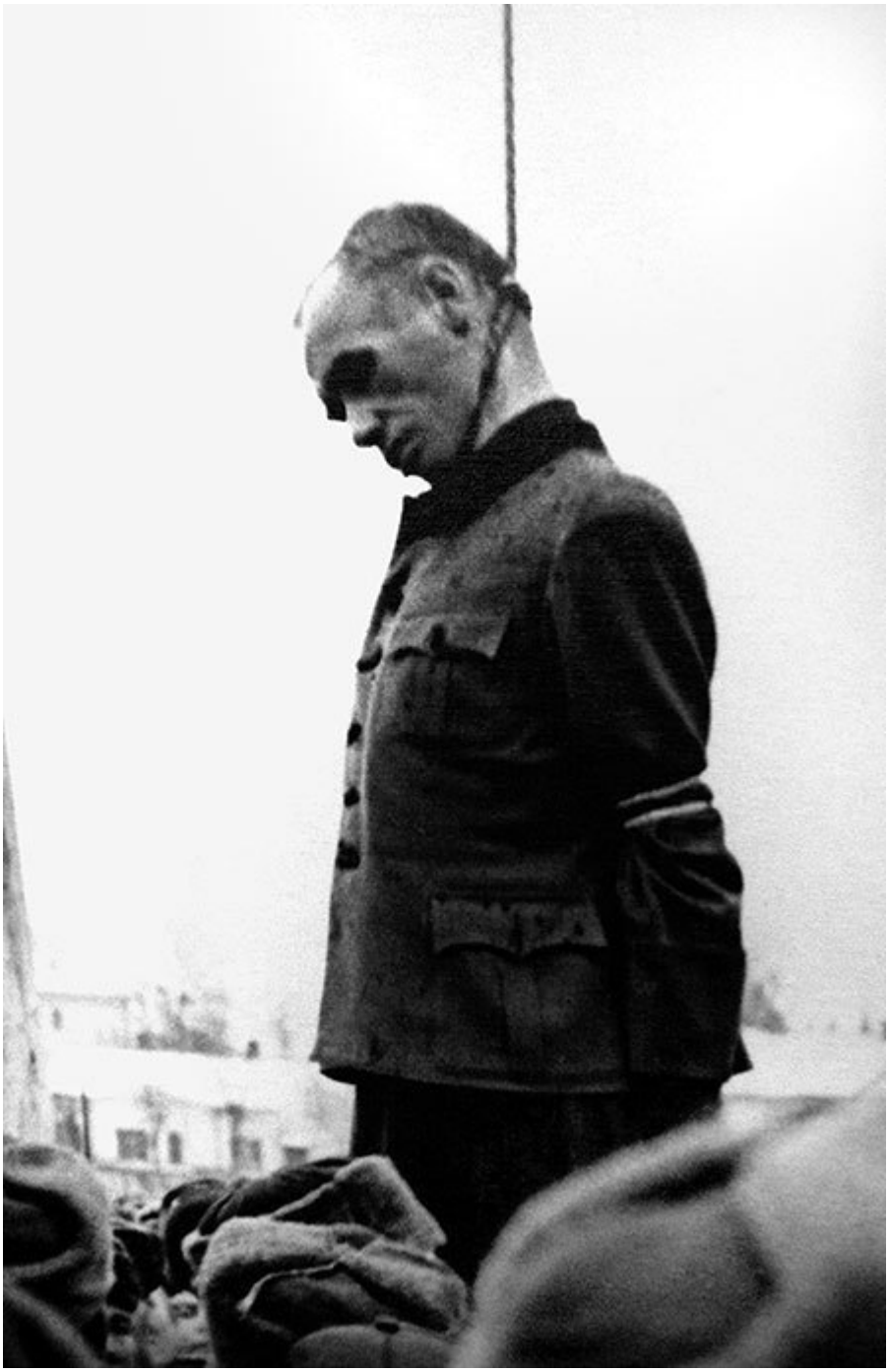
Брошюра о ходе Рижского процесса. 1946 г.



Скамья подсудимых. Стоит — Еккельн.



Приговор приведен в исполнение. Рига, площадь Победы. 3 февраля 1946 г.



notes

Примечания

1

Национал-социалистический механизированный корпус — полувоенная организация в составе НСДАП — оказывал помощь полиции в патрулировании автобанов.

2

К слову расскажу историю, похожую на притчу. В войне выжил сын Магды от первого брака Харальд Квандт. Его дочь — внучка Магды Геббельс — вышла замуж за еврея, перешла в иудаизм и активно участвует в жизни еврейской общины Гамбурга, а ее сын — правнук Магды Геббельс — офицер ЦАХАЛ, живет в Израиле.

3

Их обоих судили на Нюрнбергском процессе американского военного трибунала — восьмом по счету из 12 проведенных властями США в своей зоне оккупации. 10 марта 1948 года они были приговорены к двум годам и восьми месяцам заключения за членство в преступной организации (СС), но оправданы по пунктам обвинения в преступлениях против человечности.

4

В 1973 году в СССР был снят документальный фильм «Тайное и явное (Цели и деяния сионистов)». Представьте, в нем были заимствования из этой немецкой киноагитки. Советские пропагандисты не погнушались их использовать, прекрасно сознавая, что люди на этих кадрах были поголовно уничтожены нацистами.

5

Такой была повсеместная практика. Недавно в одном из мест, где отметились подчиненные Еккельна, в городе Александрии Кировоградской области, краеведы Валерий и Арсений Жванко обнаружили путеводитель для убийц — городскую адресную книгу. В этой книге напротив фамилий жильцов квартир в домах кто-то тщательно проставил их национальности. 4 октября 1941 года 301-м полицейским батальоном александрийские евреи были расстреляны. Эта история привлекла мое внимание еще и потому, что Александрия — родина моей мамы, откуда она с родителями в 1920-е годы перебралась в Москву.

6

Подчиненные дали Арайсу прозвище Шустин (по имени одного из чекистов, руководивших депортацией 1941 года). Не исключено, что за этим скрывался намек на его коммунистическое прозвище. Известны случаи вступления в команды карателей, чтобы скрыть свою деятельность в советский год.

7

След этого злодея, как ни странно, обнаружился в Москве 2015 года, когда радиоведущий Армен Гаспарян нашел на Донском кладбище незадолго до того поставленную мемориальную плиту генералам власовской армии и участникам покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, в их числе Небе, казненного за участие в заговоре. Потом плиту потихоньку убрали.

8

По свидетельству историка Анатолия Разумова, участвовавшего в раскопках одного из крупнейших могильников времен сталинского террора — Бутовского полигона в Москве, из 59 черепов только в четырех были обнаружены пулевые отверстия. Трупы лежали в специально вырытых траншеях шириной и глубиной до 4 метров. Людей складывали, как поленницу, до пяти слоев. Среди останков виднелись округлые срезы кольев на расстоянии метра друг от друга — их вбивали для поддержания этой конструкции из человеческих тел.

9

На его территории в первые декабрьские дни 1941 года расстреливали тех, кто пытался укрыться от Румбулы.

10

Вот вычитанная в Сети история в рифму. «Отец закончил воевать майором НКВД и после войны руководил большой базой мехтехники НКВД… Мы жили в коммуналке… В 1946-м майору НКВД Финкелю Г. А. дали „смотровой“ на квартиру в Козицком переулке, сразу за Елисеевским магазином… До начала войны в ней жила немецкая семья. Комендант снял печати, впустил нас и оставил одних. Две отдельные комнаты! Кухня!! Ванная с газовой колонкой!!! (Видно, непростые немцы жили.) На столе — тарелки с засохшими остатками… Распахнутые платяной шкаф и буфет… На полу валяется очень красивая кукла. Я хватаю ее, и хриплый крик-шепот мамы: „Положи!“ …Был семейный совет, и дедушка сказал: „Нельзя. Грешно“. Майор НКВД Финкель Г. А. отказался от предложенной квартиры» (http://erik-finkel.livejournal.com/1627.html).

11

Институт гигиены армейских частей СС упоминается в исторической литературе как предприятие, назначением которого было в том числе «распространение эпидемий сыпного тифа в оккупированных областях и районах Советского Союза в лагерях военнопленных. Массовое уничтожение советских граждан и военнопленных под предлогом борьбы с эпидемией сыпного тифа».

12

В 2006 году информационные агентства писали, что ученые из Сельскохозяйственного института Варшавы провели анализ кусочка мыла, созданного германским профессором Рудольфом Шпаннером в Анатомическом институте неподалеку от Гданьска с использованием жира из человеческих трупов. Но результаты судебно-медицинской экспертизы опубликованы не были.

13

Эпизод в рифму. В 1939 году в часть вермахта, где служил Вернер Гольдберг, явился армейский фотограф, которому нужен был голубоглазый солдат-блондин. Вскоре фотография появилась на страницах воскресной газеты *Berliner Tageblatt* под заголовком «Идеальный германский солдат». Позднее фотография использовалась на висевших повсюду вербовочных плакатах. Нацистские пропагандисты не знали, что Вернер — сын еврея, а когда спохватились, то было уже поздно, он красовался на стенах многих немецких домов.

14

По этому делу помимо указанных лиц был привлечен еще командир 403-й охранной дивизии генерал-лейтенант Вольфганг фон Дитфурт, но по состоянию здоровья он не смог предстать перед судом и умер в рижской тюремной больнице спустя три недели после процесса.

15

Московские процессы — общее название трех открытых судебных процессов над Зиновьевым, Каменевым и другими руководителями СССР, осужденными за сотрудничество с западными разведками с целью убийства Сталина, роспуска СССР и восстановления капитализма.

16

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) была создана в 1942 году, в ее задачи входил «полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области».

17

Вероятно, по причине отсутствия материалов о нем в ЧГК Штреккенбаху повезло, и он не был отдан под суд сразу после войны. Во всяком случае, на запрос МГБ от 28 ноября 1946 года направить материалы о нем в бытность его начальником айнзатцгруппы в Польше ответственный секретарь ЧГК П. Богоявленский 21 декабря 1946 года с грустью сообщил, что материалов о карательной деятельности бригадефюрера Штреккенбаха на территории Польши в комиссии нет (ГАРФ, Ф-7021 оп. 149, д. 123, лл. 36–37). Так Штреккенбаху удалось избежать смерти, которая ему неминуемо грозила, если бы вовремя были выявлены зверства, творимые в 1939 году в Польше возглавляемой им айнзатцгруппой.

18

Его имя как одного из бериевских подручных и фальсификаторов уголовных дел упоминалось на июльском (1953 года) пленуме ЦК КПСС, где разоблачали Берию.

19

«У нас такой закон? — картинно удивился Сталин после выступления на совещании с его участием Панкратьева с критикой института досрочного освобождения. — Такой закон нам не годится».

20

Массовые убийства пленных офицеров польской армии в Катынском лесу (Смоленская область) весной 1940 года сотрудниками НКВД. Нюрнбергский трибунал не поддержал советское обвинение немецких оккупационных властей в происшедшем, и в приговоре катынский эпизод отсутствует. Советский Союз до 1990 года отрицал свою причастность к происшедшему.

21

Справедливости ради надо сказать, что в ту войну эта тактика в определенной степени применялась и противной стороной. Приказ Ставки ВГК № 0428 от 17 ноября 1941 года предписывал создание специальных команд, которые должны были «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог». В числе исполнителей этого приказа была Зоя Космодемьянская.

22

Вайсиг был осужден в ходе другого показательного процесса — в Минске в январе 1946 года.

23

Поэт-коммунист, впоследствии лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии Латвии.

24

Что стало с Рошманом, читателю уже известно. Когда в ФРГ арестовали его бывшего адъютанта Макса Гимниха, тоже отличавшегося жестокостью, Кауфману разрешили навестить его в камере. После разговора с ним Гимних совершил самоубийство.

25

Заповедь, традиционно читаемая евреями во время пасхального седера.

26

Аман — библейский персонаж (из книги Есфири), царедворец персидского царя, задумавший погубить всех евреев в Персии.